

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК  
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

---

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES  
ARHAEOGRAPHICAL COMISSION  
ST. PETERSBURG BRANCH  
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY

**AUXILIARY  
HISTORICAL  
DISCIPLINES**

**XXXIV**



Saint Petersburg

2014

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ  
ИСТОРИЧЕСКИЕ  
ДИСЦИПЛИНЫ**

**XXXIV**



Санкт-Петербург

2014

ББК 63.2  
В85

**Вспомогательные исторические дисциплины** : сб. статей. —  
В85 Т. XXXIV. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. — 240 с., 33 ил.

ISBN 978-5-86007-784-3

В очередной том сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» включены статьи, в которых представлены результаты изучения широкого круга разнообразных источников письменного, художественного и вещественного наследия VI—XX вв.

В статьях сборника рассмотрены источники, или впервые вводимые в научный оборот, или комплексный анализ которых не был ранее осуществлен, или не достаточно полно использованные в современной историографической традиции. В статьях описаны материалы не только разнообразных нарративных источников, но и сфрагистических и иконографических.

Все материалы публикуются впервые.

ББК 63.2

Редакционная коллегия:

З. В. Дмитриева, М. П. Ирошников (зам. отв. редактора), чл.-корр. РАН С. М. Каштанов, В. И. Мажуга, чл.-корр. РАН И. П. Медведев, С. В. Мироненко, Е. К. Пиотровская (отв. секретарь), В. Н. Плешков, М. Б. Свердлов, Н. Н. Смирнов (отв. редактор), Е. Д. Твердюкова, А. В. Чиркова, А. Н. Чистиков, академик РАН В. Л. Янин

*Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.*

ISBN 978-5-86007-784-3

© Археографическая комиссия РАН,  
Санкт-Петербургское отделение, 2014  
© Санкт-Петербургский институт истории  
РАН, 2014  
© Коллектив авторов, 2014  
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014



---

## ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Очередной том «Вспомогательных исторических дисциплин» выходит в трудное время для нашего государства — конец 2014-го, период обострения многочисленных санкций экономического и идеологического характера, введенных против России западными странами. Однако издание продолжает существовать.

Традиции, заложенные нашими предшественниками, не должны прерываться. У истоков становления и развития «Вспомогательных исторических дисциплин» в XIX—XX вв. стояли замечательные подвижники, они открыли и ввели в науку редкие уникальные источники, утвердили их классификацию, выработали правила и приемы источниковедческих и историографических методов изучения памятников письменности и материальной культуры. Н. П. Лихачев, С. Н. Валк, Б. Д. Греков, А. И. Копанев, Е. Э. Липшиц, Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт, Н. Н. Покровский, В. И. Рутенбург, А. Д. Люблинская, Е. Ч. Скржинская и многие другие оставили фундаментальные труды, которые должны постигать последующие поколения. Ответственность за сохранение их богатого наследия лежит на ученых нашего времени.

Редколлегия «Вспомогательных исторических дисциплин» совместно с издательством «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» подготовила к изданию небольшой по объему том, в котором представлены статьи ученых, плодотворно разрабатывающих проблемы вспомогательных исторических дисциплин, особенно комплексного источниковедения, палеографии, генеалогии и широкого спектра нарративных источников.

На рубеже XX—XXI вв. интерес к вспомогательным историческим дисциплинам чрезвычайно возрос, выделились в отдельные направления использующие технические новшества филиграноведение, кодикология, широко взаимодействующие с реставрационными методами. Особый интерес и ранее вызывали пометы и записи писцов и книжников Средневековья, а в последнее время не только их письменная фиксация исследуется учеными, но и знаковые системы, значки и т. д. Широкое распространение в современном источниковедении и историографии получила фалеристика.

Том состоит из трех разделов.

В первом разделе анализируются источники по отечественной истории от средневековой Руси, начальной Петровской эпохи и до истории России начала XX в. Материалы статей отразили современную проблематику

историографической традиции, в которой особое внимание уделено XVI веку — времени становления и развития государственности России. Источники Петровской эпохи, особенно раннего периода дипломатических связей, показывают сложные механизмы распространения международного влияния России, становления дипломатической, переговорной практики и этикета. Противоречивый трагический XX век представлен материалами начала его истории — проблемами реформ Балтийского региона и истории захоронений Первой мировой войны в тогдашней столице империи — Петрограде.

Второй раздел составили статьи, связанные с широким кругом источников византийского, южнославянского, а также иконографического наследия Святой Горы Афон. Следует отметить, что в издании византиноведению, его многовековому наследию, связей со славянским миром, Древней Русью и Россией всегда уделялось большое внимание. В изданных томах XXIII, XXVI, XXIX, XXX значительная часть статей была посвящена изучению разнообразных источников и наследию выдающихся ученых. Поэтому этот раздел органично вписывается в тематику издания, как и завершающий третий раздел, в который вошли исследования по западноевропейской палеографии и кодикологии.

Особенностью статей тома XXXIV являются описания отдельных выявленных предварительных наблюдений и намеченных будущих направлений исследования. Редколлегия надеется, что представленные материалы ученых, как состоявшихся, так и начинающих преодолевать пути познания, будут востребованы ученым сообществом.

I



---

А. В. СЕРГЕЕВ

## КНЯЗЬЯ ЯРОСЛАВСКИЕ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XVI в.: ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Многочисленные упоминания историческими источниками представителей княжеских фамилий позволяют заключить, что в процессе формирования и развития Московского государства на протяжении XV—XVII вв., наряду со служилыми людьми нетитулованных родов, важная роль принадлежала княжеской аристократии. Генеалогические и биографические изыскания в целях выяснения ее персонального состава, происхождения, эволюции общественного статуса необходимы для осмысления социально-политических процессов, общественных изменений, функционирования социальных институтов указанного периода. Однако специальных генеалогических и просопографических исследований княжеских родов в нашей историографии немного. Указанное обстоятельство не раз становилось причиной появления «генеалогических мифов», некоторые из которых воспроизводились в работах разных авторов на протяжении многих лет<sup>1</sup>. Для периода XVI—XVII вв. генеалогические изыскания особенно трудоемки, поскольку сведения о людях этого времени разбросаны в большом массиве различных источников не только письменных, но и вещественных. Возможно, что именно трудоемкость стала одной из причин небольшого

---

<sup>1</sup> Одной из наиболее известных ошибок является неправильное определение степени родства двух князей Дмитриев Ивановичей: сына и внука Ивана III. В результате духовная грамота сына Ивана III была приписана его внуку: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 147. См. также: *Назаров В. Д.* О генеалогических мифах в современной историографии // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1. С. 149—156.

количества работ по данной тематике. Из имеющихся исследований важное научное значение имеют труды Н. П. Лихачева, С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, В. Д. Назарова<sup>2</sup> и других авторов. Одной из малоизученных является ветвь князей Ярославских<sup>3</sup>. Кроме раздела в монографии А. А. Зимина научных исследований о них за XVI в. нет. А. А. Зимин на основе широкого круга источников проанализировал биографические сведения представителей наиболее видных фамилий князей Ярославских за период с 1460-х по 1534 г. В настоящей статье мы попытаемся продолжить изучение данного вопроса. При рассмотрении биографических данных представителей княжеских фамилий будем обращать внимание на социальный статус, землевладение, а также связи с монастырями, местнические счета, проблемы в реконструкции родословных и связанные с ними «генеалогические мифы». На основе полученных данных попытаемся охарактеризовать общий социальный облик князей Ярославских в рассматриваемый период, оценить степень их участия в исторических событиях второй трети XVI в.

Прежде всего необходимо отметить, что ветвь князей Ярославских была самой многочисленной в роду Рюриковичей и насчитывала 33 фамилии. Следующая по численности ветвь князей Оболенских насчитывала около 20 фамилий. Подсчет произведен по главам Бархатной книги, составленной в конце XVII в., в которой князья указаны в порядке родового старшинства<sup>4</sup>. При записи в нее учитывались родословные росписи, поданные в Разрядный приказ представителями разных фамилий, в числе которых были князья Ярославские: Бельские<sup>5</sup>, Великогагины, Деевы,

---

<sup>2</sup> Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 49—61; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Зимин А. А.: 1) Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 56—69; 2) Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988; Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М.: РГГУ, 1995; Назаров В. Д.: 1) Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М.: Памятники ист. мысли, 1999. Вып. 5. С. 175—196; 2) Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Владимир, 2006. С. 32—84.

<sup>3</sup> Исключением является личность князя А. М. Курбского, биографии и сочинениям которого посвящено много работ.

<sup>4</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги... / изд. Н. И. Новиков. М.: Унив. тип., 1787. Ч. 1. С. 115—179.

<sup>5</sup> Князья Бельские отделились от Морткиных, и их следует отличать от однофамильцев, принадлежавших к первостатейной знати Государева двора второй

Дуловы, Засекины, Засекины-Солнцева, Жировые-Засекины, Львовы, Морткины, Прозоровские, Троекуровы, Шаховские, Шехонские, Щетинины<sup>6</sup>. По каким-то причинам отсутствует роспись князей Голыгиных, живших в конце XVII в.<sup>7</sup> Возможно, у них ее просто не нашлось. Таким образом, росписи смогли подать менее половины от числа фамилий князей Ярославских, известных в XVI—первой половине XVII в. Остальные к этому времени угасли, и сведения о них были приведены по данным Государева родословца, составленного в 1550-х гг., и, вероятно, с учетом информации, представленной другими фамилиями. Наименования княжеских фамилий могли в некоторых случаях приводиться без учета их реального использования, просто для удобства различения и определения степени родства и старшинства. Поэтому необходимо принять во внимание упоминания князей в источниках именно под фамилиями, указанными в Бархатной книге. В подавляющем большинстве случаев князья Ярославские фигурируют в разных источниках под теми же фамилиями, что в Бархатной книге и других родословных. Исключением являются Сандыревские, упоминавшиеся в источниках под фамилией Засекиных. Кроме выделенных в Бархатной книге фамилий Засекиных-Жировых и Засекиных-Солнцевых представляется целесообразным ввести особые условные наименования для князей Засекиных-Темносиних (включив сюда Сандыревских), Засекиных-[Бородатых] и Засекиных-[Давыдковских], хотя в источниках эти фамилии не различались, а писались просто Засекиными. Князья Зубатые поделены в Бархатной книге на Луговских, Векошкиных, Львовых. Поскольку первые две фамилии в источниках (помимо родословных) не фигурируют, можно объединить их под общим наименованием Зубатых-Львовых или просто Львовых. С учетом указанных уточнений состав фамилий князей Ярославских следующий: старшими в родословной «лестнице» были потомки первого сына князя Василия Давыдовича Грозного (Алабышевы, Аленкины, Троекуровы, Сисевы, Великогагины (Гагины), Шестуновы, Курбские, Пенковы, Юхотцкие, Кубенские); средние ступени родословной «лестницы» занимали потомки двух младших сыновей В. Д. Грозного (Щетинины, Засекины-[Темносиние], Засекины-[Бородатые], Засекины-Солнцева, Засекины-Жировые, Засекины-[Давыдковские], Шаховские, Морткины, Бельские, Шехонские, Деевы,

---

трети XVI в. литовско-русского происхождения — князей Бельских из рода Гедимины.

<sup>6</sup> Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографический центр, 1996. С. 91, 105, 145, 149, 155, 159, 223, 236, 272, 314, 334, 336, 340.

<sup>7</sup> Сохранилась жалованная грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей на вотчину в Рязанском уезде за Крымские походы князю Василию Петровичу Голыгину (Цетков А. И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV—XVII веков. Рязань, 2005. Т. 1. № 145. С. 457 (по публикации в изд. Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1891. Т. 5. С. 103—104)).

Зубатые-Львовы, Охлябинины, Хворостинины); младшими были потомки князя Михаила Давыдовича Моложского (Сицкие, Моложские, Судцкие, Прозоровские, Шуморовские, Шаminy (Глебовы), Голыгины, Ушатые, Дуловы).

### Старшая ветвь князей Ярославских

Несмотря на старшинство в родословной «лестнице» общественный статус князей Алабышевых и Аленкиных может быть охарактеризован, как «средний». Никто из них не имел думных чинов, но они упоминались разрядами в качестве воевод и наместников и, кроме того, сохраняли вотчины в «родовом гнезде». Князь Семен Федорович Алабышев не раз занимал разрядную должность полкового, городского воеводы, наместника в Нижнем Новгороде и Костроме в 1516—1541 гг.<sup>8</sup> Он был женат на дочери боярина князя Василия Андреевича Микулинского<sup>9</sup>.

Двоюродный брат С. Ф. Алабышева — князь Андрей Александрович Аленкин служил воеводой и наместником в 1540-х гг.<sup>10</sup> В 7056 (1547/48) г. он передал в Спасо-Ярославский монастырь «свою вотчинную деревню Сенково без выкупу по своих родителей, и по своем отце, и по матере, и по себе, и по своей жене, и по своих детех, и по всем своем роду в ветчной поминок»<sup>11</sup>. Сохранились две его данные грамоты Троице-Сергиеву монастырю (ТСМ) от 20 декабря 1554 г.<sup>12</sup> и 10 декабря 1556 г.<sup>13</sup> Эти грамоты опровергают сообщение родословных о бездетности А. А. Аленкина. Согласно тексту грамот он имел сыновей Федора, Андрея и дочерей Анну, Ульяну, Марфу. Его жену звали Марфа, и она постриглась около 1556 г., а мать звали Орина. В грамоте упоминаются его брат Федор и племянник Андрей, но не упомянут второй племянник Юрий, что косвенно свидетельствует о его смерти до этого времени<sup>14</sup>. Писцовыми

<sup>8</sup> Разрядная книга 1475—1598 гг. М. : Наука, 1966 (далее РК 1598). С. 59, 65, 67, 72, 89, 92, 93, 102—104.

<sup>9</sup> Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... // *Титов А. А.* Рукописи славянския и русския, принадлежащия И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 51. № 219; Акты феодального землевладения и хозяйства. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2. № 191, 200.

<sup>10</sup> РК 1598. С. 90, 116; Разрядная книга 1475—1605 гг. М. : АН СССР : Наука, 1977 (далее РК 1605). Т. 1, ч. 2. С. 262, 355; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. М. : Древлехранилище, 2000. С. 152; *Смирнов М. И.* Переславль-Залесский : ист. очерк 1934 г. : в 2 ч. Переславль-Залесский, 2005. Ч. 1. С. 94.

<sup>11</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. № 6. С. 28.

<sup>12</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 29. Ед. хр. 8. Папка 4. № 1124. Л. 1274.

<sup>13</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. № 9. С. 30.

<sup>14</sup> Вклад по нему в ТСМ был сделан его отцом 1541 августа 14 (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука, 1987 (далее ВКТСМ). С. 88).



книгами земель ТСМ отмечены «дачи кн. Ондreja Оленкина» в Ярославском уезде в Закотороском стане деревни Лепенино и Козленцово, находившиеся у него в вотчинном владении<sup>15</sup>. Кроме того, у него были земли в Костромском уезде, а также деревни Лешаковские Сабанчины, Станавшикова, Медведкова, Черленкова и другие в Ярославском уезде<sup>16</sup>.

Племянник С. Ф. Алабышева и А. А. Аленкина — князь Андрей Федорович Аленкин-Жеря упоминался в 7056 (1548) г. в данной грамоте своего дяди князя А. А. Аленкина Спасскому монастырю в Ярославле<sup>17</sup>. Первым служебным упоминанием о нем стала запись в Тысячную книгу (ТК) в третьей статье по Ярославлю<sup>18</sup>. С «благовещеньева дни» (25 марта) 1553 г. он был наместником в Чернигове с воеводой князем М. М. Троекуровым<sup>19</sup>.

А. Ф. Аленкин был единственным представителем данной фамилии князей Ярославских в Дворовой тетради (ДТ) и в «Княжеском списке» был записан сразу после Прозоровских и А. М. Курбского<sup>20</sup>. Разрядами его назначения воеводой в города и полки отмечались до 1567 г.<sup>21</sup> В источниках есть данные о наличии у него вотчин в Ярославском уезде, которые он около 1555 г. передал ТСМ по отцу и по себе<sup>22</sup>.

Фамилия Аленкиных владела землями в Ярославском уезде, и ее представители занимали важные должности воевод и наместников, но к началу 1560-х гг. в живых из мужской линии, по-видимому, оставался один А. Ф. Аленкин-Жеря. После его гибели в одном из сражений Ливонской войны данная фамилия пресеклась<sup>23</sup>. Думных чинов Алабышевы и Аленкины не получали.

Второй по старшинству в «лестнице» Ярославских была фамилия князей Троекуровых. Их можно причислить к верхнему слою княжеской аристократии, поскольку они не только исполняли должности полковых, городских воевод и наместников, но вошли в Боярскую думу. Высший

---

<sup>15</sup> Писцовые книги Московского государства. Изд. Императорского Русского географического общества. Писцовые книги XVI века / под ред. Н. В. Калачева. СПб. : Имп. Рус. геогр. о-во, 1877 (далее ПКМГ). Ч. 1. Отд. 2. С. 7.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 457—459; Кн. 254. № 94; Архив СПбИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 8. № 1124. Л. 1274.

<sup>17</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. С. 28.

<sup>18</sup> Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. ; Л., 1950 (далее ТКДТ). С. 62.

<sup>19</sup> РК 1598. С. 139.

<sup>20</sup> ТКДТ. С. 121.

<sup>21</sup> РК 1598. С. 132, 139, 177, 105, 201, 212, 224.

<sup>22</sup> ВКТСМ. С. 88.

<sup>23</sup> Возможно, его убили опричники во время казней по «делу» боярина И. П. Федорова 1567—1568 гг. (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М. : АН СССР, 1963. С. 355 ; Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. Пг., 1914. Т. 31. С. 307).

дмный чин им жаловался сразу, минуя промежуточную ступень окольничего. Князь Иван Михайлович «быль у Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича въ Боярхъ»<sup>24</sup>. По одним данным боярином он стал в 7064 (1555/56) г.<sup>25</sup> Однако помета в неопубликованных списках ДТ «боярин 63-го»<sup>26</sup> дает основание отнести пожалование ему этого чина к 7063 (1554/55) г. Разрядными книгами он впервые был отмечен в 1520 г. (третий воевода в Мещере)<sup>27</sup>. К 1547 г. И. М. Троекуров имел большой послужной список и был указан в выписи из боярского списка осени 1547 г. под заголовком «Князи и дети боярские» вместе с сыном Федором<sup>28</sup>. Князь Федор Иванович с мая 1550 г. служил воеводой в Галиче<sup>29</sup>, а весной 1551 г. был направлен вторым воеводой в Тулу<sup>30</sup>. Вероятно, благодаря служебным заслугам и старшинству в «лестнице» князей Ярославских И. М. Троекуров в 1550 г. получил высший поместный оклад по первой статье ТК<sup>31</sup>. В росписи от 9 мая 1552 г. И. М. Троекуров был первым воеводой сторожевого полка в походе к Свяязску из Мурома, а потом вторым воеводой в ертауле<sup>32</sup>. С июня 1552 г. он возглавлял передовой полк в Калуге<sup>33</sup>. После взятия Казани И. М. Троекуров был послан на годовую службу в Свяязск и отсутствовал в Москве во время «мятежа» весной 1553 г.<sup>34</sup> Его сын Федор в походе к Казани 1552 г. служил в ертауле, а во время возвращения войск после ее взятия был вторым воеводой большого полка, шедшего к Нижнему Новгороду «подем горнею стороною»<sup>35</sup>.

---

<sup>24</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 116.

<sup>25</sup> Послужной список старинных Бояр и Дворецких, Окольничих и некоторых других придворных чинов... // Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М. : Тип. Компании Типографической, 1791. Ч. 20 (далее ДРВ. Ч. 20). С. 41.

<sup>26</sup> ОР РНБ. Ф. 487 (Собрание Н. М. Михайловского). Ф. 162. Л. 44—124 ; ОР ГИМ. Музейское собрание № 3417. Л. 47 об.

<sup>27</sup> РК 1598. С. 65 ; РК 1605. Т. 1, ч. 1. С. 172.

<sup>28</sup> Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975. С. 53. В этом же году разряды впервые упоминают об их совместной службе в Нижнем Новгороде (РК 1598. С. 111 ; РК 1605. Т. 2, ч. 2. С. 337).

<sup>29</sup> РК 1598. С. 125 ; РК 1605. Т. 2, ч. 2. С. 387.

<sup>30</sup> РК 1598. С. 131 ; РК 1605. Т. 2, ч. 2. С. 404.

<sup>31</sup> ТКДТ. С. 55.

<sup>32</sup> РК 1598. С. 134, 136

<sup>33</sup> РК 1598. С. 135—136.

<sup>34</sup> В мае 1553 г. он возглавлял большой полк вспомогательной рати, шедшей из Нижнего Новгорода к Свяязску на соединение с основными силами, двигавшимися из Казани под командованием князя Ю. М. Булгакова (РК 1598. С. 139—140).

<sup>35</sup> РК 1598. С. 138 ; Полное собрание русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000 (далее ПСРЛ). Т. 13 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 203.

Младший брат И. М. Троекурова — князь Михаил Михайлович впервые упомянут разрядами в июле 1537 г. вторым воеводой в Нижнем Новгороде «за городом». Его разрядные назначения отмечались в 7048 (1539/40) и 7049 (1540/41) гг. В 1543 г. он служил воеводой и наместником в Путивле. В Калуге с 25 мая 1552 г. М. М. Троекуров возглавлял сторожевой полк. С «благовещеньева дни» (25 марта) 1553 г. он был воеводой в Чернигове вместе с наместником князем А. Ф. Аленкиным<sup>36</sup>.

В Полоцком походе 1562—1563 г. участвовали в числе князей и детей боярских, «прибранных в ясоулы», Федор Иванович, Василий и Федор Михайловичи Троекуровы. Князь М. М. Троекуров был указан в числе сторожей царского стана<sup>37</sup>.

Среди князей Ярославских Троекуровы к середине XVI в., после схода с политической сцены Кубенских и Пенковых, заняли одно из первых мест. Их возвышение, по-видимому, было обусловлено как продолжительной успешной службой князя Ивана Михайловича, так и младших представителей. И. М. Троекуров первым в данной фамилии князей Ярославских получил чин боярина. Видное положение Троекуровых было обусловлено не только успешной службой, но и брачными связями. По некоторым данным, одной из жен И. М. Троекурова была дочь Никиты Романовича Захарьина<sup>38</sup>. Родство с Романовыми означало и родственные связи с царской семьей. Земельные владения Троекуровых располагались недалеко от Москвы. Поскольку все они служили при Дворе, им необходимы были земли поблизости от места службы<sup>39</sup>. Об их земельных владениях в Ярославском уезде определенных сведений нет. Вместе с тем Троекуровы были тесно связаны со Спасо-Ярославским монастырем, где многие из них были похоронены<sup>40</sup>. Обычно в подобных случаях монастырю передавались вотчины, расположенные поблизости. Судя по этим данным, у них оставались земли в «родовом гнезде». В пользу этого говорит и запись Троекуровых в ТК по Ярославлю.

Предок следующих за Троекуровыми в родословной «лестнице» князей Сисеевых — Семен Романович был боярином Ивана III в 1495—1504 гг. В перечне бояр 1546 г. в числе стряпчих третьим был записан

---

<sup>36</sup> РК 1598. С. 92, 99, 102, 105, 110, 117, 123, 126—127, 139; РК 1605. Т. 2, ч. 2. С. 269, 309, 388.

<sup>37</sup> Русский дипломатарий. М.: Дрвлекхранилище, 2004. Вып. 10. С. 130—131.

<sup>38</sup> Краткое историческое описание Московского ставропигиального перво-классного Новоспасского монастыря... М., 1802. С. 29.

<sup>39</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 37, 40, 671.

<sup>40</sup> *Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М.: Синодальная тип., 1896. Т. 3: Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение — Книга Кормовая. С. 33.

князь Федор Иванович (?) Сисеев<sup>41</sup>. Позднее он получил более высокий чин стольника<sup>42</sup>. Князь Федор Васильевич Сисеев был женат на тетке князя Ивана Михайловича Глинского<sup>43</sup>. Он служил в качестве полкового воеводы, бывал в царской свите, но думным чином удостоен не был. Его дядя — князь Иван Константинович источниками упоминался мало. Судя по помете в ДТ, он умер между 1552 и 1562 г. Из его данной грамоты Спасо-Ярославскому монастырю следует, что земли в Ярославском уезде у него были<sup>44</sup>. Двоюродный брат И. К. Сисеева, записанный вместе с ним в ДТ, князь Иван Петрович разрядами отмечался до 7064 (1555/56) г.<sup>45</sup> Последнее упоминание о нем относится к 1560 г.<sup>46</sup> Он также имел вотчинные владения в Ярославском уезде<sup>47</sup>. Поместье под Москвой «100 четви в поле, а в дву потомуж» было у князя Ф. В. Сисеева<sup>48</sup>. Он мог получить его в ходе реализации «Тысячной реформы» 1550 г., поскольку размер земли точно соответствовал поместному окладу «тысячника» третьей статьи, в числе которых «по Ярославлю» был записан князь Ф. В. Сисеев<sup>49</sup>.

Сисеевы входили в верхний слой круга княжеских аристократических фамилий и занимали при Дворе заметное положение, благодаря родственным связям и заслугам князя Семена Романовича. Во второй трети XVI в. земельные владения данной фамилии располагались в Ярославском уезде и под Москвой.

Фамилия Гагиных (Великогагиных) была четвертой в родословной «лестнице» князей Ярославских<sup>50</sup>. Младший брат и тезка князя Василия

---

<sup>41</sup> В родословных он отсутствует. В. Д. Назаров предположил, что в тексте допущена ошибка в отчестве и следует читать «Васильевич» (*Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» ... С. 52, 54*).

<sup>42</sup> Нельзя полностью исключить возможности, что в списке указан сын князя Ивана Константиновича Сисеева или князя Ивана Петровича Кривого [Сисеева] и соответственно двоюродный или троюродный брат князя Ф. В. Сисеева, записанного в стольниках. Хотя в родословных оба князя Ивана значатся бездетными, но подобные указания не всегда соответствуют фактам.

<sup>43</sup> *Кобрин В. Б. Материалы генеалогии ... С. 51 ; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. № 19.*

<sup>44</sup> ТКДТ. С. 121 ; *Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М. : Синодальная тип., 1896. Т. 1 : Княжьи и царские грамоты. С. 43—45.*

<sup>45</sup> Воевода «в Василегороде» (РК 1598. С. 160).

<sup>46</sup> В духовной грамоте от 7 июня окольничего Семена Дмитриевича Пешкова Сабурова (Русский дипломатический. Вып. 7. С. 61).

<sup>47</sup> *Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 1. № 31—32. С. 39—41.*

<sup>48</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 31.

<sup>49</sup> ТКДТ. С. 62.

<sup>50</sup> Основателем фамилии был князь Петр Васильевич Великий, и его потомки по старшей линии именовались князьями Великими, но после того, как пресеклись

Андреевича Гаги, по сообщению родословных, «побежалъ въ Литву»<sup>51</sup>. Когда это произошло, неизвестно, возможно в 1550-х гг. Князь В. А. Гагин впервые отмечен разрядами в 1546 г., когда был первым воеводой в Василь-городе<sup>52</sup>. В ТК он был записан по Ярославлю. С «благовещеньева дни» (25 марта) 1552 г. Василий Андреевич был назначен вторым воеводой в Трубчевск «по крымским вестям»<sup>53</sup>. С 25 мая 1552 г. он служил вторым воеводой сторожевого полка в Коломне и Кашире и последний раз упоминался разрядами в 1555 г., когда был «с Николина дни вешнего» (9 мая) — первым воеводой в Свяжске «в городе»<sup>54</sup>. Из-за совпадения имен сыновей князя В. А. Гагина (обоих звали Иванами) не всегда ясно, о котором из них говорится в источниках. Большинство сведений относятся, по-видимому, к Ивану Меньшому, сделавшему в последней трети XVI в. успешную карьеру при Дворе<sup>55</sup>. Окольничеством он был пожалован около 1592 г., а помета об этом в издании ДТ, скорей всего, ошибочна<sup>56</sup>. В списке ДТ Музейском и Н. М. Михайловского помета «почернен написан околничей» стоит у имени В. А. Гагина<sup>57</sup>. Об окольничестве самого В. А. Гагина неизвестно. Вероятно, он умер в Свяжске. В 7067 (1558/59) г. чин околничего получил его дальний родственник и тезка князь Василий Андреевич Сицкий. Возможно, указанная помета ДТ должна была относиться к нему, тем более что у имени В. А. Сицкого она отсутствует, хотя в перечень околничих ДТ он включен.

Запись Гагиных по Ярославлю в ТК и ДТ показывает, что они владели родовыми землями в Ярославле. В межевых книгах ТСМ отмечена вотчина князя В. А. Гагина — село Тимофеевское, деревни Савкина, Воробьева, Старостина, Першина, Шевкова в Переславском уезде<sup>58</sup>. Социальный статус Гагиных в рассматриваемый период примерно соответствовал уровню Аленкиных, поскольку они не имели думных чинов<sup>59</sup>, но получали разрядные назначения. В успехах по службе Гагины уступали младшим родственникам Шестуновым.

---

все линии, кроме потомков князя Василия Гаги, они стали называться Великогагиными или просто Гагиными.

<sup>51</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 119.

<sup>52</sup> РК 1598. С. 110; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 320.

<sup>53</sup> РК 1598. С. 139.

<sup>54</sup> РК 1598. С. 152.

<sup>55</sup> Регулярные упоминания его источниками начинаются после 1566 г.

<sup>56</sup> Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 175; РК 1598. С. 465.

<sup>57</sup> ТКДТ. С. 121; ОР РНБ. Ф. 487 (Собрание Н. М. Михайловского). Ф. 162. Л. 50; ОР ГИМ. Музейское собрание № 3417. Л. 47 об.

<sup>58</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 254. № 214—216.

<sup>59</sup> Окольничим и дворецким в начале XVI в. был их родоначальник — князь П. В. Великий (*Зимин А. А. Формирование ... С. 90*).

В первой половине XVI в. чин окольного был у князя Семена Васильевича Шестунова, умершего около 7046 (1537/38) г.<sup>60</sup> Во второй статье ТК по Ростову были записаны его сыновья — Дмитрий и Константин Семеновичи<sup>61</sup>. Д. С. Шестунов впервые упомянут в июне 1528 г., когда подписал поручную грамоту по князьям Иване и Андрее Михайловичам Шуйским<sup>62</sup>. В 7055 (1546/47) г. он был первым воеводой «от казанские украинны» в Мещере<sup>63</sup>. Около 7056 (1547/48) г. Д. С. Шестунов выступал послухом в данной грамоте ТСМ князя А. М. Ромодановского<sup>64</sup>. Около 7066 (1557/58) г. он получил, как и отец, чин окольного<sup>65</sup>.

Младший брат Д. С. Шестунова — Константин также подписал в 1528 г. поручную грамоту по Шуйским. Единственное упоминание его разрядами относится к 1551 г., когда он был на третьем месте в списке воевод «на годованье» в Смоленске<sup>66</sup>. Возможно, К. С. Шестунов вскоре заболел, умер или постригся, поскольку его нет в ДТ, где записан Д. С. Шестунов<sup>67</sup>.

Дядя Д. С. и К. С. Шестуновых — князь Дмитрий Васильевич Кнут был записан в ДТ по Ростову вместе с сыновьями Иваном и Дмитрием с пометой «стар и болен». Разрядами отмечен только его старший сын Иван — в январе 1560 г. в перечне голов большого полка под командованием князя И. Ф. Мстиславского<sup>68</sup>.

В ДТ все Шестуновы указаны по Ростову, а не в «Княжеском списке». В структуре Двора представители двух поколений Шестуновых занимали высокое положение окольных, а Д. С. Шестунов в конце жизни (около 1560 г.) стал боярином<sup>69</sup>. Общественный статус этой фамилии поддерживался и повышался успешной службой представителей двух поколений.

Сведения о землевладении Шестуновых приведены в писцовых книгах 1570-х гг. и относятся к последней трети XVI в. За рассматриваемый период известно только об их владениях в Ростовском уезде, землевладельцами которого они оставались и позднее<sup>70</sup>. По данным актового

---

<sup>60</sup> ДРВ. Ч. 20. С. 29.

<sup>61</sup> ТКДТ. С. 58.

<sup>62</sup> Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 11.

<sup>63</sup> РК 1598. С. 111 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 336.

<sup>64</sup> *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1912. Вып. 3. С. 129.

<sup>65</sup> ДРВ. Ч. 20. С. 29, 42.

<sup>66</sup> РК 1598. С. 130 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 397.

<sup>67</sup> Не вполне ясные сведения о нем имеются в духовной грамоте Д. Г. Плещеева 1558/59 г. Завещатель просил вернуть Д. С. Шестунову взятый им у «князя Костянтина Семеновича пансыр», а после этого отметил: «Взял у меня князь Костянтин Семенович Шестунов гачник шелков серебром окован, цена ему три рубля; да он же взял кофтан хондрячей настеган, цена ему рубль» (*Лухачев Н. П.* Сборник актов ... Вып. 1. С. 30—31).

<sup>68</sup> РК 1598. С. 184.

<sup>69</sup> ДРВ. Ч. 20. С. 43.

<sup>70</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 519, 520.

материала XVII в., около 1513 г. младший сын князя Василия Васильевича Шастуна — Дмитрий Шестунов Кнут получил в качестве приданого за женой земли около Галича Костромского. Вскоре он купил еще земли по соседству, и в результате образовалась вотчина из «приданных» и купленных земель, которой владели его сын, а потом внук на протяжении почти всего XVI столетия и первые десятилетия XVII в.<sup>71</sup>

Не самой старшей среди Ярославских, но самой известной в историографии стала фамилия князей Курбских. Во второй трети XVI в. (за несколько лет до смерти) стал боярином князь Михаил Михайлович Курбский. Позднее Иван Грозный объяснял получение им высшего дворового чина протекцией родственника — князя М. И. Кубенского<sup>72</sup>. Получение боярства М. М. Курбским отмечено под 7048 (1539/40) г., а его смерть — 7054 (1545/46) г.<sup>73</sup> Разрядами он с этим чином упомянут в июле 7052 (1543/44) г.<sup>74</sup>

Его старший сын — князь Андрей<sup>75</sup>, получивший наибольшую известность в исторической литературе не только среди князей Ярославских, но и всей московской аристократии XVI в., был записан в отрывке списка Двора 1547 г. после князя И. В. Пенкова. Эта запись является одним из первых упоминаний о нем. В 1547 г. ему было 19 лет<sup>76</sup>. А. М. Курбский проявил способности к военной карьере, поскольку вскоре стал получать важные назначения. В 1550—1551 гг. он служил воеводой на южной границе в Пронске, Зарайске, Рязани<sup>77</sup>. Во время прихода крымцев к Туле летом 1552 г. А. М. Курбский был вторым воеводой полка правой руки, стоявшего в Кашире. Как находившийся всех ближе, отряд этого полка под его командованием был послан на помощь князю Г. И. Темкину в Тулу<sup>78</sup>. В августе 1552 г. под Казанью А. М. Курбский был, как и прежде, вторым воеводой полка правой руки.

Младший брат А. М. Курбского — князь Иван Михайлович впервые упомянут в ТК. Он был женат на дочери родственника Кошкиных —

---

<sup>71</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 78. № 602, 1246.

<sup>72</sup> Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1993. С. 42, 400.

<sup>73</sup> ДРВ. Ч. 20. С. 30, 33.

<sup>74</sup> РК 1598. С. 108.

<sup>75</sup> Биография А. М. Курбского подробно рассмотрена в монографии: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский : Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб. : СПбГУ, 2007. С. 13—163.

<sup>76</sup> *Калугин В. В.* Когда родился князь Андрей Курбский // Архив русской истории. М. : Археографический центр, 1995. Вып. 6. С. 241—242.

<sup>77</sup> РК 1598. С. 129, 132—133 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 394, 402.

<sup>78</sup> РК 1598. С. 135.

Семена Константиновича Беззубцева<sup>79</sup>. Из позднейших рассказов А. М. Курбского известно о подвигах в ходе осады Казани его брата, получившего тяжелые раны при штурме и умершего от них «на другое лето». Действия самого князя А. М. Курбского в сражениях под Казанью отмечены летописями<sup>80</sup>. Около 1556 г. он получил высший думный чин боярина<sup>81</sup>.

Успешное продвижение А. М. Курбского по службе объясняется личными способностями князя, принадлежностью к одной из старших фамилий в родословной «лествице», высоким положением отца, а также гибелью на государевых службах нескольких представителей этой фамилии, что считалось почетным<sup>82</sup>.

В октябрьской росписи 1553 г. охраны южной границы А. М. Курбский был записан первым воеводой полка левой руки. В декабре в походе «на луговую сторону и на арские места» он возглавлял сторожевой полк. В сентябре 1555 г. царь направил его в Казань с повелением «из Казани ходити воевати луговых людей». В июне 1556 г. А. М. Курбский был указан последним в списке бояр, сопровождавших царя в Серпухов «для своего дела и земского»<sup>83</sup>. В этом же году он проводил смотр служилых людей в Муроме<sup>84</sup>. В 1564 г. Иван Грозный отметил исключительное отличие, которым был удостоен князь Андрей среди других князей Ярославских<sup>85</sup>.

В последующие годы А. М. Курбский командовал полками на наиболее опасных рубежах. С осени 1556 г. он был первым воеводой полка левой руки в Калуге, а позднее вторым воеводой полка правой руки в Кашире.

---

<sup>79</sup> Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011. С. 114.

<sup>80</sup> ПСРЛ. Т. 13. С. 218 ; Русская историческая библиотека ... Т. 31. Стб. 203—204 ; Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 3, т. 5—6 : История России с древнейших времен. М. : Голос, 1993. С. 483.

<sup>81</sup> ДРВ. Ч. 20. С. 41.

<sup>82</sup> Зимин А. А. Формирование ... С. 91.

<sup>83</sup> РК 1598. С. 143, 153, 156.

<sup>84</sup> Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 84.

<sup>85</sup> «...В такове приближении и чести и многоименство держахом выше отец твоих, еже вой видят, в какове чести и богатстве родители твои жили, и како убо отец твой, князь Михайло, в кокове жалованье и в богатстве и чести был. Се вси видят, како же пред ним ты, и колко у отца твоего начальников по селом, колко же у тебя. Отец твой был, князь Михайло, Кубенского боярин, понеже он ему дядя [даде], ты же наш: мы тебя себе сей чести сподобихом. Се ли убо не довольно чести и имения и воздаяния? Всех еси лутчи быв отца нашим жалованием, а храброванием его хужейша еси...» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 42, 400).



Вероятно, весной 1558 г. его назначили воеводой в Тулу, и тогда же он руководил верстанием служилых рязанцев<sup>86</sup>. После начала военных действий в Ливонии А. М. Курбского направили туда. В 1558 г. он был первым воеводой сторожевого полка в войске царя Шигалея. Потом, когда «для болшого дела послал государь к Сыренску и к иным городом немецким воевод» А. М. Курбский был первым воеводой в передовом полку. Он ходил к Юрьеву в рати под командованием князя П. И. Шуйского первым воеводой передового полка вместе с Д. Ф. Адашевым<sup>87</sup>. По мартовской росписи 1559 г. на случай набега крымцев А. М. Курбский назначался вторым воеводой полка правой руки, а по другой росписи того же года был первым воеводой в Мценске «ис Колуги». В 7068 (1559/60) г. он был послан к Юрьеву во главе московского войска первым воеводой большого полка; в том же году служил первым воеводой передового полка в войске под командованием одного из знатнейших лиц Московского государства — князя И. Ф. Мстиславского и был отпущен «ис-под Вильяна» во главе отдельного отряда «в войну»<sup>88</sup>.

В 7070 (1561/62) г. А. М. Курбский с другими воеводами находился в Великих Луках. В росписи похода к Полоцку в декабре 1562 г. его назначили третьим воеводой сторожевого полка, потом он должен был руководить сбором войск в Ржеве вместе с князем П. И. Шуйским<sup>89</sup>. В 1563 г. А. М. Курбский был назначен на годовую службу первым воеводой в Юрьев и в течение года оставался наместником Ливонии<sup>90</sup>. Весной 1564 г. он отъехал в Литву.

В сочинениях, написанных в последующие годы, Курбский, несомненно, преувеличивал свою роль при Дворе<sup>91</sup>. Приведенные выше данные все же позволяют отметить, что в роду князей Ярославских ему принадлежало одно из ведущих мест.

О земельных владениях Курбских сохранились лишь отрывочные данные. Согласно межевым книгам ТСМ, А. М. Курбскому принадлежало село Серкизово (Черкизово), деревни Осинника, Шадеева, Мельницы в Московском уезде<sup>92</sup>. Вместе с тем в поместье за князем И. Д. Бельским в 1550-х гг. в Ярославском уезде отмечено село Курба с деревнями, что

---

<sup>86</sup> Русский дипломатарий. М. : Памятники ист. мысли, 1998. Вып. 4. С. 156.

<sup>87</sup> РК 1598. С. 160, 162, 170, 172, 173.

<sup>88</sup> РК 1598. С. 178, 179, 189, 192.

<sup>89</sup> РК 1598. С. 196, 197. Под командованием А. М. Курбского состояли: «детей боярских углечан дворовых 40 ч., а городовых 205 ч., борович дворовых и городовых 300 ч., ноугородцких недельщиков 30 ч., да из Шатцкого города с малых статей 50 ч.; и всех 625 ч.» (Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 128).

<sup>90</sup> РК 1598. С. 201.

<sup>91</sup> *Филошкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский ... С. 35—36.

<sup>92</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 254. № 11, 12, 17.

указывает на утрату Курбскими некоторых родовых владений к середине XVI в.<sup>93</sup>

Фамилия Пенковых, хотя в «лестнице» была не самой старшей, но считалась главной в ветви князей Ярославских на основании заметки в родословной: «...потому Князь Даниловъ родъ Пеньковъ въ своемъ роду и больше, что отъ Князя Федора Ростиславича Смоленского и до отца его до Князя Александра были на большомъ княжении»<sup>94</sup>. Происхождение этой приписки, ее тенденциозность и несоответствие данным источников были выяснены Н. Д. Мец в результате изучения монет Ярославского княжества<sup>95</sup>.

До середины XVI в. Пенковы занимали видное место при Дворе, хотя не имели думных чинов<sup>96</sup>. Этому, по мнению А. А. Зимина, способствовали два обстоятельства: сохранение ими «суверенных прав» в старинных владениях и брак князя Ивана Даниловича Пенкова со «своякиней» Василия III, дочерью князя В. Л. Глинского — Марией<sup>97</sup>. Впрочем, как следует из записи во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря, И. Д. Пенков был женат не один раз. Другой его женой была дочь князя Андрея Михайловича Шуйского<sup>98</sup>. К середине XVI в. фамилия Пенковых, по-видимому, начала терять свои позиции, а в 1560-х гг. угасла. Брак И. Д. Пенкова с Марией Глинской, умершей около 1534 г.<sup>99</sup>, оказался бездетным. Князь А. М. Шуйский, как известно, был убит в 1543 г. псарями

---

<sup>93</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. Л. 303 об.—305 об. На эти сведения обратил внимание автора А. П. Павлов.

<sup>94</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 121.

<sup>95</sup> Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным // Советская археология. 1960. № 3. С. 121.

<sup>96</sup> Сохранившиеся не вполне надежные сведения о боярстве Д. А. Пенко требуют подтверждения другими источниками (Зимин А. А. Формирование ... С. 92).

<sup>97</sup> Зимин А. А. Формирование ... С. 97; ПСРЛ. Т. 8: Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 272.

<sup>98</sup> Разрядными книгами под 7035 (1527/26) г. отмечено: «женил князь великий князя Ивана Даниловича Пенкава, дал за него своячину свою княжну Марью княж Васильеву дочь Глинского». В разряде свадьбы князя А. И. Старицкого в 1533 г. упоминается уже «князь Иванова княгиня Даниловича Пенкова Олена», хотя в похоронах Василия III М. В. Глинская участвовала (РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 199, 233, 236). Во вкладной книге Иосифо-Волоколамского монастыря княгиня И. Д. Пенкова записана как Евдокия. Вероятно, Олена было ее мирским именем (Вкладная и записная книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... // Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащая И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 30).

<sup>99</sup> Одно из последних ее упоминаний имеется в описании похорон Василия III в декабре 1533 г. (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Л., 1929. Вып. 3. С. 564).

Ивана Грозного<sup>100</sup>. Сам И. Д. Пенков умер около 1540 г. Вклад по нему был сделан князем Иваном Михайловичем Шуйским<sup>101</sup>.

Младший брат Ивана Даниловича — Василий (Васьян), по сообщению «Казанской истории», был убит вместе с царем Яналеем в Казани<sup>102</sup> в 1534 г. После него остался один сын Иван<sup>103</sup>, одно из первых упоминаний которого относится к свадьбе князя А. И. Старицкого в феврале 1533 г.<sup>104</sup>

Во фрагменте «Княжеского списка» Ярославских осени 1547 г. первым был записан: «Князь Василей княже Иванов сын Пенков — болен»<sup>105</sup>. В родословных князя Василия Ивановича Пенкова нет. Видимо, в тексте ошибка и верно — «Иван Васильевич Пенков».

Вероятно, продвижению по службе мешали болезни И. В. Пенкова, о которых не раз упоминают источники. В 1547 г. он впервые отмечен разрядами. В феврале 7055 (1547) г. в росписи похода «в казанские места боярина и воеводы князь Александра Борисовича Горбатого и иных воевод по челобитью горные черемисы» И. В. Пенков был первым воеводой полка правой руки. Назначение это вызвало с его стороны местнический протест: «Ему в правой руке у боярина у князя Олександра Борисовича быти непригоже. И князь великий к нему велел отписать, чтоб он того для дела по росписи в правой руке был, а та ему служба не в места»<sup>106</sup>. Князья Горбатые-Шуйские принадлежали к первостатейной знати Государева двора, и местничество с самым видным их представителем подтверждает высокий статус Пенковых. Еще раз разрядные записи отметили И. В. Пенкова в 1550 г. Значит, несмотря на болезнь, он выполнял некоторые служебные поручения.

Матерью И. В. Пенкова была дочь князя Иосифа Андреевича Дорогобужского Тверского, княгиня Анна Осиповна<sup>107</sup>. В 7072 (1563/1564) г.

---

<sup>100</sup> ПСРЛ. Т. 13. С. 145.

<sup>101</sup> ВКТСМ. С. 76.

<sup>102</sup> ПСРЛ. Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 41; ДРВ. Ч. 20. С. 25. А. А. Зимин считал сведения этих источников недостоверными, полагая, что вместо В. Д. Пенкова Яналея сопровождал в Казань Я. Г. Морозов (*Зимин А. А. Формирование ...* С. 93). Возможно, обстоятельства смерти В. Д. Пенкова точно неизвестны, но упоминания его прекращаются после 1534 г.

<sup>103</sup> В «Житии» архиепископа Казани Гурия рассказывается история, вроде библейской истории Иосифа, с участием В. Д. Пенкова, его жены, сына и Гурия (Григория), служившего у В. Д. Пенкова (*Тихомиров М. Н. Труды по истории Москвы (Средневековая Москва)*. М., 2003, С. 169—170).

<sup>104</sup> Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М.: Тип. Компании Типографической, 1790. Ч. 13 (далее ДРВ. Ч. 13). С. 22, 28.

<sup>105</sup> *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» ... С. 53.

<sup>106</sup> РК 1598. С. 110; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 330—331.

<sup>107</sup> *Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М.,

она пожаловала «в дом всемилостиваго Спаса в Ярославль... вотчину свою село Рахманово... по князе Василье Даниловиче, и по своему отце по князе Иосифе Андреевиче, и по сыне своем по князе Иване Васильевиче, и по своей душе, и по всех своих родителях впрок без выкупа»<sup>108</sup>.

У князя И. В. Пенкова была еще сестра. В начале 1547 г., когда проводился смотр невест для царя, княгиня Анна Осиповна подала челобитную о невозможности приехать в Москву с дочерью-невестой из-за ее болезни<sup>109</sup>. В. Д. Назаров отметил, что «приезд княгини А. Пенковой с “дочерью-девкой” в Москву к 16 октября... надо связывать со смотром невест кн. Юрия». В данной грамоте Спасскому монастырю в Ярославле 1562 г. по душе сына Анна Осиповна не упоминает о дочери, следовательно, она могла быть еще жива. Это обстоятельство косвенно подтверждает мнение В. Д. Назарова о «дипломатическом» характере ее болезни<sup>110</sup>.

Дед И. В. Пенкова по материнской линии — князь Осип Андреевич Дорогобужский около 1485 г. получил в кормление Ярославль. Кроме дочери Анны, ставшей женой В. Д. Пенкова, у него был сын Иван Пороша, убитый под Казанью в 1530 г., вдова которого второй раз вышла замуж за боярина И. П. Федорова. Сын князя Ивана Пороши, тоже Иван, двоюродный брат И. В. Пенкова, был казнен в 1547 г.<sup>111</sup>

Таким образом, ряд неблагоприятных событий: смерть влиятельных родственников со стороны князей Тверских и Ярославских, казни — А. М. Шуйского, И. И. Дорогобужского, болезненность единственного оставшегося представителя Пенковых — не способствовали укреплению положения этой фамилии при Дворе.

С мая 1550 г. князь И. В. Пенков был воеводой «в Нижнем Новгороде... в городе», а с 14 сентября первым воеводой «за городом»<sup>112</sup>. В конце октября он находился снова в Нижнем Новгороде первым воеводой «за городом». Последнее упоминание его разрядами относится к 1591 г. В списке с грамоты царя Федора Ивановича от 10 июля говорилось: «При великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии посланы

---

1962. Вып. 25. С. 315 ; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1917. Вып. 4. С. 263—264.

<sup>108</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. С. 39—40.

<sup>109</sup> Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. № 34. С. 43 ; Государственное древлехранилище хартий и рукописей : Опись документальных материалов фонда № 135 / сост. В. Н. Шумилов. М., 1971. С. 97.

<sup>110</sup> «...Болезнь дочери Пенковой, видимо, носила дипломатический характер. Как известно, кн. Юрий был слабоумным и, несмотря на свое происхождение, вряд ли представлял собой завидную партию» (*Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 115).

<sup>111</sup> *Зимин А. А.* Формирование ... С. 109.

<sup>112</sup> РК 1598. С. 129 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 395.

были в Казань бояре и воеводы князь Дмитрий Федорович Белской да князь Дмитрий Федорович Палецкой, а писано к ним к двум. А в правой руке и в передовом полку были князь Олександр Борисович Горбатой да князь Иван Васильевич Пенков, иные такие великие люди». Указанный разряд отсутствует в опубликованных изданиях<sup>113</sup>, что, вероятно, объясняется ошибкой при переписывании разрядной росписи или тем, что она не попала в списки разрядных книг.

Князь И. В. Пенков умер бездетным около 1562 г. В опубликованном тексте ДТ он записан в разделе «Князья Ярославские» с пометой «боярин 63-го», но в списке бояр ДТ отсутствует и в других источниках о его боярстве не упоминается. А. А. Зимин, по-видимому, считал заметку ДТ о пожаловании ему боярства достоверной, но после знакомства с Музейским списком этого памятника изменил мнение<sup>114</sup>. В списках ДТ из собрания Н. М. Михайловского и Музейском помета отнесена к записанному сразу после И. В. Пенкова князю И. М. Троекурову<sup>115</sup>. Сведения других источников вполне подтверждают данные этих списков. В них же у имени И. В. Пенкова стоит помета «болен», отсутствующая в опубликованном тексте. В разрядах второй половины 1550-х гг. о нем нет сведений. Вероятно, из-за болезни он не мог активно участвовать в жизни Двора и фактически «выбыл» из службы.

В списке с писцовой книги 7101 (1592/93) г. в Городском стане Звенигородского уезда указаны вотчинные владения «княгини Анны княж Даниловы Пенкова да сына ее кн. Ивана»<sup>116</sup>. Речь идет о князе Иване Васильевиче и его матери Анне. Хотя по тексту можно понять, что подразумевается князь И. Д. Пенков и его мать — жена Д. А. Пенко, но ее звали Марией<sup>117</sup>. В Переславском уезде у И. В. Пенкова были в вотчине село Сигорь с деревнями, переданные им перед смертью Спасо-Ярославскому монастырю<sup>118</sup>. В Ростовском и Переславском уездах И. В. Пенков владел деревнями<sup>119</sup>. За Пенковыми оставались земли

---

<sup>113</sup> В них есть похожий, но все же другой текст: РК 1598. С. 110 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 330.

<sup>114</sup> *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 67. Правда, в более поздних работах он писал о боярстве И. В. Пенкова, ссылаясь на помету в ДТ (*Зимин А. А.*: 1) Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 222 ; 2) Формирование ... С. 93).

<sup>115</sup> ОР РНБ. Ф. 487 (Собрание Н. М. Михайловского). Ф. 162. Л. 44—124 ; ОР ГИМ. Музейское собрание № 3417. Л. 47 об.

<sup>116</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 165.

<sup>117</sup> *Зимин А. А.* Формирование ... С. 92.

<sup>118</sup> *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 4. С. 492—493.

<sup>119</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 536—538; Кн. 254. № 55, 58—61.

на севере Ярославской области и в районе Вологды. В челобитье архимандрита Спасо-Каменного монастыря Афанасия в мае 1562 г. упоминается духовная грамота И. В. Пенкова, которой монастырю были пожалованы его вотчинные села Марьино, Филисово и Венеславль с 62 деревнями в Вологодском уезде<sup>120</sup>. В архиве этого монастыря в конце XVII в. хранились вотчинные «данные» грамоты. В одной из них упоминался дядя И. В. Пенкова, «не учтенный» родословными князь Борис Данилович<sup>121</sup>. Сохранилось упоминание о вотчине И. В. Пенкова в Заозерье<sup>122</sup>.

Несмотря на отсутствие бесспорных сведений о думных чинах, Пенковы входили в число наиболее видных аристократических фамилий благодаря родственным связям с великокняжеской родней и первостатейной знатью Государева двора.

Родовые земли в Ярославле и суверенные права сохраняли князья Юхотцкие, но эта фамилия пресеклась в первой половине XVI в., а волость Юхоть перешла во владение князей Мстиславских<sup>123</sup>.

В первой половине XVI в. чины бояр имели князья Михаил и Иван Кубенские<sup>124</sup>. В списке бояр 1547 г. указан князь Михаил Иванович, бывший одним из виднейших представителей князей Ярославских в это время. Первые упоминания о его служебных назначениях относятся к 1517 г. Еще более заметной фигурой был его младший брат — Иван, долгое время служивший дворецким и часто упоминаемый источниками<sup>125</sup>. Ко времени составления «боярского списка» осени 1547 г. его не было в живых<sup>126</sup>. Князь М. И. Кубенский занимал воеводские должности в различных военных походах 1520—1540-х гг., а также назначался наместником. Умер он около 1548 г. и был похоронен в Кирилло-Белозерском монастыре<sup>127</sup>. В родословной М. И. Кубенский, как и брат,

---

<sup>120</sup> Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1846 (далее ДАИ). Т. 1. № 115. С. 162.

<sup>121</sup> Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. : исслед. и тексты. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 124.

<sup>122</sup> *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 2000. Вып. 5. С. 208.

<sup>123</sup> *Барсуков А. П.* Сведения об Юхотской волости и ея прежних владельцев. СПб., 1894. С. 7—9.

<sup>124</sup> Первый получил боярство около 1539 г., а второй — 1543 г.

<sup>125</sup> *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» ... С. 52 ; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 5. С. 204.

<sup>126</sup> Казнен 21 июля 1546 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 149).

<sup>127</sup> Кормовая книга Кирилло-Белозерскаго монастыря // Записки Отделения Русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. СПб. : Типогр. Якова Трея, 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 60—61.

помечен бездетным, хотя имел дочь Гликерию<sup>128</sup>. Часть земельных владений Кубенских располагалась вблизи Москвы в Коломенском и Звенигородском уездах<sup>129</sup>.

В ТСМ сохранилось надгробие князя Козьмы Федоровича Кубенского. В ВКТСМ отмечено: «Род Кубенских. 75 (1567)-го году, февраля 7 день, по князе Козме Федоровиче Кубенском, во иноцех Корнилей, дали вкладу Иван Федоров сын Елизаров, да Лев Федоров сын Вокшанинов, денег пятьдесят рублей». Такая сумма полагалась за могилу в монастыре<sup>130</sup>. Под 1545 г. ВКТСМ отмечен вклад князя Дмитрия Федоровича Кубенского «по Василье Олферьева сыне Грязном»<sup>131</sup>. Князя Дмитрий и Козьма Федоровичи отсутствуют в родословной Кубенских. Возможно, оба имеют литовско-русское происхождение. После взятия Полоцка в 1563 г. было произведено описание «Полоцкого повета», в котором упомянуты земли паньи Анны — жены князя Василя Кубенского<sup>132</sup>. Возможно ли родство князей Кубенских-Литовских и Ярославских? Теоретически они могли происходить от представителя Кубенских-Ярославских, отъехавшего в Литву, но подтверждения в источниках нет.

Принято считать, что после смерти в 1548 г. князя М. И. Кубенского данная фамилия князей Ярославских пресеклась. Однако приведенные данные о князьях Кубенских, отсутствующих в родословных, дают основание для сомнений в правильности подобного заключения. Для определенного решения вопроса необходимы дополнительные факты. Во всяком случае о присутствии в структуре Государева двора кого-либо из князей Кубенских во второй половине XVI в. нет сведений. После смерти М. И. Кубенского (1548 г.) в Боярской думе около 7 лет не было представителей князей Ярославских.

### Средние ветви князей Ярославских

Фамилия князей Щетининых в родословной «лестнице» занимала среднее место. Упомянутые в «Боярском списке» осени 1546 г. стряпчие князя Щетинины<sup>133</sup>, вероятно, братья Юрий Иванович и Григорий

---

<sup>128</sup> *Гиришберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М. : АН СССР, 1960. Вып. 1. С. 47.

<sup>129</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 313, 377; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономики». Вып. 3. С. 200; Вып. 4. С. 55.

<sup>130</sup> ВКТСМ. С. 69; *Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевской лавры // Нумизматика и эпиграфика. М. : Наука, 1966. Т. 6. С. 232.

<sup>131</sup> ВКТСМ. С. 93.

<sup>132</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 439, 442.

<sup>133</sup> *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» ... С. 52.

Иванович Кожан. Первый из них к 1547 г. имел значительный послужной список, отраженный в разрядах и по записям родословных, был оружничим («стряпал у доспехах») <sup>134</sup>. Для его брата — Г. И. Щетинина запись 1547 г. — первое упоминание в источниках.

Еще два младших брата князя Ю. И. Щетинина, согласно записям в родословных, погибли в военных походах: князь Иван Темка Щетинин «убить под Оршею», а Захарий «убить под Смоленским» <sup>135</sup>. Гибель в Оршинской битве 8 сентября 1514 г. князя И. И. Темки-Щетинина вызывает вопросы. По сведениям летописей и родословных, под Оршей пал князь Иван Иванович Темка-Ростовский <sup>136</sup>. Нет ли ошибки? Столь точное совпадение имени, прозвища, фамилии и обстоятельств гибели большая редкость. В отличие от князя И. И. Темки-Ростовского, отмечавшегося разрядами, его полный тезка из рода Щетининых известен только по родословным.

Поскольку Ю. И. Щетинин был старшим из братьев, то к 1547 г. он должен был находиться в возрасте более 50 лет и вскоре выбыл из служб, так как больше не упоминается источниками <sup>137</sup>. В родословных он показан бездетным. Из его братьев сыновья были только у князя Г. И. Кожана, которые служили при Дворе позднее.

В 1570-х гг. поместья Щетининых располагались в окрестностях Коломны и Рязани. Данных о наличии у них вотчин нет. Имеющиеся сведения говорят только о поместьях, что подтверждается и записью двоих в ДТ по «Ржеве», а не в «Княжеском списке». Значение их при Дворе было невелико, но несколько Щетининых указаны в конце «Княжеского списка» ДТ <sup>138</sup>. Возможно, в него они попали как близкая родня Засекиных.

Самой многочисленной фамилией в ветви князей Ярославских были Засекины, делившиеся на Темносиних, Бородатых, Солнцевых, Жировых, Давыдовских. Засекины-Темносиние фактически были младшей ветвью Щетининых, но в родословных и других источниках писались Засекиными <sup>139</sup>.

Вероятно, сильное разветвление данной фамилии стало причиной дробления вотчин и постепенного упадка их благосостояния. Это обстоятельство

---

<sup>134</sup> РК 1598. С. 68, 101, 111.

<sup>135</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 124.

<sup>136</sup> ПСРЛ. Т. 13. С. 22. Записан в Синодике Успенского Кремлевского собора «Князю Ивану Ивановичу Ростовскому Темке, уьбеному от Литвы под Оршею, веч» и в Синодике Софийского Новгородского собора (Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011. С. 175, 191).

<sup>137</sup> Ю. И. Щетинин умер около 1549 г., а под 1550 г. оружничим записан Лев Андреевич Салтыков (*Зимин А. А.* Формирование ... С. 95 ; ДРВ. Ч. 20. С. 35, 37).

<sup>138</sup> ТКДТ. С. 122—123.

<sup>139</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 124—128.



мало способствовало служебной карьере, требовавшей значительных материальных трат. Не удалось, вероятно, никому из них заключить выгодных браков с влиятельными родами<sup>140</sup>. Из заметок в родословных и сведений писцовых книг известно, что некоторые Засекины были новгородскими помещиками<sup>141</sup>, но об их службах при Дворе нет данных. Хотя никто из Засекиных в рассматриваемый период не имел дворовых чинов, можно говорить лишь о частичном «закоснении» этой фамилии. Многие из них служили воеводами и были включены в «Княжеский список» ДТ.

Земельные владения Засекиных располагались в Ярославском, Переяславском, Московском уездах<sup>142</sup>. Засекины, указанные в новгородских писцовых книгах почти все были потомками князя Ивана Ивановича Бородатого — старшего сына Ивана Засеки или его младшего сына — Давыда Ивановича<sup>143</sup>.

Потомки второго сына И. Засеки — князя Дмитрия Солнце, кроме земель в Ярославском и Переяславском уездах, имели поместья в Бежецком Верхе и Новгородских пятинах. Внук Д. И. Солнца — князь Данило Иванович Сосунов, его сыновья Петр и Никита владели вотчиной в Бежецком Верхе (селом Матвейцево)<sup>144</sup>. Там же отмечены «князя Петра Иванова

---

<sup>140</sup> Из грамоты 1571/72 г. известно, что женой князя П. Ф. Засекина Новигоды была дочь П. Г. Заболотского Анна (*Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М., 1940. Т. 3. С. 264).

<sup>141</sup> Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археологическою комиссиею (далее НПК). СПб., 1859. Т. 1. Стб. 687—692; 1862. Т. 2. Стб. 638, 640, 641, 644, 646, 647; 1886. Т. 4. Стб. 313, 315, 377; 1905. Т. 5. Стб. 575, 637; Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2004 (далее ПКНЗ). Т. 4. С. 143—144, 418; Т. 5. С. 342—343, 345—346; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 130; Великий Новгород во второй половине XVI в.: сб. документов / сост. К. В. Баранов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 104.

<sup>142</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 16, 41, 244, 832.

<sup>143</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. № 18. С. 138; № 19, С. 139; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 135—136; НПК. Т. 4. Стб. 522, 568—570; Т. 5. Стб. 577—578, 659, 660; Т. 6. Стб. 515, 519—521, 543, 546—552, 562; ПКНЗ. Т. 4. С. 461; Т. 6. С. 33—35; Акты служилых землевладельцев / сост. А. В. Антонов. М.: Памятники ист. мысли, 2008 (далее АСЗ). Т. 4. № 285. С. 211.

<sup>144</sup> ПКНЗ. Т. 3. С. 237; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. 1. С. 15. Упоминание о селе Матвейцево имеется около 1521 г. в данной грамоте ТСМ князей Ивана Михайловича Шамина, Семена Федоровича Сицкого, Василия Семеновича Оборы Заборовского «по приказу» князя Олександра Борисовича Глебова и «по духовной его грамоте» на вотчинное сельцо Матвейцево с деревнями, на помин души вкладчика и его брата Михаила Глебова (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 1. С. 4).

сына Засекина 4 деревни»<sup>145</sup>. В Шелонской пятине в 1539 г. находились поместные деревни князя В. Д. Засекина-Солнцева<sup>146</sup>. В Деревской пятине были поместья И. И. Засекина Бородатого, а позднее его сыновей — М. И. Чернойсовки, И. И. Засекина Сосуна, а также внуков — И. И. Чулка, Ф. И. и Д. И. Сосуновых и правнука — М. И. Чулкова<sup>147</sup>.

Сыновья и внуки старшего сына Давыда Ивановича Засекина были новгородскими помещиками Бежецкой пятины, что отражено и в пометах Бархатной книги<sup>148</sup>. Указанные сведения относятся к Ивану Федоровичу Засекину-[Давыдковскому]<sup>149</sup>, его старшему брату Василию и племянникам — Ивану Гундору и Осипу<sup>150</sup>. Другой дядя Ивана Гундора и Осипа — князь Александр Федорович владел поместьями там же<sup>151</sup>. Помещиками Шелонской пятины были Михаил и Василий Константиновичи, а также сын первого Андрей<sup>152</sup>.

После 1565 г. некоторые Засекины стали землевладельцами Владимирского уезда<sup>153</sup>. По-видимому, перемена области землевладения была вызвана опричными переселениями второй половины 1560-х гг.

В Угожском стане Звенигородцкого уезда находились поместья князя Данилы Ивановича, служившего боярином царя Семиона Касае-

---

<sup>145</sup> ПКНЗ. Т. 3. С. 231. В родословной он отсутствует, возможно, допущена ошибка в отчестве, и речь идет о П. Д. Засекине.

<sup>146</sup> НПК. Т. 4. Стб. 313, 315, 377; Т. 5. Стб. 575, 637.

<sup>147</sup> НПК. Т. 1. Стб. 687—692; Т. 2. Стб. 638, 640, 641, 644, 646, 647; ПКНЗ. Т. 4. С. 143—144, 418, 482—483; Т. 5. С. 342—343, 345—346; Великий Новгород во второй половине XVI в. ... С. 104.

<sup>148</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 135—136.

<sup>149</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. № 19. С. 139; НПК. Т. 6. Стб. 549—551, 562.

<sup>150</sup> НПК. Т. 6. Стб. 130, 250, 512, 515, 526, 546—548, 551—552, 660; Русский дипломатарий. Вып. 5. № 18. С. 138; АСЗ. Т. 4. № 285. С. 211.

<sup>151</sup> НПК. Т. 6. Стб. 515, 519—521, 543.

<sup>152</sup> НПК. Т. 4. Стб. 251, 312, 522, 568—570; Т. 5. Стб. 577—578, 659; ПКНЗ. Т. 4. С. 46; Т. 6. С. 33—35. Их отец князь Константин Давыдович по отметке Бархатной книги, вместе со старшим братом князем Глебом, был убит под Оршею в 1514 г. Данное сообщение не во всем точно: убит был, возможно, Глеб, а Константин умер в плену между 1525 и 1538 г. (*Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 7. С. 154, 157, 164, 178).

<sup>153</sup> Сохранились данные грамоты ТСМ князя Данилы Ивановича Засекина, из которых следует, что в 1560-х гг. и, возможно, ранее он владел вотчинами в Переславском, Ярославском, Дмитровском уездах, а потом его земельные владения располагались в Ильмехоцком стане Владимирского уезда (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллеги экономики». Вып. 5. С. 40; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 792—793, 802—803; ВКТСМ. С. 87).

вича<sup>154</sup>. Эти сведения относятся к князю Д. И. Черному Засекину- [Давыдковскому], согласно отметке ДТ, служившему вместе с братьями Федором и Львом, царю Семиону. Вероятно, они начали службу в уделе князя Юрия Ивановича Дмитровского, продолжали ее при московском Дворе, а затем «у царя Семиона». Из приведенных данных следует, что некоторые Засекины-[Давыдковские] служили в уделах и имели земли вблизи Москвы.

О земельных владениях потомков князя Ивана Жирового сохранилось мало сведений. Исходя из данных позднейших грамот, можно полагать, что представители данной фамилии на протяжении длительного времени сохраняли владения в Ярославском уезде. Двадцать первым февраля 1578 г. помечена царская указная грамота в Ярославль городовым приказчикам о возвращении Толгскому монастырю деревень Чурово и Тихарево, а князю Ивану Жировому-Засекину деревни Александрецово в Ярославском уезде<sup>155</sup>. Князь Федор Андреевич Жировой-Засекин в 1577/78 г. упоминался как вотчинник в Горотцком стане Ярославского уезда<sup>156</sup>. Имеются сведения о владениях Жировых-Засекиных в «родовом гнезде» и в начале XVII в.<sup>157</sup> В последней трети XVI в. некоторые из Жировых получили земли и в других уездах<sup>158</sup>.

К средним фамилиям в «лестнице» князей Ярославских относились Шаховские. Их статус в первой и второй третях XVI в. напоминал положение других «закосневших» княжеских фамилий, служивших по городам и потерявших поземельные связи с родовым гнездом. В местническом деле 1627 г. сохранилось свидетельство князя И. Ф. Шаховского о том, что представители его фамилии были «пущены в Торопец в торопецкие помещики», и он, и его отец «служили по Торопцу з городом, а не по дворовому списку и не по выбору»<sup>159</sup>. Упоминания Шаховских разрядами начинаются только в последней трети XVI в.

Во второй половине XV в. родоначальники Шаховских — князья Александр Драница и Александр Шемяка служили братьям Ивана III —

---

<sup>154</sup> В общей сложности за ним считалось средней земли 454 чети, а худой земли 359 четей и всего 813 четей «в одном поле, а в дву по тому же» (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 709—711, 728).

<sup>155</sup> Русский дипломатарий. Вып. 1. № 164. С. 110; Царские грамоты, жалованные Ярославскому Толгскому монастырю // Ярославские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 11. С. 164—166.

<sup>156</sup> АСЗ. Т. 2. № 157. С. 153.

<sup>157</sup> Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1900. Вып. 2. С. 34, 36.

<sup>158</sup> Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506—1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Памятники ист. мысли, 1998. С. 391.

<sup>159</sup> Дело о местничестве И. В. Благово с князем И. Ф. Шаховским и С. Л. Хрущовым (1627—1628 гг.) // Благово Н. В. Шесть столетий рода Благово. СПб.: ВИРД, 2007. С. 127.

князьям Андрею Большому и Андрею Меньшому<sup>160</sup>. Сыновья Александра Шемяки, от которых пошли все линии Шаховских, живших в XVI—XVII вв., были испомещены до 1495 г. в Деревской пятине Новгорода и в Торопце<sup>161</sup>. Таким образом, земельные владения в Ярославском уезде были утрачены ими еще в конце XV в.

Почти все Шаховские, отмеченные писцовыми книгами, могут быть идентифицированы по родословным. В Деревской пятине располагались земельные владения Михаила Андреевича, шести сыновей Александра Шемяки — Андрея, Федора, Ивана, Василия, Григория и Александра (Олеши)<sup>162</sup>, а также его внука — Семена Андреевича, согласно помете в родословной убитого в одном из казанских походов<sup>163</sup>. Владения шестерых сыновей князя А. А. Шемяки-Шаховского были получены ими в конце XV в. и указаны в Переписной оброчной книге Деревской пятины, составленной около 1495 г.<sup>164</sup> Новгородскими писцовыми книгами отмечены владения многих князей из последующих поколений Шаховских<sup>165</sup>. Эти данные имеют значение для реконструкции и дополнения их родословной. Правда, не для всех указанных лиц можно определить в ней место. Так, в Платежной книге Ладомского наместничества Обонежской пятины записан Василий Григорьевич «Шаханьской», входивший в число помещиков волости Владычня<sup>166</sup>. В Обыскной книге Деревской пятины 7069 (1560/61) и 7070 (1561/62) г. в Холмском уезде в Кунейском стану упомянут «Нерон Барин сын з деревни с Старово Села, князя Микитин крестьянин Шаховского»<sup>167</sup>. Князь Никита в родословной Шаховских в соответствующих коленах отсутствует.

Таким образом, земельные владения Шаховских во второй трети XVI в. были сосредоточены вблизи г. Торопца и землях Обонежской и Деревской пятин. Владения их были исключительно поместными пожалованиями. К началу последней трети XVI в. многие из этих земель, согласно данным

---

<sup>160</sup> В Бархатной книге есть указания на их службу у князей Андрея Васильевича Большого Углицкого и его младшего брата Андрея Меньшого (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 138).

<sup>161</sup> НПК. Т. 2 : Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2-я половина. Стб. 96, 28, 784, 798.

<sup>162</sup> Имя Олеша, как уменьшительное от Александра, встречается в местническом деле 1582 г. князей Александра Ивановича Шуйского и Андрея Ивановича Голицына (Русский исторический сборник М. П. Погодина. М., 1838. Т. 2. С. 37, 41).

<sup>163</sup> ПКНЗ. Т. 4. С. 360, 491, 494—495.

<sup>164</sup> НПК. Т. 2. Стб. 784—799.

<sup>165</sup> ПКНЗ. Т. 4. С. 339; Т. 5. С. 358, 365—366, 373, 374, 376—389, 393, 395, 400, 406—407.

<sup>166</sup> ПКНЗ. Т. 2. С. 26. Скорее всего, это сын Григория Шаховского, менее вероятно — Григория Петровича Шехонского.

<sup>167</sup> ПКНЗ. Т. 5. С. 355.

писцовых книг, запустели от военных действия, мора и других причин, чем можно объяснить постепенное перемещение Шаховских в другие уезды, хотя в «Торопецкой десятне» начала XVII в. было записано много представителей данной фамилии<sup>168</sup>. Во второй трети XVI в. общественный статус Шаховских был невысок — они пребывали в «закоснене».

Следующими в «лестнице» князей Ярославских были фамилии Морткиных и Бельских. В Бархатной книге отмечено, что их родоначальник — Федор Мортка «служилъ во Твери»<sup>169</sup>. Поэтому понятна служба в Тверском уезде почти всех его потомков, там же находились их поместья.

Прозвище «Бельские» закрепилось за потомками праправнука Ф. Мортки — князя Григория Горчака. История их происхождения пересказана в местническом деле сына князя Григория — Дмитрия Аксака с князем Иваном Звенигородским в 1603 г.<sup>170</sup> Вероятно, не все обстоятельства происхождения Бельских изложены И. Звенигородским верно, но его рассказ находит подтверждение, во-первых, в том, что Д. Г. Бельский ничего не возразил ему, а во-вторых, в ВКТСМ, где был записан «Род Козловских», отмечено: «105 (1597)-го году августа в 21 день по Иване, во иноцех Ионе, Козловском дала вкладу мать ево княгиня Фетинья князь Григорьевская жена Ивановича Бельского денег 100 рублей»<sup>171</sup>. Таким образом, фамилия князей Бельских происходила от Морткиных, но родоначальник их, вероятно, был побочным сыном князя Ивана Михайловича.

Земельные владения Морткиных находились недалеко от Старицы, но были также поместья под Москвой и, возможно, в Боровске, по которому числился в ДТ не показанный в родословной князь И. Ф. Морткин<sup>172</sup>. Писцовыми книгами отмечены владения в Тверском уезде князей Льва

---

<sup>168</sup> Малов А. В. Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06)—115-го (1606/07) гг. // Единорогъ : Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М. : Квадрига, 2009. Вып. 1. С. 12—25.

<sup>169</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 149—151.

<sup>170</sup> «...Князя Дмитрия де отец был не княз, Григорей слыль Горчакъ, а Григорей Ивановъ сынъ Горчековъ, а Иванъ, государь, сынъ князя Ивана Морткина, а князь Иванъ, государь, Морьткинъ добыль ево у девки у Крисы, а та, государь, девка Козлова дочь, а оне, государь, по матери слыли Козловы, то их родство, да тот же, государь, Григорей Горчакъ, княз Дмитреевъ отецъ, служил по каболе у Восилья Бороздина и княз Володимер, государь, Ондреевич Старицкой у Восилья кобалу и ево к себе взял и он, государь, быть у него прикащик в селе в Пруцце, а поместья, государь, за ним не было нигде» (Местнические дела 1563—1605 гг. / собраны и изданы Н. П. Лихачевым (отд. отт. из VI тома Сборника Археологического института). СПб., 1894. С. 70).

<sup>171</sup> ВКТСМ. С. 62.

<sup>172</sup> ТКДГ. С. 173.

Ивановича и его матери княгини Анны<sup>173</sup>, а также старшего брата Василия<sup>174</sup>. Последний, кроме земель в Тверском уезде, имел поместье под Москвой<sup>175</sup>. Князь Андрей Морткин в 1550-х гг. владел в Тверской волости Хорвач деревнями<sup>176</sup>. В родословной Морткиных он пропущен<sup>177</sup>. Из данных ДТ следует, что Морткины служили по городам Тверь, Бежецкий Верх, Ржев<sup>178</sup>.

Представители следующей в «лестнице» князей Ярославских фамилии Шехонских часто упоминались как Шаховские или Шеховские. Наиболее заметным в данной фамилии был князь Василий Юрьевич Адашев. Впервые он упомянут в 1542 г. в межевой записи дяди — князя Никиты Афанасьевича «с ыгуменом с Оврамием островски[м]»<sup>179</sup>. Его старший брат — князь Петр Юрьевич нигде в источниках, кроме родословных, не упомянут. Вероятно, в данном месте Бархатной книги<sup>180</sup> и некоторых других родословных допущена ошибка. При этом сам князь Василий Юрьевич указан не во всех родословных (в Бархатной книге отсутствует). В отличие от «старшего брата» источниками он отмечен. Сыновей у него не было, но были дочери.

Родословная роспись князей Шехонских в Бархатной книге содержит много пробелов. Ее частичная реконструкция возможна на основе данных ДТ и сохранившихся грамот<sup>181</sup>. Разрядами отмечены назначения только князя В. Ю. Адашева<sup>182</sup>. В ДТ было записано несколько представителей

---

<sup>173</sup> Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2005. С. 8, 169—170, 174 ; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 164—165, 169 ; *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии ... С. 58.

<sup>174</sup> Писцовые материалы Тверского уезда ... С. 178, 337 ; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 172—173, 308.

<sup>175</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 19, 53, 272.

<sup>176</sup> Писцовые материалы Тверского уезда ... С. 242 ; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 230—231.

<sup>177</sup> В. Б. Кобрин предположительно считал его третьим сыном князя Ивана Андреевича (*Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии ... С. 58).

<sup>178</sup> ТКДТ. С. 181, 197, 201.

<sup>179</sup> «...Моему племяннику князю Василью Юрьевичю за те межи тое земли монастырьские не обидити, занде же та земля дана по родителех по всех и по нас» (Русский дипломатарий. Вып. 5. № 1. С. 103).

<sup>180</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 154.

<sup>181</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. С. 95.

<sup>182</sup> В 1554/55 г. — воевода в Васильгороде; в 1557/58 г. «делал город» в Путивле; в декабре 1561 г. дал грамоту игумену Толгского монастыря Ивану на пашню Троицкое с починком, пустошами и займищем в Шехонском стане Романовского уезда, а в 1561/62 г. выдал грамоту Спасо-Ярославскому монастырю на свою вотчину в Романовском уезде в Шехонском стану. Имеются и другие сведения о передаче им вотчин в Ярославском уезде монастырям (РК 1598. С. 152, 165 ; Русский дипломатарий. Вып. 5. № 2, 3, 12, 31, 32, 36).

этой фамилии князей Ярославских. Места в родословной всех их можно определить, хотя многие там не указаны<sup>183</sup>. Князьям Шехонским в «Княжеском списке» ДТ были отведены последние места, а относящиеся к некоторым из них пометы «худы — и почернены» позволяют говорить об упадке их материального благосостояния. Тем не менее в 1550—1560 гг., они сохраняли земли в «родовом гнезде», что подтверждается сведениями актового материала и данными приправочного списка писцовых книг по Ярославлю<sup>184</sup>.

Как отмечено выше, князей Шехонских часто путали с их дальней родней Шаховскими. В изданных А. А. Зиминым в 1950 г. ТК и ДТ все Шехонские записаны под фамилией «Шеховских» или «Шоховских»<sup>185</sup>. Позднее были найдены новые списки этих памятников. В одном из них в большинстве случаев сохранилось более правильное чтение: «Шохонские» и «Шехонские»<sup>186</sup>.

К потомкам младшего из сыновей князя В. Д. Грозного относились Деевы. В Боярском списке 1547 г. был указан «князь Юрьи княж Иванов сын Деев»<sup>187</sup>. У князя Михаила Ивановича Деева по родословным было два сына по имени Иван. Второй имел прозвище Худяк. У старшего из Иванов сын — князь Юрий Иванович Мартын, а у Иван Худяка также был сын Юрий. О котором из них идет речь в упомянутом отрывке — не ясно.

Князь Юрий Иванович до 1547 г. упоминался в разрядах в должности предводителя вспомогательного отряда татар, а также третьего и второго воеводы в Рязани, Плесе, Галиче<sup>188</sup>. Таким образом, самый заметный из Деевых занимал сравнительно скромные места на военной службе. Представители Деевых были включены в ТК и ДТ, они имели земли в Ярославском уезде<sup>189</sup>, а Ф. П. Дееву принадлежало также поместье под Москвой<sup>190</sup>. Князь Ю. И. Деев имел земельные владения в Костромском уезде, потом они перешли его жене Татьяне<sup>191</sup>.

---

<sup>183</sup> *Сергеев А. В.* Князья Шехонские и Дворовая тетрадь: к уточнению состава списка князей Ярославских в Дворовой тетради // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. История. 2014. Вып. 1. С. 142—150.

<sup>184</sup> Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в.: Поместные земли / сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 246—252, 260—261, 302—305.

<sup>185</sup> ТКДТ. С. 62, 122—123.

<sup>186</sup> ОР РНБ. Ф. 487. Ф. 162. Л. 44—124. Подробнее см.: *Сергеев А. В.* Князья Шехонские и Дворовая тетрадь ... С. 146.

<sup>187</sup> *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» ... С. 53.

<sup>188</sup> РК 1598. С. 94, 102, 104—107, 110.

<sup>189</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. № 10. С. 33.

<sup>190</sup> Там же. Вып. 2. № 234. С. 111; Вып. 9. № 68. С. 176.

<sup>191</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 458—462.

К «средним» ветвям «лествицы» князей Ярославских можно причислить и Зубатых-[Львовых], также происходивших от младшего сына князя В. Д. Грозного. Единственным из них в «Княжеском списке» ДТ вместе с Засекиными-Жировыми записан князь Михаил Андреевич. В известных сегодня списках ДТ его нет, а отмечен он в издании ДТ П. Н. Милюкова, в основу которого был положен список Александровского монастыря, впоследствии утраченный. Все остальные князья Львовы были записаны по ближайшему пригороду Ярославля — Романову<sup>192</sup>.

В Бархатной книге приведены выдержки из грамот Василия III и Ивана Грозного с упоминаниями князей Семена и Михаила Андреевичей Львовых<sup>193</sup>. Первая грамота, по-видимому, относится к 1534—1547 гг., и отмечен в ней «Князь Семень Князь Андреевъ сынъ Дмитревича Львовъ Зубатой», пожалованный «Волскимъ въ кормление», а позднее записанный в ДТ с пометой «Семен умер в Свияску». Во второй грамоте 1528/29 г. говорится о пожаловании князя Михаила Андреевича Львова «Антоновскимъ Станомъ съ правдою». Сохранились сведения о земельных владениях князя Семена Петровича и его сына Василия в Деревской пятине Новгорода<sup>194</sup>.

Князья Львовы служили по Романову, рядом с Ярославлем. Большая часть «родовых» вотчин, судя по имеющимся данным, была ими утрачена<sup>195</sup>. Как и в случае с Шехонскими и Шаховскими, родословная Львовых содержит много пробелов.

Охлябинины и близкая их родня Хворостинины находились на нижних ступенях «средней» части «лествицы» князей Ярославских. Охлябинины утратили земли в Ярославском уезде и служили по Кашину. Служебная карьера представителей этой фамилии была успешной, хотя и не столь выдающейся, как у Хворостининых.

Как и другие средние и младшие представители княжеских родов, Охлябинины служили князьям удельным и при московском Дворе карьеру начинали с низших ступеней. Заметное положение во второй половине XVI в. им удалось занять благодаря продолжительной службе и родству с Хворостиниными. Под заголовком «Кашин. “Князь Юрьевские”» записан

---

<sup>192</sup> ТКДТ. С. 11—12, 145—146.

<sup>193</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 162.

<sup>194</sup> ПКНЗ. Т. 4. С. 349—350, 369; Т. 5. С. 186, 324, 325. Поскольку в родословной Львовых отсутствуют оба, возможно, что принадлежали они к другой княжеской ветви.

<sup>195</sup> Исключением является князь М. А. Львов, у ближайших родственников которого могли сохраняться в Ярославле остатки вотчинных владений. Его присутствие в «Княжеском списке» ДТ (если это не ошибка первого издателя ДТ или списка Александровского монастыря) можно объяснить особыми обстоятельствами, например близким родством с Жировыми-Засекиными.



в ТК Роман Васильевич Охлябинин<sup>196</sup>. Он в 1550/51г. выдал данную грамоту игумену Калязина монастыря Иннокентию на деревню Мичково на реке Нерли в Кашинском уезде<sup>197</sup>. Р. В. Охлябинин был отмечен разрядами в 1558/59 г. на годовой службе в Чебоксарах вторым воеводой с окольным князем Д. С. Шестуновым. В 1559/60 г. он был воеводой в Болхове<sup>198</sup>. В марте 1562 г. Р. В. Охлябинин подписал подручную запись по князе И. Д. Бельском в 100 руб.<sup>199</sup> От службы в уделе у него осталось поместье — сельцо Алексеевское в Дмитровском уезде<sup>200</sup>.

Князь Иван Петрович Охлябинин упоминался разрядами в 1558/59 г. В росписи полков «как им итти к Новугороду к немецкому и к Юрьеву» он был указан первым в списке голов передового полка с князем А. М. Курбским. В 1559/60 г. «в немецкой земле з большим нарядом под городом под Вильяном» И. П. Охлябинин был вторым в списке голов по полкам «у князя Ивана Федоровича Мстисловского». Затем он ходил с другими воеводами «ис-под Кеси по рижской дороге» к трем городкам вместе с головами князьями В. М. Троекуровым и Н. Кропоткиным «с товарищи»<sup>201</sup>. В марте 1562 г. И. П. Охлябинин подписал поручную запись по князе И. Д. Бельском в 10 000 руб.

Князь Андрей Петрович приходился троюродным братом отцу И. П. Охлябинина и был записан в ДТ по Калуге<sup>202</sup>. В 1555/56 г. он служил воеводой в Мценске, а с марта 1556 г. в Карачеве, где находился и в 1557/58 г.<sup>203</sup> В июне 1559 г. в Разъезжей грамоте переславских писцов князя И. Б. Ромодановского и И. И. Пушкина упоминалось о его вотчине в Кашинском уезде<sup>204</sup>. Поскольку в ДТ он указан по Калуге, можно предположить, что там у него имелись поместные земли.

Из указанных выше грамот следует, что Охлябинины имели земли в Кашинском уезде и поддерживали связи с Троицким Калязинским монастырем, расположенным недалеко от Кашина.

---

<sup>196</sup> Его отец Василий Федорович по замечанию Бархатной книги «служиль Князю Юрью Ивановичу» (Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 168).

<sup>197</sup> Русский дипломатарий. Вып. 3. С. 187; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2007. С. 115.

<sup>198</sup> РК 1598. С. 177, 188.

<sup>199</sup> Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 17.

<sup>200</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 402—403.

<sup>201</sup> РК 1598. С. 173, 189, 192.

<sup>202</sup> Его старший брат Дмитрий и отец Петр Федорович, вероятно, умерли около 1549 г. (ВКТСМ. С. 108).

<sup>203</sup> РК 1598. С. 153, 155, 164.

<sup>204</sup> Акты Троицкого Калязина монастыря ... С. 141.

В списке есаулов «Книги Полоцкого похода» отмечены Р. В. и И. П. Охлябинины, а в числе «стряпчих и жильцов» их родственник — Михаил Дмитриевич.

Наиболее видным из фамилии Хворостининых во второй трети XVI в. был князь Иван Михайлович. В августе 1538 г. в Коломне он был первым в списке голов второго воеводы большого полка, своего дальнего родственника боярина М. И. Кубенского. Назначение говорит о невысоком служебном положении Хворостининых<sup>205</sup>.

В ТК И. М. Хворостинин записан в первой статье с высшим поместным окладом, поскольку к этому времени имел большой послужной список. Его младший брат — Михаил Михайлович числился в третьей статье. В ДТ Хворостинины указаны не в «Княжеском списке», а по Коломне, Кашире, Белой.

И. М. Хворостинин после взятия Казани, «как царь и великий князь пошел из Казани к Москве», был записан вторым воеводой в сторожевом полку в судовой рати. Он заявил местнический протест против назначенного первым воеводой М. М. Тучкова<sup>206</sup>. В этом и других подобных случаях продвижение по службе лиц из захудавших фамилий сопровождалось местническими спорами.

Выдвижению Хворостининых во второй трети XVI в. способствовала карьера Ивана Михайловича, удостоившегося чина окольного около 1562 г. С этого времени записанные в ДТ вместе с ним его сыновья, обладавшие незаурядными способностями, оказались в приближении у царя. Старший сын Дмитрий стал одним из самых значительных воевод, а Федор служил дворецким. Оба позднее стали боярами. До перехода на службу по Коломне Дмитрий и Федор числились в ДТ «по Белой»<sup>207</sup>.

Младший брат князя Ивана — Михаил служил по Кашире. В Каширской десятне от 25 июня 1556 г. он указан в рубрике «Дети боярские дворовые: по 600 четвертей»<sup>208</sup>. Он умер между 1556 и 1563 г. о чем в ДТ сделана помета<sup>209</sup>. Разрядами М. М. Хворостинин не упоминался.

Князь Дмитрий Иванович Хворостинин был отмечен разрядами в 1558/59 г. воеводой в «Шатцком», а в 1559/60 г. в Нижнем Новгороде.

---

<sup>205</sup> «...В головах дети боярские посылки для» (РК 1598. С. 94 ; РК 1605. Т. 1, ч. 2. С. 273).

<sup>206</sup> «Царь и великий князь списки князю Ивану взяти велел; а будет ему до Михайла счет о местех, и он бы бил челом, как служба минетца; и тогда ему с Михайлом счет дати. И князь Иван списков не взял. И царь и великий князь князю Ивану велел быти у Михайла в полку, а на князь Иваново место велел быти с Михайлом князю Ивану княж Федорову сыну Сухого-Мезецкому» (РК 1598. С. 138).

<sup>207</sup> ТКДТ. С. 193.

<sup>208</sup> Шапошников Н. В. «Heraldica»: ист. сб. СПб., 1900. Т. 1. С. 28.

<sup>209</sup> ТКДТ. С. 161.

В 1562 г. был отправлен из Алыста на соединение с воеводами под командованием боярина князя Василия Михайловича Глинского, посланных «из Юрьева к Тарвасу на литовские люди». В 1562 г. Д. И. Хворостинин сопровождал царя в походе на Полоцк в числе рынд; «ездивших за государем». Потом должен он был находиться в Великих Луках «по вестем»<sup>210</sup>.

Князь Федор Иванович упоминался разрядами в 1559/60 г. в росписи воевод в Туле, собранных для отражения набега крымцев, и был записан в числе голов большого полка с одним из знатнейших московских аристократов — князем Иваном Дмитриевичем Бельским<sup>211</sup>.

В Полоцком походе в свите царя в перечне окольных указан князь И. М. Хворостинин. В списке окольных ДТ он отсутствует, вероятно, чин ему пожаловали накануне похода. В числе рынд «у пищалей» находился его сын князь Федор<sup>212</sup>. «За государем ездити» среди прочих должен был князь Дмитрий Хворостинин. Таким образом, Хворостинины оказываются в приближении у царя. Князь Иван Михайлович постригся после 1564 г. и умер до 1570 г.<sup>213</sup> Подъем служебной карьеры его сыновей пришелся на время опричнины.

Несмотря на отсутствие вотчин в Ярославском уезде и службу по городам, все Хворостинины сделали успешную служебную карьеру, которая была обусловлена не столько их происхождением, сколько способностями отдельных представителей этой фамилии. «По Белой» вместе с Д. И. и Ф. И. Хворостининскими служили братья Скуратовы<sup>214</sup>, в том числе Малюта (Григорий). Возможно, какие-то связи между ними существовали и сыграли роль в период опричнины.

Поместные владения Хворостининых должны были находиться вблизи мест их службы (Коломна, Кашира, г. Белый). Заняв видное место при Государевом дворе в последней трети XVI в., они получили возможность приобретать земли и в других местах. Ко второй трети XVI в. можно отнести данные о земельных владениях Хворостининых в Коломенском уезде<sup>215</sup>, сохранившиеся в Писцовой книге 7086 (1577/78) г. За младшим из братьев Хворостининых — князем Петром Ивановичем в Похрянском стане Коломенского уезда числилось поместье его отца<sup>216</sup>. Во второй трети XVI в. у И. М. Хворостинина были также владения в Костромском уезде<sup>217</sup>.

---

<sup>210</sup> РК 1598. С. 177, 179, 186, 194, 199, 204.

<sup>211</sup> Там же. С. 187.

<sup>212</sup> Там же. С. 199.

<sup>213</sup> ВКТСМ. С. 46.

<sup>214</sup> ТКДГ. С. 193—194.

<sup>215</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 587.

<sup>216</sup> Там же. С. 485.

<sup>217</sup> РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 20. № 456, 457.

## Младшая ветвь князей Ярославских

Нижние ступени родословной «лествицы» Ярославских были заняты потомками трех сыновей Михаила Моложского. От старшего происходили Сицкие, породнившиеся с семьей великого князя. Василий Андреевич Сицкий был женат на Анне — сестре Анастасии Романовны Захарьиной<sup>218</sup>. По имеющимся данным, он был женат не один раз<sup>219</sup>, но дружеские отношения с Захарьиными сохранялись и у его сына.

Сицкие активно участвовали в военных походах на службе у великих князей Московских. Особенно был знаменит дядя В. А. Сицкого — князь Семен Федорович. После возвращения из литовского плена, куда попал, вероятно, во время Стародубской войны (1534—1537), он перед смертью постригся в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Серапион. Вкладной книгой монастыря отмечена точная дата его смерти — 7 марта 1555 г.<sup>220</sup>

Самой значительной фигурой из Сицких в 1550—1570-х гг. был князь Василий Андреевич. Его сын Юрий (Косой) упомянут разрядами в 1560 г. в списке голов большого полка в Туле<sup>221</sup>. Остальные Сицкие, записанные в ДТ, разрядами не отмечены<sup>222</sup>.

Сицкие были ближайшей родней Прозоровских. Те и другие, как следует из духовной грамоты С. Ф. Сицкого 1549 г., владели вотчинами в Ярославском уезде<sup>223</sup>.

В. А. Сицкий получил около 7067 (1558/59) г. чин окольничего, а позднее стал боярином. Кроме заслуг близких родственников и собственных достоинств, успеху его карьеры, вероятно, способствовали связи с Захарьиными. Из позднейших данных можно заключить, что помимо владений в Ярославском уезде Василий Андреевич и его сыновья приобретали земли вблизи Москвы, поскольку несли службу при Дворе<sup>224</sup>.

---

<sup>218</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 171.

<sup>219</sup> Его второй женой была княгиня Мария Васильевна Нерыцкая (АСЗ. Т. 2. № 309. С. 277).

<sup>220</sup> Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20). С. 71.

<sup>221</sup> РК 1598. С. 187.

<sup>222</sup> Правда, о князе Д. Ю. Сицком есть известие, что он участвовал в ноябрьском походе «в казанские места» 7063 г., но в разрядных книгах данных о нем нет (ДАИ. Т. 1. № 52. С. 107). Вероятно, он не занимал воеводской должности, а находился в одном из полков. В Боярской книге 1556 г. отмечено наличие у него вотчин «2 сохи» (Русский дипломатарий. Вып. 10. С. 111).

<sup>223</sup> Документы о князьях Сицких : Духовное завещание князя Семена Федоровича Сицкого / сообщил Н. П. Лихачев // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 216—221.

<sup>224</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 257—258.

Иногда с Сицкими путали их близких родственников — князей Судских<sup>225</sup>. Это происходило, вероятно, из-за созвучия фамилий, как в случае Шаховских и Шехонских. В источниках чаще других упоминался князь Иван Федорович Судский, у него был брат-тезка по прозвищу Меньшой, которое обычно опускалось, а поскольку их современником был также князь Иван Федорович Сицкий, для путаницы созданы дополнительные предпосылки. Фамилия князей Судских угасла в середине XVI в. после смерти двух братьев Иванов Федоровичей, не оставивших мужского потомства, но после них остались дочери. По Бархатной книге две дочери князя И. Ф. Судского-старшего (по прозвищу Хромой) были замужем «за Княземъ Михайломъ Князь Ивановымъ сыномъ Стригинымъ Ряполовскимъ», а другая «за Княземъ Семеномъ Князь Дмитриевымъ сыномъ Палецкимъ» (княгиня Феодора). По другим данным, дочь князя Ивана Федоровича Судского (не указано младшего или старшего) была замужем за князем Василием Михайловичем Глинским<sup>226</sup>. Поскольку имя ее матери было Агрипина, а по жене князя С. Д. Палецкого — княгине Феодоре в ТСМ в 1562 г. делала вклад ее мать — «княгиня Огрофена князь Ивана Федоровича Суцкого»<sup>227</sup>, есть основание полагать, что за князем В. М. Глинским была замужем дочь И. Ф. Судского Меньшого — княгиня Ирина. О князе И. Ф. Сицком известно, что он имел двух сыновей — Юрия и Василия, а о дочерях сведений нет<sup>228</sup>. Юрий Иванович Сицкий упомянут Писцовой книгой Казани 1565—1568 гг. в числе князей, посланных в начале опричнины<sup>229</sup>. Его младшего брата Василия «убили в Полоцке со Князем Петром Шуйским». Это произошло в 1564 г. в сражении

---

<sup>225</sup> Неточности имеют место, например, в изданиях: *Алексеев А. И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря ... С. 37, 81; *Николаева С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI—начале XVIII в.: Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009. С. 187. В этих работах князь И. Ф. Судский указан под фамилией Сицкий.

<sup>226</sup> Около 7068 (1559/60) г. жена князя Ивана Федорвича Судского — княгиня Агрипина по зяте своему князя Василии Михайловиче Глинском дала в Кирилло-Белозерский монастырь 200 руб. (ОР РНБ. Ф. 351 (Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря). № 87/1325 (Вкладная книга). Л. 65).

<sup>227</sup> ВКТСМ. С. 43—44.

<sup>228</sup> Подробнее см.: *Сергеев А. В.* Опыт изучения текста Дворовой тетради на примере списка князей Ярославских // Архивы и история Российской государственности. СПб., 2013. Вып. 4. С. 36—40.

<sup>229</sup> Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. // Материалы по истории народов СССР. Л.: Изд-во Академии наук, 1932. Вып. 2: Материалы по истории Татарской АССР. С. 29; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб.: Наука, 1992. С. 247.

под Улой<sup>230</sup>. Он был женат на Анне — дочери Данилы Григорьевича Фомина (Квашнина). От этого брака осталась дочь — княжна Марья<sup>231</sup>.

Поскольку после Судских не оставалось прямых наследников по мужской линии, они активно раздавали вотчины и имущество монастырям для спасения души. Оба князя Ивана Федоровича Судских в конце жизни постриглись. Младший — под именем Иов, а старший — Иона. Местом пострижения первого (умершего около 1537 г.) был, видимо, Кирилло-Белозерский монастырь, а второго — ТСМ. Возможно, оба были иноками в последнем, поскольку больше всего вкладов передано туда. Их вотчины находились в Ярославском, Юрьево-Польском и Радонежском уездах. Представители этой княжеской фамилии, если верить данным ВКТСМ и Кормовой книги, были «рекордсменами» по объему вкладов<sup>232</sup>. В денежном выражении их вклады за период с 1512 по 1570 г. составили 9224 руб. Кроме того, в ТСМ они передали шубу, иконы, церковную утварь. Размер единовременного вклада 9024 руб. по «Ионе Суцком» без даты вызывает сомнения. По данным В. Н. Татищева, за половину Ростовского княжества Иван III в 1474 г. уплатил 5000 руб.<sup>233</sup> Получается, что одна из младших фамилий князей Ярославских располагала средствами, достаточными для покупки крупного удельного княжества. Конечно, данный вопрос еще требует выяснения.

Следующие в родословной «лестнице» князя Моложские также были потомками старшего сына М. Д. Моложского. В выписи из Углических приправочных книг князя Д. Г. Бельского на вотчины Покровского Угличского монастыря 1595—1597 гг. упоминается «Покровского ж манастыря, что была вотчина княж Ивана да княж Бориса Моложских пустошь, что было сельцо Болтурово, пашни перелогом и лесом поросло 37 ч. в поле, а в дву потому ж»<sup>234</sup>. По-видимому, речь идет о князе Борисе Петровиче Моложском и одном из его сыновей — Иване Подсумке или Иване Шахе.

Внук князя Бориса — Василий Андреевич не числился в ТК и ДТ и не упоминался разрядами, но, как известно из грамот периода опричнины, имел владения в Ярославском уезде<sup>235</sup>. Вероятно, он служил «с городом».

---

<sup>230</sup> Родословная книга // Русские летописи. Т. 7 : Ермолинская летопись / подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань, 2000. С. 327.

<sup>231</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 29. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1713.

<sup>232</sup> ВКТСМ. Гл. 10. С. 43—44 ; *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М. : Индрик, 2008. С. 225.

<sup>233</sup> *Татищев В. Н.* История Российская : [в 3 т.]. М., 2005. Т. 3. С. 400.

<sup>234</sup> *Шумаков С. А.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. Вып. 1. С. 119.

<sup>235</sup> Русский дипломатарий. Вып. 5. С. 43, 46.

Третьей ветвью потомков старшего сына М. Д. Моложского были Прозоровские. Во фрагменте Боярского списка осени 1546 г. в числе стольников указаны князья Василий и Александр Ивановичи<sup>236</sup> и их двоюродные братья — Михаил и Никита Федоровичи<sup>237</sup>. В 1550 г. князья В. И. и А. И. Прозоровские вошли в состав «избранной тысячи»<sup>238</sup>.

В Мценске с апреля 1550 г. вторым воеводой служил Александр Прозоровский. В декабре 1551 г. он упоминался в качестве наместника в Белеве<sup>239</sup>. В Полоцком походе 1562/63 г. в числе есаулов участвовали Александр, Василий Ивановичи и Михаил Федорович Прозоровские. Последний после взятия Полоцка был назначен вторым воеводой в Юрьев Ливонский с князем А. М. Курбским<sup>240</sup>. По-видимому, их совместное назначение не было случайным. По не вполне ясным данным М. Ф. Прозоровский был женат на сестре А. М. Курбского или, напротив, приходился ему шурином<sup>241</sup>. Прозоровские, хотя не получали в XVI в. думных чинов, но имели значение при Дворе. В «Княжеском списке» ДТ они записаны впереди прочих, сразу после И. В. Пенкова и Троекуровых<sup>242</sup>.

Известно о земельных владениях Прозоровских в «родовом гнезде»<sup>243</sup>. За А. И. и Н. Ф. Прозоровскими были также поместья под Москвой<sup>244</sup>.

Следующими в родословной «лестнице» были князья Шуморовские (Глебовы) и Шамины. Внук князя Глеба Шуморовского — Александр Борисович записан ВКТСМ как Глебов. Единственный вклад по нему в 7029 (1520/21) г. (вотчину в Бежецком Верхе) сделали его близкие

---

<sup>236</sup> В приправочной писцовой книги части Деревской пятины 7059 (1550/51) г. указана в Локотцком погосте волостка запустевшая ко времени описания. В ее запустении обвинялись волостели и князь Иван Прозоровский, отец стольников Александра и Василия (ПКНЗ. Т. 5. С. 128).

<sup>237</sup> Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» ... С. 52—54.

<sup>238</sup> ТКДТ. С. 62.

<sup>239</sup> РК 1598. С. 124, 130; РК 1605. Т. 2, ч. 2. С. 386.

<sup>240</sup> РК 1598. С. 201.

<sup>241</sup> Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины ... С. 431; Русский биографический словарь. Т. 21: Фабер—Цявловский. СПб., 1901. С. 19.

<sup>242</sup> ТКДТ. С. 120—121.

<sup>243</sup> В 1563 г. была составлена мировая запись по делу о Весеьгонской тамге между приказщиками князей М. Ф. и А. И. Прозоровских и властями Симонова монастыря (*Шумаков С. А.* Угличские акты (1400—1749 гг.). М.: Унив. тип., 1899. С. 118—125). В грамоте упоминаются вотчины Прозоровских: села Старое Холопье, Прозорово, Рожественное на реке Мологе. В 7101 (1592/93) г. упоминалась вотчина «князь Васильевская Прозоровского» там же (АСЗ. Т. 2. № 466. С. 397). Четвертого мая 1621 г. в Выписи из писцовых книг 1588/89 г. отмечена бывшая вотчина князей Василия и Никиты Ивановых детей Прозоровского в Верховском стане Ярославского уезда (АСЗ. Т. 4. № 526. С. 437).

<sup>244</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 44, 145.

родственники — Шамины и Сицкие<sup>245</sup>. Однако вклад А. Б. Шуморовского в ТСМ, видимо, не случаен, поскольку там постригся двоюродный брат его отца — князь Семен Андреевич Шуморовский<sup>246</sup>.

Князя Шамины передали ТСМ в 1523—1536 г. три денежных вклада на сумму 215 руб. Наиболее видным из данной фамилии был князь Иван Михайлович, упоминавшийся разрядами первой трети XVI в.<sup>247</sup> После него не осталось мужского потомства и фамилии Шуморовских и Шаминых (Глебовых) угасли к середине XVI в. Из записей ВКТСМ выясняется, что у князя Ивана Михайловича была дочь Анна замужем за Фомой Головиным<sup>248</sup>.

Одной из самых младших фамилий князей Ярославских были Голыгины. Последним в «Княжеском списке» ДТ записан князь Василий (Васюк) Константинович Голыгин<sup>249</sup>. Видимо, он происходил из фамилии Голыгиных-Шуморовских-Ушатых, но в Бархатной книге она обрывается на втором поколении, а имен Константин и Василий нет<sup>250</sup>. В данном случае требуется реконструкция родословной и поиск необходимых для этого материалов. Несмотря на отсутствие упоминаний в разрядах и невысокий общественный статус, Голыгины сохраняли земельные владения в Ярославском уезде<sup>251</sup>, чем можно объяснить присутствие их представителя в «Княжеском списке» ДТ. В списке с писцовой книги 7086 (1577/78) г. по Коломне и ее уезду в Мезынской волости в числе «порозжих пустых поместий» указано бывшее поместье князя Василия Константиновича Голыгина<sup>252</sup>.

Князя Ушатые были младшими потомками М. Д. Моложского, но добились успехов на службе при московском Дворе. В. В. Ушатый в первой половине XVI в. имел чин окольничего. В разряде свадьбы князя В. А. Старицкого с Е. А. Нагой 1550 г. отмечено участие вдовы окольничего князя Василия Васильевича Чулка Ушатого<sup>253</sup> — княгини Фетиньи<sup>254</sup>. Его брат — князь Борис Васильевич около 1539 г. занимался описанием земель Деревской пятины Новгорода<sup>255</sup>. В первой трети XVI в. в Бежецкой пятине находились поместные владения И. Ф. Ушатого [Большого]

---

<sup>245</sup> Шумаков С. А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 1. С. 4.

<sup>246</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 175.

<sup>247</sup> РК 1598. С. 50, 51, 52, 55, 60—62, 68—70.

<sup>248</sup> ВКТСМ. С. 55.

<sup>249</sup> ТКДТ. С. 123.

<sup>250</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 176.

<sup>251</sup> Писцовые материалы Ярославского уезда ... С. 300—301.

<sup>252</sup> «...Добр. землею с наддачею 119 четьи без третника в поле, а в дву по томуж» (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 601).

<sup>253</sup> Умершего около 1548 г (ДРВ. Ч. 20. С. 35).

<sup>254</sup> Свадьбы // ДРВ. Ч. 13. С. 49.

<sup>255</sup> ПКНЗ. Т. 4. С. 18, 65, 363, 373, 401, 402, 406, 414, 459, 473.



Ляпуна<sup>256</sup>, а также трех старших сыновей Василия Федоровича Ушатого — Юрия, Василия, Ивана<sup>257</sup>.

Князь Иван Васильевич Ушатый в 7053 (1546/47) г. передал ТСМ свою вотчину село Коприно с деревнями в Ярославском уезде<sup>258</sup>. Под 27 мая 1551 г. отмечен вклад княгини старицы Киликеи (жены князя Ивана Ушатого) — денег 50 руб. и вещи. Вероятно, речь идет о жене князя И. В. Ушатого-Третьяка, к этому времени умершему. Из записей ВКТСМ можно заключить о связях Ушатых с этим монастырем. О вкладе деньгами (500 руб.) его младшего брата Бориса запись сделана под 19 апреля 1564 г.<sup>259</sup>

Фамилия Ушатых может быть причислена к верхнему слою княжеской аристократии, поскольку кроме вотчин в Ярославском уезде, разрядных назначений их представитель имел думный чин окольничего. А. А. Зимин полагал, что успехам Ушатых способствовали родственные связи с боярской фамилией Кошкиных<sup>260</sup>. Правда, родство это было весьма отдаленным: на дочери Якова Казака-Кошкина был женат родоначальник Ушатых — князь Федор Иванович<sup>261</sup>.

Представители старшего поколения Ушатых, продолжая владеть землями в Ярославском уезде, получили в конце XV—начале XVI в. поместья в Новгородских пятинах. Но после смерти лиц, получивших поместья и не оставивших потомства, земли перешли к другим служилым фамилиям.

Самой младшей в «лестнице» князей Ярославских была фамилия Дуловых. По Ржеву в ДТ были записаны Федор (Федько), Владимир

---

<sup>256</sup> НПК. Т. 6. Стб. 197, 202, 204 ; ПКНЗ. Т. 1. С. 235—236.

<sup>257</sup> НПК. Т. 6. Стб. 252, 281, 641, 672—673.

<sup>258</sup> ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1. Более полные сведения приведены в ВКТСМ под 1544/45 г.: «Дал вкладу князь Иван Васильевич Ушатоу Третьяку по отце своем князе Василье, а молитвенное имя Перфирье, да по матери своей княгини Домне, да по дяде своем по князе Костянтине, во иноцех Касьяне, и по себе вотчину свою в Ярославском уезде село Коприно» (ВКТСМ. С. 98).

<sup>259</sup> Не совсем ясна с точки зрения хронологии следующая запись под 1561 г.: «... апреля в 19 день привез келарь старец Дорофей с Москвы 100 рублей, а пожаловал государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси по князе Борисе Васильевиче Ушатом за его вотчину за село Кривцово». Вероятно, князь Б. В. Ушатый умер между 1561—1564 гг., а в ВКТСМ перепутана хронологическая последовательность записей. Из приведенных данных следует, что Б. В. Ушатый имел вотчинные владения в Ярославском уезде, однако в «Княжеском списке» ДТ его нет, хотя известно о его деятельности по земельным описаниям. Возможно, он был отставлен от службы в начале 1550-х гг. по возрасту.

<sup>260</sup> *Зимин А. А. Формирование ...* С. 97.

<sup>261</sup> *Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ...* Ч. 2. С. 123 ; *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев ...* С. 150.

(Володя) Васильевичи Дуловы (оба с пометой «Умре», а в Музейском списке ДТ: «умре в Свяжеску»)<sup>262</sup> и князь Андрей (Андреец) Федорович Дулов (с пометой «в Зубцове»). По Зубцову числились князья Федор Матвеевич, Иван и Дмитрий (Матюшка) Ивановичи Дуловы. В Бархатной книге ни один из перечисленных лиц не присутствует. Первые двое могли быть простыми однофамильцами князей, так как записаны в ДТ без титула.

Данные для частичной реконструкции родословной князей Дуловых содержит «меновная грамота» 7033 (1524/25) г. князя Василия Ивановича Дулова на землю в Зубцовском уезде<sup>263</sup>. В грамоте перечислены его сыновья: Василий Олабыш, Федор, Матвей, Владимир, Михаил, Игнатий. Таким образом, несмотря на отсутствие титула, есть основание включить записанных в ДТ Владимира и Федора Васильевичей Дуловых в княжескую родословную. Оба они, как отмечено выше, умерли на службе, вероятно, в 1550-х гг.

Князь Андрей, указанный в ДТ, мог быть сыном Федора Матвеевича. Отцом же князя Федора, возможно, являлся князь Матвей Иванович, внук родоначальника Дуловых. Князь Иван мог быть братом Матвея, а князь Дмитрий (Матюшка), видимо, сын самого князя Ивана. Конечно, предложенная реконструкция родословной Дуловых в значительной мере предположительна и требует подтверждения данными источников.

В 1556—1557 гг. князь Федор Матвеевич Дулов дал запись «очищальную» на проданную зятю Рычку Федорову села Арбузова, деревни Мерлино в Гостижской волости Зубцовского уезда. В числе послухов указаны его братья Андрей, Михаил, а также князь Иван Иванович Дулов<sup>264</sup>.

Служба Дуловых в Тверском уезде обусловлена тем, что еще основатель фамилии князь Андрей Львович Дуло, по сведениям родословных, «отъехал во Тверь, по тому и вотчины отстал» и «служил великому князю Борису Александровичу Тверскому»<sup>265</sup>. Из этих данных следует, что вотчины были утрачены Дуловыми во второй половине XV в., они являлись помещиками Тверского уезда, служили по Зубцову. Разрядами никто из них не отмечен.

\*\*\*

Приведенные биографические данные о князьях Ярославских позволяют сделать ряд выводов, дающих представление об основных тенденциях эволюции социального положения княжеской аристократии в целом,

---

<sup>262</sup> ТКДТ. С. 181—182; ОР ГИМ. Музейское собрание № 3417. Л. 75 об.

<sup>263</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 29. Ед. хр. 8. Папка 3. № 585. Л. 252; ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 533 (По Зубцову). № 1.

<sup>264</sup> Акты феодального землевладения ... Ч. 2. № 266, 293. С. 270—271, 300—301.

<sup>265</sup> Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... Ч. 1. С. 177—178.

поскольку ветвь князей Ярославских включала значительное число фамилий разного общественного статуса.

Социальный статус князей Ярославских не был одинаковым. Далеко не всегда старшинство в родословной «лестнице» означало старшинство на службе. Можно выделить следующие социальные прослойки внутри княжеской ветви Ярославских: к высшей принадлежали князья, занимавшие места в Боярской думе, а к самой низшей — служившие «с городом вместе», мало отличавшиеся от рядовых дворян и детей боярских. Для именования последних современниками использовался неофициальный термин «князи городовые». Признаком принадлежности к этим «закосневшим» княжеским фамилиям было отсутствие их упоминаний в разрядных книгах<sup>266</sup>. Большинство князей занимали промежуточное положение: не получали думных чинов, но служили в составе Государева двора или «в выборе» и составляли верхушку провинциальных служилых людей. С учетом изложенного фамилии князей Ярославских в рассматриваемый хронологический период распределяются по указанным стратам следующим образом: 1) Троекуровы, Сисеевы, Шестуновы, Курбские, Пенковы, Кубенские, Сицкие, Прозоровские, Ушатые; 2) Алабышевы, Аленкины, Великогаины, Юхотские, Щетинины, Засекины-[Темносиние], Засекины-Солнцева, Засекины-Жировые, Засекины-[Давыдковские], Морткины, Бельские, Деевы, Охлябиныны, Хворостинины, Моложские, Судцкие, Шуморовские, Шаminy (Глебовы); 3) Шаховские, Дуловы. На границе между второй и третьей стратами находились князья Шехонские, Гольгины, Засекины-[Бородатые]. Непроходимой границы между указанными прослойками не было и в течение XVI—XVII вв. имела место социальная мобильность: рост общественного статуса (Охлябиныны, Хворостинины, Шаховские, Бельские) и угасание в «закоснении» (Гольгины).

Значение князей Ярославских при Государевом дворе зависело от заслуг предков, личных способностей и успешной службы, а также брачных связей с семьей государя, старомосковским боярством, другими княжескими родами, места в родословной.

Военная и административная деятельность большинства князей проходила по разным территориям Московского государства. «Князи городовые» не получали разрядных назначений и служили, как правило, с дворянами и детьми боярскими на территории своего уезда. Земельные владения различных фамилий князей Ярославских, насколько позволяют судить данные источников, располагались в уездах: Ярославском, Ростовском, Костромском, Московском, Тверском, Новгородском.

---

<sup>266</sup> «...Князи городовые, нигде в розряде не бывали» (Книги разрядныя по официальным оных спискам, изданныя с Высочайшаго соизволения II-м Отделением собственной его Императорскаго Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 931).

Сохранение земельных владений князьями на территории бывших княжеств или приобретение новых земель в других уездах зависело от разных факторов, в том числе характера служебной деятельности, родственных связей с другими фамилиями. В середине XVI в. две трети фамилий князей Ярославских сохраняли поземельные связи с Ярославлем<sup>267</sup>. Представители указанных фамилий были включены в «Княжеские списки» ДТ, что дает основание рассматривать их как особые объединения, в определенном смысле княжеские корпорации. В ДТ были включены представители почти всех многочисленных ветвей князей Ярославских (около 140 человек), кроме Шаховских (в изданном тексте памятника под фамилией «Шеховских», как отмечено выше, значатся князья Шехонские), а также ветвей, пресекшихся к 1552 г. (Шамины, Судцкие, Юхоцкие, Кубенские). В «Княжеском списке» Ярославских ДТ указано 88 человек, а «по городам» — 50.

Остановимся на значении «Тысячной реформы» 1550 г. для князей Ярославских. В 1550 г. был издан указ о раздаче под Москвой поместий тысяче «лучших слуг» царя. Их список — Тысячная книга — включал около 1080 человек, разделенных на три «статьи». Боярам, окольным и детям боярским первой статьи были назначены поместья в Московском уезде по 200 четей, детям боярским второй статьи — 150 четей и детям боярским третьей статьи — 100 четей. В «избранную тысячу» были включены представители разных фамилий князей Ярославских. Это были лица либо имевшие опыт военной службы (как И. М. Троекуров, И. М. Хворостинин), либо лица из молодого поколения, способные к ней (братья А. М. и И. М. Курбские и др.). Возраст «тысячников» можно определить только в отдельных случаях и весьма приблизительно. Точнее всего он известен у князя А. М. Курбского, родившегося в октябре—ноябре 1528 г., следовательно, ему было в 1550 г. 22 года, а его младшему брату Ивану, вероятно, 18—20 лет. Возраст «тысячников», отцы которых погибли в битве под Оршей 8 сентября 1514 г., можно примерно определить в 36—40 лет (В. К. и М. К. Засекины). В «избранную тысячу» попали не только князья, сохранившие поземельные связи с «родовым гнездом», но и утратившие там владения. В различных статьях ТК указаны Хворостинины, Охлябинины, Шестуновы, Засекины, служившие по Новгороду, и один представитель Шаховских, служивший по Торопцу князь Данило Юрьевич<sup>268</sup>.

---

<sup>267</sup> Сведения об утрате земель в «родовом гнезде» есть по Шаховским, Дуловым, Щетининым, Засекиным-[Бородатым], Засекиным-[Давыдовским]. На основании косвенных данных, с значительной долей вероятности, можно предположить такую утрату у князей Шестуновых, Кубенских, Морткиных, Зубатых-Львовых, Охлябининых, Хворостининых.

<sup>268</sup> ТКДТ. С. 101. В родословной его место определить не удается.

Попытка проведения «Тысячной реформы» в начале 1550-х гг. способствовала установлению более тесных отношений между князьями, занявшими видное положение при Государевом дворе, и их родственниками, служившими в отдаленной провинции, и позволяла повысить социальный статус лиц из некоторых «захудавших» фамилий. В случае Ярославских это младшие линии Засекиных-[Давыдковских], Шаховские и др. Реформа проводилась не только в интересах провинциального дворянства и усиления самодержавной власти царя<sup>269</sup>, но была выгодна и московской аристократии, позиции которой укреплялись.

Не все князья Ярославские, записанные в ТК, были позднее включены в ДТ. Отсутствуют в ней «тысячники» — Константин Семенович Шестунов, Юрий Иванович Деев, Иван Михайлович Курбский, Василий Дмитриевич Солнцев-Засекин, Дмитрий Александрович Щетинин, Юрий Федорович Сицкий, Данила Юрьевич Шаховской, Михаил и Василий Константиновичи Засекины.

Сведения источников дают основания полагать, что по разным причинам все они, исключая двух последних, выбыли из службы между 1550 и 1553 г. Ни об одном из них нет упоминаний в разрядных книгах после 1552 г. Между составлением ТК и ДТ прошло более 2 лет. Важнейшим событием этого небольшого временного промежутка стало «Казанское взятие» 1552 г. В отличие от последующих крупных военных походов 1560—1570-х гг., Казанский поход 1552 г. описан в разрядных книгах и других источниках кратко. Вероятно, в нем участвовали все способные носить оружие представители княжеских фамилий и большинство «тысячников». Число жертв во время осады и штурм Казани было значительным не только со стороны осажденных, но и царских войск. В числе погибших, несомненно, были и «тысячники». Как отмечено выше, от ран, полученных при штурме Казани, умер князь И. М. Курбский.

Отсутствие в ДТ братьев М. К. и В. К. Засекиных, упоминавшихся источниками после 1552 г., свидетельствует, что, как и в случае с другими княжескими фамилиями, помещики новгородские в ДТ не были записаны.

Наряду со сходством в общей эволюции с другими княжескими ветвями у князей Ярославских имелись особенности. Одна из них была отмечена А. А. Зиминым<sup>270</sup> и заключалась в тесных связях большинства фамилий с «родовым гнездом», а другая — в родственных связях с великокняжеским домом и первостатейной знатью Государева двора Пенковых, Сицких, Судских, Сисеевых, Ушатов. К 1550 г. в роду князей Ярославских не было лидера. Пенковы, Кубенские сошли с политической сцены, а два сына М. М. Курбского только начинали службу. Последний из

---

<sup>269</sup> Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х гг. XVI в. М. ; Л. : АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1958. С. 422.

<sup>270</sup> Зимин А. А. Формирование ... С. 97.

Пенковых, князь Иван Васильевич, вероятно, вследствие болезни заметной роли при Дворе не играл. До 1555 г. в Боярской думе не было представителей князей Ярославских. В 1555—1556 гг. боярами, миновав промежуточную ступень окольных, стали И. М. Троекуров и А. М. Курбский. Позднее выдвинулись и получили думный чин окольных, а потом бояр В. А. Сицкий и Д. С. Шестунов. В начале 1560-х гг. в приближение к царю попали Хворостинины. По каким-то причинам не слишком успешно, несмотря на родственные связи, двигалась карьера стольника князя Ф. В. Сисеева.

К 1565 г. наиболее видные представители князей Ярославских сошли с политической сцены: умерли И. М. Троекуров и Д. С. Шестунов, И. М. Хворостинин постригся, А. М. Курбский бежал в Литву. Фамилии князей Ярославских, занимавшие наиболее видные места при Дворе во второй трети XVI в., как правило, не имели достаточно многочисленного потомства и имели тенденции к угасанию.

Приведенные выше данные показывают связи князей с монастырями: Пенковых — со Спасо-Каменным; Жировых-Засекиных — Толгским; Охлябининых — Калязиным; Ушатых — ТСМ; Троекуровых — со Спасо-Ярославским; Сицких — с Новоспасским<sup>271</sup>. Как правило, эти связи устанавливались по месту постоянного пребывания или службы князей и поддерживались на протяжении нескольких поколений, особенно если в монастырях хоронили представителей княжеских фамилий. Князья делали в монастыри различные вклады деньгами, предметами церковного обихода и, значительно реже, землями. Как правило, вотчины монастырям передавали князья, не имевшие прямого потомства по мужской линии (Алабышевы, Судские).

Имеющиеся в источниках данные позволяют охарактеризовать степень сплоченности князей Ярославских. Общность их сильно разросшейся ветви в рассматриваемый период была ослаблена. Князья Ярославские, в отличие, например, от Ростовских, записаны не в одной, а в 17 разных главах ВКТСМ. Такое разделение характеризует разрыв родственных связей между фамилиями. Даже близкая родня — князья Алабышевы—Аленкины, а также Охлябинины—Хворостинины указаны порознь<sup>272</sup>. Мало данных о случаях родственной поддержки фамилиями более высокого общественного статуса родни из низших прослоек.

---

<sup>271</sup> Вероятно, связи с этим монастырем были обусловлены родством Сицких с Романовыми.

<sup>272</sup> В главе 10 — Судские; 22 — Хворостинины; 45 — Шамины; 66 — Велико-Гагины; 88 — Кубенские; 114 — Пенковы; 127 — Прозоровские; 145 — Сицкие; 161 — Засекины; 163 — Аленкины; 168 — некоторые представители Морткиных-Бельских; 201 — Ушатые; 232 — Алабышевы; 234 — Глебовы; 252 — Охлябинины; 433 — Шаховские; 437 — Львовы (князья). В главе 247 записаны их однофамильцы — негитулованные служилые люди Львовы.

В сохранившихся родословных росписях князей Ярославских имеются пропуски и отдельные искажения. При использовании в исследованиях необходима комплексная проверка этих данных по другим источникам. Недостаточная изученность княжеских фамилий создает условия для возникновения «генеалогических мифов». К подобным примерам можно отнести искаженные сведения о князьях Шаховских и Шехонских в поздних списках ДТ и разрядных книг, а также путаницу с князьями Судскими и Сицкими.

На примере князей Ярославских заметна неполнота сохранившихся родословных. Как отмечено выше, один из самых видных представителей Кубенских — боярин князь Михаил Иванович по родословным считался бездетным, хотя у него была дочь Гликерия. Только из актов можно узнать, что кроме сына Ивана у князя В. Д. Пенкова была дочь. Указания родословных росписей на бездетность не всегда являются твердо установленным фактом. В них, как правило, не отмечались дочери, и князья считались бездетными, если у них не было сыновей. Но и сыновья некоторых князей «терялись» в силу разных причин. Например, в родословной князей Гольгиных пропущено несколько поколений. Много лакун в родословных Шехонских, Шаховских, Дуловых и др. Хотя в писцовых книгах, актовом материале содержатся сведения о некоторых представителях этих фамилий, но в родословных росписях их нет. Дополнение и уточнение родословных княжеских фамилий по данным известных источников является актуальной задачей.

## РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению роли в Московском государстве второй трети XVI в. самой многочисленной ветви рода Рюриковичей — князей Ярославских. На основе данных родословных и других источников выяснен состав княжеских фамилий, служебные назначения, характер землевладения, дана оценка их социального статуса. Установлено, что общественное положение князей Ярославских не было одинаковым. Далеко не всегда старшинство в родословной «лестнице» означало старшинство на службе. Выделены следующие социальные прослойки внутри рассматриваемой княжеской ветви: к высшей принадлежали князья, занимавшие места в Боярской думе, а к самой низшей — служившие «с городом», мало отличавшиеся от рядовых дворян и детей боярских. Признаком последних было отсутствие упоминаний в разрядных книгах. Большинство князей занимали промежуточное положение: не получали думных чинов, но служили в составе Государева двора или «в выборе» и составляли верхушку провинциальных служилых людей. Сохранение земельных владений князьями на территории бывших княжеств или приобретение новых земель в других уездах зависело от разных факторов, в том числе характера служебной деятельности, родственных связей с другими

родами. В середине XVI в. две трети фамилий князей Ярославских сохраняли поземельные связи с Ярославлем. Представители указанных фамилий были включены в «Княжеские списки» Дворовой тетради, что дает основание рассматривать их как особые объединения, в определенном смысле княжеские корпорации. Попытка проведения «Тысячной реформы» в начале 1550-х гг. способствовала установлению более тесных отношений между князьями, занявшими видное положение при Государевом дворе, и их родственниками, служившими в отдаленной провинции, и позволяла повысить социальный статус некоторых фамилий. В сохранившихся родословных росписях князей Ярославских имеется много пропусков и отдельные искажения. При использовании в исследованиях необходима комплексная проверка этих данных по другим источникам.

## SUMMARY

The article is devoted to studying the role of the most numerous branch of the Rurik Family — Yaroslavskie Princes in the Moscow government in the second third of the XVI century.

The composition of the Princes' last names, service destination, and the nature of land ownership is determined and their social status is estimated on the basis of pedigrees and other sources. It was found that the social position of the Yaroslavskie Princes was not the same. It is not always that the seniority in the pedigree «ladder» meant the seniority in the service. The following social strata within the considered princely branches are identified: princes ranked in the Boyar Duma belonged to the highest social strata and princes with a little difference from the ordinary nobles and knights, serving «with the city» belonged to the lowest one. The lack of references in the Razriadnaia books has been a sign of the last ones. Most of the Princes had an intermediate position: they did not receive the дума ranks, but served in a part of the Tsar's court or «in choice» and were making up the top of the provincial servitors. Saving the land in the territory of the previous kingdoms or acquisition of new land in other places by Princes depended on various factors, including the nature of performance, family relationships with other generations. In the middle of the XVI century, two-third of the Yaroslavskie Princes' last names remained underground connection with a city of Yaroslavl. Representatives of those last names were included in the «Princes lists» of The Dvorovaya tetrad, what gives a reason to treat them as special associations, in a sense of the *Princes* corporation. The attempt of making a «Tyisyachnaya reform» in the early 1550s contributed to the establishment of closer relations between the *Princes*, occupying high position at the Tsar's court and their relatives who served in the remote province, and it also helped improve the social status of some surnames. There are many omissions and some distortion in the remaining pedigrees paintings of Yaroslavskie *Princes*. A comprehensive check of these data is required when used in the studies from other sources.



## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Князья Ярославские, фамилия, Государев двор, служба, корпорация, социальный статус, родословная.

## KEYWORDS

Yaroslavskie Princes, last name/surname, court, service, corporation, social status, pedigree.

## БИБЛИОГРАФИЯ

Акты служилых землевладельцев / сост. А. В. Антонов. М. : Памятники ист. мысли, 2008. Т. 4.

Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506—1608 гг. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М. : Памятники ист. мысли, 1998.

Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2007.

Акты феодального землевладения и хозяйства. М. : АН СССР, 1956. Ч. 2.

*Алексеев А. И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20).

*Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографический центр, 1996.

*Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М. : Древлехранилище, 2002. Вып. 7.

*Барсуков А. П.* Сведения об Юхотской волости и ея прежних владельцах. СПб., 1894.

*Вахрамеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М. : Синодальная тип., 1896.

Т. 1 : Княжие и царские грамоты.

Т. 3 : Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение — Книга Кормовая.

Великий Новгород во второй половине XVI в. : сб. / сост. К. В. Баранов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001.

*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

*Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М. : АН СССР, 1963.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука, 1987.

Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века... // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5.

*Гириберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М. : АН СССР, 1960. Вып. 1.

Государственное древлехранилище хартий и рукописей : Опись документальных материалов фонда № 135 / сост. В. Н. Шумилов. М., 1971.

Дело о местничестве И. В. Благово с князем И. Ф. Шаховским и С. Л. Хрушовым (1627—1628 гг.) // *Благово Н. В.* Шесть столетий рода Благово. СПб. : ВИРД, 2007.

Документы о князьях Сицких : Духовное завещание князя Семена Федоровича Сицкого / сообщил Н. П. Лихачев // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии. 1846. Т. 1. № 115.

*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.

*Зимин А. А.* Княжеская знать и формирование состава Боярской думы во второй половине XV—первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1979. Т. 103.

*Зимин А. А.* Суздальские и ростовские князья во второй половине XV—первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 56—69.

*Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988.

*Калугин В. В.* Когда родился князь Андрей Курбский // Архив русской истории. М. : Археографический центр, 1995. Вып. 6.

*Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. М. : Индрик, 2008.

Книги разрядныя по официальным оных спискам, изданныя с Высочайшаго соизволения II-м Отделением собственной его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1.

*Кобрин В. Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1962. Вып. 25.

*Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М. : РГГУ, 1995.

Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения Русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. СПб. : Тип. Якова Трея, 1851. Т. 1. Отд. 3.

Краткое историческое описание Московского ставропигиального первоклассного Новоспасского монастыря... М., 1802.

*Лихачев Н. П.* Государев родословец и Бархатная книга // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1.

*Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. № 19.

*Малов А. В.* Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06)—115-го (1606/07) гг. // Единорогъ : Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М. : Квадрига, 2009. Вып. 1.

*Мец Н. Д.* Ярославские князья по нумизматическим данным // Советская археология. 1960. № 3.

Местнические дела 1563—1605 гг. / собраны и изданы Н. П. Лихачевым (отд. отт. из VI тома Сборника Археологического института). СПб., 1894.

*Назаров В. Д.* О генеалогических мифах в современной историографии // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1.

*Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М. : Наука, 1975.

*Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 115.

*Назаров В. Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5.

*Назаров В. Д.* Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV—XVII столетий. Владимир, 2006. С. 32—84.

*Николаева С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI—начале XVIII в. : Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009.

*Николаева Т. В.* Новые надписи на каменных плитах XV—XVII вв. из Троице-Сергиевской лавры // Нумизматики и эпиграфика. М. : Наука, 1966. Т. 6.

Новгородские писцовые книги, изданные Императорскою Археологическою комиссиею. СПб., 1859. Т. 1; 1862. Т. 2; 1886. Т. 4; 1905. Т. 5.

Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011.

*Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. М. : Древлехранилище, 2000.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1993.

Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв. : исслед. и тексты. Вологда : Древности Севера, 2011.

Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. // Материалы по истории народов СССР. Л. : Изд-во Академии наук, 1932. Вып. 2 : Материалы по истории Татарской АССР.

Писцовые книги Московского государства. Изд. Императорского Русского географического общества. Писцовые книги XVI века / под ред. Н. В. Калачева. СПб. : Имп. Рус. геогр. о-во, 1877. Ч. 1. Отд. 2.

Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2004. Т. 4, 5.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2005.

Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. : Поместные земли / сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.

Полное собрание русских летописей.

Т. 4, ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л., 1929.

Т. 13 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М. : Языки русской культуры, 2000.

Т. 19 : История о Казанском царстве (Казанский летописец). М. : Языки русской культуры, 2000.

Т. 8 : Воскресенская летопись. М. : Языки русской культуры, 2001.

Послужной список старинных Бояр и Дворецких, Окольных и некоторых других придворных чинов... // Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М. : Тип. Компании Типографической, 1791. Ч. 20.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М. : Наука, 1966.

Разрядная книга 1475—1605 гг. М. : АН СССР : Наука, 1977. Т. 1, ч. 2.

Родословная книга // Русские летописи. Т. 7 : Ермолинская летопись / подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань, 2000.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги... / изд. Н. И. Новиков. М. : Унив. тип., 1787. Ч. 1.

Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2011.

Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею. Пг., 1914. Т. 31.

Русский биографический словарь. Т. 21 : Фабер—Цявловский. СПб., 1901.

Русский дипломатарий.

Вып. 4. М. : Памятники ист. мысли, 1998.

Вып. 5. М. : Памятники ист. мысли, 1999.

Вып. 10. М. : Древлехранилище, 2004.

Русский исторический сборник М. П. Погодина. М., 1838. Т. 2.

*Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М., 1940. Т. 3.

Свадьбы // Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. Изд. 2-е. М. : Тип. Компании Типографической, 1790. Ч. 13.

*Сергеев А. В.* Князья Шехонские и Дворовая тетрадь: к уточнению состава списка князей Ярославских в Дворовой тетради // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. История. 2014. Вып. 1. С. 142—150.

*Сергеев А. В.* Опыт изучения текста Дворовой тетради на примере списка князей Ярославских // Архивы и история Российской государственности. СПб., 2013. Вып. 4. С. 36—40.

- Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб. : Наука, 1992.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории русского государства 30—50-х гг. XVI в. М. ; Л. : АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1958.
- Смирнов М. И.* Переславль-Залесский : ист. очерк 1934 г. : в 2 ч. Переславль-Залесский, 2005. Ч. 1.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1.
- Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2.
- Соловьев С. М.* Сочинения : в 18 кн. М. : Голос, 1993. Кн. 3, т. 5—6 : История России с древнейших времен.
- Татищев В. Н.* История Российская : [в 3 т.]. М., 2005. Т. 3. С. 400.
- Титов А. А.* Рукописи славянския и русския, принадлежащая И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5.
- Тихомиров М. Н.* Труды по истории Москвы (Средневековая Москва). М., 2003.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М. ; Л., 1950.
- Филошкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский : Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб. : СПбГУ, 2007.
- Царские грамоты, жалованные Ярославскому Толгскому монастырю // Ярославские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 11. С. 164—166.
- Цепков А. И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV—XVII веков. Рязань, 2005. Т. 1 : Княжие и царские грамоты.
- Шапошников Н. В.* «Heraldica» : ист. сб. СПб., 1900. Т. 1.
- Шумаков С. А.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). М. : О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1902. Вып. 1.
- Шумаков С. А.* Обзор «Грамот коллегии экономии». М. Вып. 3. 1912.
- Вып. 4. 1917.
- Вып. 5. 2000.
- Шумаков С. А.* Угличские акты (1400—1749 гг.). М. : Унив. тип., 1899.

## REFERENCES

- Acts of feudal zemlevladyeniya and khoziaistva. Moscow, 1956. Pt. 2.
- Acts of Troitsk Kalyazin of the monastery of the XVI century / ed. S. N. Kisterev, L. A. Timoshina. Moscow ; St. Petersburg, 2007.
- Acts sluzhilykh zemlevladeltcev / ed. A. V. Antonov. Moscow, 1997. Vol. 1; 1998. Vol. 2; 2002. Vol. 3; 2008. Vol. 4.

*Alekseev A. I.* First edition of the Vkladnaia book of Kirillov's Belozersky monastery (the 1560-th) // *Vestnik of church history*. 2010. Nr 3/4 (19/20).

*Antonov A. V.* Rodoslovnnya rospisi of the end of the XVII century. Moscow, 1996.

*Antonov A. V., Krom M. M.* Lists of the Russian prisoners in Lithuania of the first half of the XVI century // *Archive of the Russian history*. Moscow, 2002. Iss. 7.

*Barsukov A. P.* Data on the Yukhotsky volost and it former owners. St. Petersburg, 1894.

Carskie gramoty galovannya to the Yaroslavl Tolga Monastery // *Yaroslavl Eparhialnaya Vedomosti*. 1897. Nr 11. P. 164—166.

Dokumenty o kniaz'iaxh Sitskikh : The testament of the prince Semyon Fedorovich Sitsky / ed. N. P. Likhachev // *Izvestiia Russkago genealogicheskago obshchestva*. St. Petersburg, 1909. Iss. 3.

Dopolneniia k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arkheograficheskoiu komissieiu. St. Petersburg, 1846. Vol. 1.

*Filyushkin A. I.* Andrey Mikhaylovich Kurbsky : Prosopografichesky issledovanie i germenevtichesky comment k poslaniam Andrey Kurbsky k Ivan the Terrible. St. Petersburg, 2007.

*Girshberg V. B.* Materials for the svod of inscriptions on stone plates of Moscow and Moscow area of the XIV—XVII centuries // *Numismatics and the epigrafika*. Moscow, 1960. Iss. 1.

Ivan the Terrible's correspondence with Andrey Kurbsky. Moscow, 1993.

*Kalugin V. V.* When the prince Andrey Kurbsky was born // *Archive of the Russian history*. Moscow, 1995. Iss. 6.

*Kirichenko L. A., Nikolaeva S. V.* Kormovaya kniga of Troitse-Sergiyeva of the monastery 1674. Moscow, 2008.

*Knigi razriadnye*. Vol. 1. St. Petersburg, 1853. 1380 col.

*Kobrin V. B.* Two «zalovannya» diplomas to Chudovo's the monastery (XVI century) // *Zapiski of Department of manuscripts of the State library of V. I. Lenin*. Moscow, 1962. Iss. 25.

*Kobrin V. B.* Materials genealogy princely and boyar aristocracy XV—XVI century. Moscow, 1995.

Kormovaya kniga of Kirillo-Belozersky monastery // *Zapiski Department of the Russian and Slavic archeology Imperial Archaeological society*. St. Petersburg, 1851. Vol. 1.

*Likhachev N. P.* Gosudarev rodoslovets and Barhatnaya kniga // *Izvestia the Russian genealogical society*. St. Petersburg, 1900. Iss. 1.

*Likhachev N. P.* The collection of the acts collected in archives and libraries. St. Petersburg, 1895. Iss. 1.

*Malov A. V.* Toropetskaya verstalny Desyatna the 114th (1605/06)—the 115th (1606/07) // «*Edinorog*» : Materials on military history of Eastern Europe eras of the Middle Ages and Early Modern times. Moscow, 2009. Iss. 1.

Mestnicheskiye Dela 1563—1605 / ed. N. P. Likhachev (a separate print from the VI volume of the Sbornik of Archaeological institute). St. Petersburg, 1894.

*Metz N. D.* The Yaroslavskie princes according to numismatical data // The Soviet archeology. 1960. Nr 3.

*Nazarov V. D.* About genealogical «myths» in a modern historiography // Archive of the Russian history. Moscow, 1992. Iss. 1.

*Nazarov V. D.* About structure «Gosudarev' Dvor» in the middle of the XVI century // Society and the state of feudal Russia. Moscow, 1975.

*Nazarov V. D.* Romodanovskiy's princes during an era of formation of the Russian centralized state // The Gosudarev dvor in the history of Russia the XV—XVII centuries. Vladimir, 2006. P. 32—84.

*Nazarov V. D.* Sluzhilye princes of Northeast Russia in the XV century // Russkii Diplomatarii. Moscow, 1999. Iss. 5.

*Nazarov V. D.* Svadebnyia dela of the XVI century // Voprosy of history. 1976. Nr 10.

*Nikolaeva S. V.* Troitse-Sergiyev the monastery in XVI—the beginning of the XVIII century. Sergiev Posad, 2009.

*Nikolaeva T. V.* New inscriptions on stone plates of the XV—XVII centuries from Troitse-Sergiyevsky monastery // Numismatics and an Epigrafik. Moscow, 1966. Vol. 6.

Novgorodskie pistsovyie knigi. St. Petersburg, 1859. Vol. 1; 1862. Vol. 2; 1886. Vol. 4; 1905. Vol. 5.

Pamyatniki of the history of the Russian sluzhilye sosloviya / ed. A. V. Antonov. Moscow, 2011.

*Pashkova T. I.* «Mestnoe upravlenie» in the Russian state of the first half of the XVI century. Moscow, 2000.

Perepisnyia knigi of the Vologda monasteries XVI—XVIII of centuries : research and texts. Vologda, 2011.

Pistsovy knigi of the Moscow state. Published by Imperial Russian geographical society. Pistsovy knigi of the XVI century / ed. N. V. Kalachev. St. Petersburg, 1877. Pt. 1. Dep. 2.

Pistsovy knigi of the Novgorod' zemli / ed. K. V. Baranov. Moscow, 2004. Vol. 4; 2004. Vol. 5.

Pistsovy knigig of the Kazan of 1565—68 and 1646 // Materials on stories of the people of the USSR. Leningrad, 1932. Iss. 2.

Pistsovy materials of the Tver' uezda of the XVI century / ed. A. V. Antonov. Moscow, 2005.

Pistsovy materials of the Yaroslavl' yezda of the XVI century : Pomastnaya zemli / ed. V. Y. Belikov, S. S. Yermolaev. St. Petersburg, 2000.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 13 : Nikonovskaya letopis. Moscow, 2000.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 19 : History about the Kazan Carstve (The Kazan letopisee). Moscow, 2000.

Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 8 : Voskresensky letopis. Moscow, 2001.

Posluzhnoi spisok starinnykh boiar i dvoretskikh, okol'nichikh i nekotorykh drugikh pridvomykh chinov s 6970 po 7184 (toest s 1462 po 1676) god... // Drevniaia rossiiskaia vivliofika published by Nikolay Novikov. 2nd ed. Moscow, 1791. Pt. 20.

Razriadnaia kniga 1475—1598. Moscow, 1966.

Razriadnaia kniga 1475—1605. Moscow, 1977. Vol. 1, 2.

Rodoslovnaia kniga kniazei i dvorian rossiiskikh... : 2 vols. Moscow, 1787.

Rodoslovnaia kniga of the prince M. A. Obolensky // Pamiatniki history of the Russian sluzhily soslovii / ed. A. V. Antonov. Moscow, 2011.

Rodoslovnaia kniga//Russkie letopisi. Vol. 7 : Ermolinsky letopis. Ryazan, 2000.

Russkaia istoricheskaia biblioteka. St. Petersburg, 1914. Vol. 31.

Russkii biograficheskii slovar. St. Petersburg, 1901. Vol. 21.

Russkii diplomaty. Moscow, 1998. Iss. 4.

Russkii diplomaty. Moscow, 1999. Iss. 5.

Russkii diplomaty. Moscow, 2004. Iss. 10.

Russkii istoricheskii sbornik of M. P. Pogodina. Moscow, 1838. Vol. 2.

*Sadikov P. A.* Iz istorii of oprichnina of the XVI century // Istoricheskii archive. Moscow, 1940. Vol. 3.

*Sergeev A. V.* The experience of the Dvorovaja Tetrad text studying on the example of the Yaroslavskie princes list // Archives and history the Russian gosudarstvennsti. St. Petersburg, 2013. Iss. 4. P. 36—40.

*Sergeev A. V.* The Shehonskie Princes and Dvorovaja Tetrad: to clarification of composition of list of princes Yaroslavskikh in the Dvorovaja Tetrad // Vestnik the St. Petersburg university. Series 2. History, 2014. Iss. 1. P. 142—150.

*Shaposhnikov N. V.* «Heraldica» : istoricheskii sbornik. St. Petersburg, 1900. Vol. 1.

Short historical description of the Moscow stavropigialny first-class Novospassky monastery. Moscow, 1802.

*Shumakov S. A.* Obzor «Gramot Kollegii of Economy». Moscow, 1912. Iss. 3; 1917. Iss. 4; 2000. Iss. 5.

*Shumakov S. A.* Sotnitsa (1537—1597), gramoty and zapisi (1561—1696). Moscow, 1902. Iss. 1.

*Shumakov S. A.* Uglichskiye acts (1400—1749). Moscow, 1899.

*Skrynnikov R. G.* Tsarstvo terrora. St. Petersburg, 1992.

*Smirnov I. I.* Ocherki of political history of the Russian 30—the 50th of the XVI century. Moscow ; Leningrad, 1958.

*Smirnov M. I.* Pereslavl-Zalessky : Historical Ocherki of 1934 : 2 pt. Pereslavl-Zalessky, 2005. Pt. 1.



- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov. Moscow, 1813. Pt. 1.
- Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov. Moscow, 1819. Pt. 2.
- Soloviev S. M.* Sochinenia : in 18 kn. Kn. 3, vol. 5—6 : History of Russia since the most ancient times. Moscow, 1993.
- State drevlekhranilishche charters and manuscripts : Inventory of documentary materials of fund Nr 135 / ed. V. N. Shumilov. Moscow, 1971.
- Suzdal Spaso-Efimiyev's acts of the monastery of 1506—1608 / ed. S. N. Kisterev, L. A. Timoshina. Moscow, 1998.
- Svadby // Drevniaia rossiiskaia vivliofika published by Nikolay Novikov. 2nd ed. Moscow, 1790. Pt. 13.
- Tatishchev V. N.* History Russian : [in 3 vols.]. Moscow, 2005. Vol. 3.
- The Deal about mestnichestvo I. V. Blagovo with Prince I. F. Shahovskim and S. L. Hruschovym (1627—1628) // *Blagovo N. V.* Six centuries kind Blagovo. St. Petersburg : VIRD, 2007. P. 123—136.
- Tikhomirov M. N.* Works on stories of Moscow (Medieval Moscow). Moscow, 2003.
- Titov A. A.* Rukopisi slavyanskiya and russkiya, prinadlezhashchiya I. A. Vakhrameev. Moscow, 1906. Iss. 5.
- Tsepkov A. I.* Svod pismennykh istochnikov po istorii Ryazany edge of the XIV—XVII centuries. Vol. 1 : Knyazhy and carskie gramoty. Ryazan, 2005.
- Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad piatidesiatykh godov XVI veka / ed. A. A. Zimin. Moscow ; Leningrad, 1950.
- Vakhrameev I. A.* Historical acts of the Yaroslavl's Spassky monastery. Moscow, 1896. Vol. 1—3.
- Veliky Novgorod in the second half of the XVI century : Collection Documents / ed. K. V. Baranov. St. Petersburg, 2001.
- Veselovskii S. B.* Issledovaniia po istorii klassa stuzhitykh zemkvladeltsev. Moscow, 1969.
- Veselovskii S. B.* Issledovaniia po istorii oprichniny. Moscow, 1963.
- Vkladnaia kniga Iosifovo Volokolamskago of the monastery of the XVI century // *Titov A. A.* Manuscripts slavyanskiya and russkiya, prinadlezhashchiya to I. A. Vakhrameev. Moscow, 1906. Iss. 5.
- Vkladnaia kniga Troitse-Sergiyeva of the monastery / ed. B. A. Rybakov. Moscow, 1987.
- Zimin A. A.* Sostav Boyarskoy Duma in the XV—XVI centuries // The Arkheografichesky ezhegodnik for 1957. Moscow, 1958.
- Zimin A. A.* Formation of the princes's boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV—first third of the XVI century. Moscow, 1988.
- Zimin A. A.* Knyazheskaya the nobility and formation of structure of the Boyarskoy Duma in the second half of XV—the first third of the XVI century // Istoricheskie zapiski. Moscow, 1979. Vol. 103.
- Zimin A. A.* The Suzdal and Rostov princes in the second half of the XV first third of the XVI century // Vspomogatelnye istoricheshie distsipliny. Leningrad, 1976. Vol. 7. P. 56—69.

---

*А. А. СЕЛИН, Ю. Б. ФОМИНА*

**АРХИВ ПОСОЛЬСКОГО СТОЛА  
НОВГОРОДСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ПАЛАТЫ XVII в.:  
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ  
И ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ<sup>1</sup>**

Фонд «Порубежные акты»<sup>2</sup> включает в себя делопроизводство Посольского стола Новгородской приказной палаты XVII в., который был образован, вероятно, вскоре после возвращения Великого Новгорода под власть московских царей в марте 1617 г.<sup>3</sup> В ведении Посольского стола были дела, связанные с пропуском через границу дипломатических миссий, — встречи, размещения, отправка далее в Москву (или, напротив, к границе), по этим вопросам велась переписка с Посольским приказом в Москве. Также в его ведение входили сыск перебежчиков из-за шведской

---

<sup>1</sup> В данной научной работе использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2013—2014 гг.

<sup>2</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 109 (Посольский стол Новгородской приказной палаты («Порубежные акты»)).

<sup>3</sup> Фонд Новгородской приказной палаты хранится (частично) в РГАДА, ф. 1144 (см.: Центральный государственный архив древних актов : путеводитель : в 2 ч. М., 1947. Ч. 2. С. 26) и в Архиве СПбИИ (частично) в составе Коллекции актовых книг — колл. 2; Коллекции рукописных книг — колл. 115; Коллекции Новгородских актов — колл. 183; Коллекции Н. П. Лихачева — колл. 238; II, № 75; Коллекции С. В. Соловьева — колл. 124 (см.: Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М. ; Л., 1958. С. 68—70).

границы и организация их возврата в Шведское королевство, вопрос о репатриации русских перебежчиков, выданных Швецией. Именно Посольский стол в 1629—1630 гг. отвечал за закрытие границы со Швецией в связи с известиями о распространившейся в Шведском королевстве эпидемии и вел по этому поводу переписку с головами выставленных вдоль границы застав. В годы Смоленской войны Посольский стол занимался приемом наемных военных, приезжавших в Российское государство через шведские владения (встречей, наймом, присягой, обустройством, отправкой в глубь страны), а также закупкой амуниции в странах Европы, также ведшейся через Швецию. Следует отметить, что в ведение Посольского стола входили только дела компетенции новгородских воевод, «великие дела» решались руководителями Посольского приказа непосредственно через своих представителей — послов, посланников, гонцов.

В архиве Посольского стола таким образом сохранились материалы переписки с штатгальтерами (наместниками) и губернаторами приграничных шведских городов — Нарвы, Нотебурга, Кексгольма, Риги (черновые отпуски грамот новгородских властей и сделанные в Новгороде переводы ответных грамот), переписка с псковскими и новоторжскими воеводами; также черновые отпуски памятей и грамот из Новгорода и подлинные отписки воевод соседних городов. Важнейшее место среди документов Посольского стола занимает переписка с Посольским приказом — подлинные грамоты (от царского имени), присылавшиеся из Москвы, и черновые отпуски отписок в Москву. Среди документов также переписка новгородских воевод с посольствами, двигавшимися мимо Новгорода к Москве и из Москвы, с сыщиками и дозорщиками, отправленными на поиск перебежчиков, с заставными головами, закрывавшими границу по указанию воевод. Представлено крайне небольшое количество хранившихся в Новгороде копий с межевых грамот и записей XVI в. Кроме того, к грамотам новгородских властей и их многочисленных корреспондентов часто приложены поименные росписи дипломатических миссий и служилых людей, посылаемых на заставы, кормовые росписи посольств, расспросные речи перебежчиков и репатриантов.

Среди документов, сохранившихся в фонде «Порубежные акты», — обыски в Водской и Шелонской пятинах о перебежчиках на московскую сторону в 1620-х гг. (часто единственным грамотным человеком в погосте, при отсутствии дьячка и священника, оказывался помещик<sup>4</sup>), документы об установлении застав на русско-шведской границе, списки украденного перебежчиками на шведскую сторону имущества. Большинство лиц,

---

<sup>4</sup> К примеру, в марте 1623 г. в Кривинской волости таким грамотным был Максим Степанов сын Кузьминский (Поручная запись крестьян Матвея Муравьева о сысканных в Кривинской волости перебежчиках. 1623. 8.03 // Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 18).

упомянутых в документах фонда, начали свою службу в Новгороде еще в 1611—1617 гг. Кроме прочего, удалось выявить информацию о том, как после подписания Столбовского мира весной 1617 г. осуществлялась присяга новгородцев — и горожан, и сельских жителей — новому царю Михаилу Федоровичу. Примечательно, что в материалах Посольского стола отложились только документы, касающиеся репатриации пленных в Шведское королевство. По Поляновскому договору 1635 г. пленных из Речи Посполитой, желавших вернуться на родину, московские власти также обязывались отпускать, но этих документов в материалах Посольского стола не сохранилось. Однако они есть в другой коллекции Архива СПбИИ РАН — колл. 183<sup>5</sup>. То же касается и мероприятий по закрытию границ в связи с эпидемией: переписка новгородских властей с заставными головами в связи с перекрытием внутренних дорог из-за угрозы эпидемии в 1662 г. также велась не Посольским столом, а каким-то другим учреждением; материалы ее также отложились в колл. 183<sup>6</sup>.

Многие документы Посольского стола Новгородской приказной палаты корреспондируют с документами архива Посольского приказа (РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией)), где содержатся отпуски грамот (от царского имени) в Новгород и Псков и хранятся многие подлинные отписки от новгородских воевод, касающиеся сферы их компетенции.

В фонде 109 сохранилась малая часть документации Посольского стола Новгородской приказной палаты. Самые ранние подлинные документы относятся к 1617 г. Первый большой комплекс документов — 1620 г., это материалы переписки новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого с шведским фельдмаршалом Я. Делагарди. После 1623 г. в коллекции документов большая лакуна; сохранился комплекс документов 1629—1630 гг., связанных с закрытием границы и принятием противоэпидемиологических мер; большой и разнообразный комплекс документов 1633 г.; документы 1636 г., связанные с обменом перебежчиками, состоявшемся на Осиновой Горке и провалившемся на границе в Карелии. Группа документов относится к обмену дипломатическими миссиями в 1657—1660 гг. и возвращением в Швецию и в Московское государство лиц, перемещенных в ходе военных действий 1656—1657 гг. Самые последние по времени составления документы относятся к марту 1666 г. Они связаны с миссией секретаря Адольфа Эберса<sup>7</sup>.

---

<sup>5</sup> Архив СПбИИ РАН. Колл. 183. Оп. 1. Д. 68—70, 72—75, 77—79, 81—87, 89—144.

<sup>6</sup> Там же. Д. 171—222.

<sup>7</sup> Подробнее о миссии: *Форстен Г. В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII в. (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Февраль. С. 212—216.

Фонд «Порубежных актов» имеет свою историю. Бумаги попали в Петербург в XVIII в. В 1735 г. новгородский дворянин П. Н. Крекшин сообщил в Петербургскую академию наук о древних рукописях, найденных в стене «казармы» (?) в Новгороде<sup>8</sup>. Эти рукописи были доставлены в Санкт-Петербург в Герольдмейстерскую контору. Двадцать третьего декабря 1735 г. Правительствующий Сенат издал указ, в котором объявлено о поручении Герольдмейстерской конторе разобрать «прежних лет дела» с помощью «определенной от Академии наук персоны» для отбора и передачи документов в Академию наук. На основании этого указа президент Академии наук барон И. А. фон Корф 23 января 1736 г. приказал послать в Герольдмейстерскую контору профессора Г. З. Байера, студента И. А. Тауберта и копииста Тимофея Федорова, дав им соответствующие указания. По усмотрению профессора Байера отобранным документам следовало «учинить реестр» и отрапортовать об этом в академическую канцелярию<sup>9</sup>.

Г. З. Байер вместе с герольдмейстером П. Т. Квашниным-Самариным отобрали 43 дела для дальнейшей разборки. Затем они были привезены и приняты в Библиотеку Академии наук, о чем в мае того же года копиистом Т. Федоровым был подан рапорт, к которому был приложен реестр привезенных из Новгорода «старых лет дел». Он содержал краткое описание просмотренных и отобранных дел из всех, поступивших в Герольдмейстерскую контору из Новгорода<sup>10</sup>. В этом реестре значились разного рода книги (переписные, расходные, записные и др.), списки с выписей, документы о выдаче жалованья, о приеме послов, о моровом поветрии и «о различных делах». Датировано было менее половины документов, в случае плохого физического состояния рукописей сделаны пометы: «весьма имеется ветх», «истлев, без конца», «ветхое и которого году — познать не можно», «оное все сгнило и истлело, и изобразить невозможно»<sup>11</sup>.

В июне 1736 г. барон И. А. фон Корф указал А. И. Богданову «письма», привезенные из Новгорода и принятые в Академию наук, по приложенной росписи «разобрать и рассмотреть, в какой оне силе состоят» и какие из них «надлежащего к ведению касающагося до гистории». Восемнадцатого ноября того же года Богданов рапортовал в Академию наук о том, что им составлены «краткий экстракт» прочим «свиткам», «в какой оне силе

---

<sup>8</sup> Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1890. Т. 6. С. 374.

<sup>9</sup> Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 21—22.

<sup>10</sup> Из реестра видно, что они отобраны из большего количества дел, привезенных в Герольдмейстерскую контору из Новгорода, так как рукописи имеют не сплошную нумерацию, а дел было около 600 или более (последний указанный номер отобранного дела в реестре — 585).

<sup>11</sup> Материалы для истории ... Т. 3. С. 78—81.

имеются», и к нему приложен «особливый реестр», которые предлагаются «для рассуждения Академии наук»<sup>12</sup>.

Двадцатого ноября 1736 г. Академия наук определила, что указ Правительствующего Сената был выполнен и отобранные А. И. Богдановым дела, упомянутые им в экстракте, следует оставить, а остальные (по реестру) отослать в Герольдмейстерскую контору. Последнее не было выполнено. Еще почти целое десятилетие эти документы оставались в БАН, и в 1745 г. потребовалось дополнительное решение Сената для их возврата<sup>13</sup>. В неотобранных делах оказались большинство книг и другие документы («столпы», отписки, обыски, росписи, сказки и др.; всего 27 наименований из 43), многие из них были в удручающем состоянии («ветх, гнил», «за ветхостью познать не возможно»<sup>14</sup>) и «особливой курьезности никакой не находится»<sup>15</sup>.

Оставленным 16 рукописям было дано более подробное описание, большая часть которых позднее образовала фонд Посольского стола Новгородской приказной палаты («Порубежные акты»), ныне хранящийся в Архиве СПБНИИ РАН. В «Историческом очерке и обзоре фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» говорится, что все отобранные в XVIII в. А. И. Богдановым документы находятся в этом фонде<sup>16</sup>, но это не так. Если сравнить описание дел в «Экстракте из Новгородских писем» с содержанием фонда «Порубежные акты», то выяснится, что несколько рукописей не вошли в его состав<sup>17</sup>. Они могли быть утрачены, либо присоединены к другим фондам, так как не относились к «Порубежным актам», например их исключили при описании документов в начале XX в., а, возможно, и в более раннее время, либо оказались среди 14 дел, не поступивших из БАН в Историко-археографический институт АН СССР в 1931 г. в процессе перераспределения академических архивов. К сожалению, выяснить это пока не представляется возможным.

В XIX в. оказавшаяся в Академии наук коллекция востребована не была. Впервые к исследованию и, видимо, описанию фонда «Порубежные акты», хранящегося в то время в БАН, в начале XX в. обратился Н. В. Борсук. Историко-филологическое отделение Академии наук высоко оценивало значение готовившихся в 1907 г. к печати материалов: «чрезвычайно ценное

---

<sup>12</sup> Материалы для истории ... Т. 3. С. 245—246.

<sup>13</sup> Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1895. Т. 7. С. 744—745; История Библиотеки Академии наук СССР (1714—1764). М.; Л., 1964. С. 63.

<sup>14</sup> Материалы для истории ... Т. 3. С. 251—253.

<sup>15</sup> Там же. С. 256.

<sup>16</sup> Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век. М.; Л., 1956. С. 219.

<sup>17</sup> Рукописи под номерами 7, 21, 217, 292, 522, 579, 580.

собрание столбцов XVII в., касающееся порубежных дел со Швецией»<sup>18</sup>. Однако издание не было осуществлено. Н. В. Борсук осуществил классификацию документов<sup>19</sup>. В Архиве СПбИИ РАН в фонде 276 («Издательский фонд») хранятся подготовительные материалы ученого, из которых видно, что классификация была произведена не только и не столько хронологическая, сколько по отдельным темам: переговоры с губернаторами Ингерманландии об обмене перебежчиками, переписка с Посольским приказом по разным вопросам, переписка новгородских воевод с заставными головами<sup>20</sup>.

Историки лишь изредка проявляли интерес к «Порубежным актам» после передачи их в 1931 г. из БАН в Историко-археографический институт АН СССР. Например, в 1936—1937 гг. карточную опись фонда смотрел А. И. Васильев, заказав для изучения более десятка дел (по всей видимости, работая над темой переселения карел в Россию в XVII в.).

После возобновления деятельности ЛОИИ СССР АН СССР в 1956 г. и начавшейся подготовки к изданию «Путеводителя...» к фонду «Порубежные акты» вновь было проявлено внимание — существующая карточная опись, сделанная еще в начале XX в., была переведена без переработки в машинописную форму в 1957 г., и из нее сделана архивная опись, но по каким-то причинам работа не была доведена до конца — документы не систематизированы ни по хронологии, ни по темам. Возможно, это предполагалось сделать позднее, так как документы, по крайней мере с 30-х гг. XVIII в., находились в плохом состоянии и требовали скорейшего исправления ситуации. В 1961 г. была проведена сплошная реставрация и дезинфекция дел фонда. В 1962 г. фонд прошел проверку наличия и сохранности материалов. В акте проверки было зафиксировано 958 ед. хр.<sup>21</sup>, отмечены три из них, не относящиеся к «Порубежным актам», и обнаружен один пакет неописанных документов. В качестве недостатка научно-технической обработки фонда указано, что не выдержан хронологический порядок при описании документов.

В 1967—1968 гг. была предпринята попытка устранить замечания, сделанные в ходе проверки наличия и сохранности дел фонда: три дела перенесли в другой фонд<sup>22</sup>, заинвентаризировали и описали, хотя не очень подробно, три новых дела, сформированных из обнаруженного пакета

---

<sup>18</sup> Отчет о деятельности Императорской академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1907 год. СПб., 1907. С. 38.

<sup>19</sup> По сохранившимся материалам можно предположить, что была проделана работа по описанию документов: составлены заголовки, параллельно делались комментарии к документам.

<sup>20</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 207.

<sup>21</sup> В Путеводителе 1958 г. указано 955 ед. хр., очевидно, уже без тех трех дел, которые позднее были перенесены.

<sup>22</sup> Архив СПбИИ РАН. Колл. 27 (Важские акты). Д. 335—337.

с неразобранными документами, подготовлена историческая справка<sup>23</sup>. Неизвестно, планировалось ли систематизировать дела «Порубежных актов» по хронологии, но эта работа не была осуществлена.

В 1960-х гг., благодаря визиту Н. С. Хрущева в Швецию, налачился чрезвычайно конструктивный обмен специалистами между Швецией и СССР. Кроме взаимных визитов ученых обеих стран состоялся также обмен копиями архивных документов — в ЦГАДА<sup>24</sup> и Архив ЛОИИ поступили копии документов архива Новгородской приказной палаты, а в шведский Государственный архив — копии документов фонда 96 ЦГАДА — «Сношения России со Швецией». Часть документов фонда 109 была опубликована в сборнике «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.»<sup>25</sup>.

Обзор фонда 109 «Порубежные акты», написанный В. А. Петровым для «Путеводителя...», изданного в 1958 г., очень подробен и точно отражает состав входящих в него документов<sup>26</sup>. Кроме того, в том же 1958 г. была опубликована статья Э. Д. Рухмановой и Ю. В. Курскова, где среди других коллекций документов о русско-шведских отношениях был упомянут и фонд «Порубежные акты»<sup>27</sup>. По большому счету, статья Э. Д. Рухмановой и Ю. В. Курскова, содержащая практически в каждом случае неверные отсылки к номерам дел коллекции, не являлась описанием; впрочем, видимо, именно в середине 1950-х гг. коллекция оказалась впервые востребована учеными. В рецензии на первые четыре выпуска «Скандинавского сборника» И. П. Шаскольский очень жестко оценил низкое качество описания фонда Э. Д. Рухмановой и Ю. В. Курсковым: он указал и на многочисленные ошибки в цитировании номеров дел, и на неумение охарактеризовать сам фонд (авторы лишь перечисляли наиболее яркие материалы). Сам И. П. Шаскольский явно работал с документами фонда, знал его состав<sup>28</sup>.

---

<sup>23</sup> Разбор и описание этих документов было выполнено Р. И. Козинцевой (1906—1985), ею же составлена историческая справка.

<sup>24</sup> Ныне хранятся не в РГАДА, а в ГА РФ.

<sup>25</sup> Русско-шведские экономические отношения : сб. документов / отв. ред. М. Л. Вяткин, И. Н. Фирсов ; сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М. ; Л., 1960. Номера документов сборника: 31, 32, 50, 51, 53, 54, 131, 132 соответственно по: Ф. 109. Оп. 1. № 463, 499, 398, 685, 383, 350, 275, 318.

<sup>26</sup> Путеводитель ... С. 70—72.

<sup>27</sup> Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В. Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 257—269.

<sup>28</sup> Шаскольский И. П. Рец.: «Скандинавский сборник». Под общей редакцией В. В. Похлебкина и Л. К. Роотс. Эстонское государственное издательство. Таллин. Вып. I. 1956. 265 стр.; вып. II. 1957. 333 стр.; вып. III. 1958. 356 стр.; вып. IV. 1959. 288 стр. Резюме на эстонском языке и одном из скандинавских языков // Вопросы истории. 1959. № 12.



В середине марта 1964 г. с документами фонда работал приехавший на несколько дней из Пензы В. А. Фигаровский. Им были просмотрены наиболее ранние, согласно существовавшему тогда описанию, материалы, в том числе жалованная грамота царя Михаила Федоровича гостю Ивану Харламову<sup>29</sup>. Думаем, что целью В. А. Фигаровского было изучение Новгорода в первые годы после Смуты — это было бы продолжением начатых им в предвоенное время исследований, получивших резкую оценку в работах Г. А. Замятина. Однако последовавшая вскоре смерть ученого оборвала это начинание. Можно сказать, что после всплеска интереса к русско-шведским связям XVII в. в 1960-е гг. к материалам фонда почти не обращались, вплоть до 1990-х гг.

С 1994 г. фонд 109 исследует А. А. Селин, подготовивший ряд документов к печати<sup>30</sup> и использовавший документы фонда в написании двух своих монографий<sup>31</sup>. С начала 2000-х гг. на материалах фонда была построена кандидатская диссертация А. И. Чепеля<sup>32</sup>.

В последние годы авторами этих строк была проведена работа по дополнительному описанию документов фонда Посольского стола Новгородской приказной палаты («Порубежные акты») — разобраны и описаны последние три дела (№ 968—970 по старой описи), редактированы заголовки (установлены или уточнены даты, имена, географические названия, содержание дел), систематизированы дела по хронологии происходивших событий. Мы полагаем, что дальнейшее исследование этих документов может идти по пути поиска соответствий отпусков, сохранившихся в фонде 96 РГАДА и подлинных отписок новгородских властей из фонда

---

<sup>29</sup> Царская грамота (из Посольского приказа) новгородскому воеводе кн. Д. И. Мезецкому, дьякам Михаилу Милославскому и Добрыне Семенову с указаниями о дальнейших переговорах со шведскими наместниками о размене перебежчиками. 1623. 10.02 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 325); Лист наместника Кексгольма Генриха Монсона Споры новгородскому воеводе кн. Д. И. Мезецкому с предложением договориться о дне размена перебежчиками. Перевод. 1623. 6.01 (Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 229); Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Ивану Харламову о разрешении ему вернуться из Кольвани в Московское государство. Два списка. 1617, сентября (Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 665).

<sup>30</sup> Селин А. А.: 1) Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 29—36; 2) Ладожские торговые люди Немковы и Гиблые // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVIII вв.: сб. материалов науч. конф. СПб., 2001. С. 40—45.

<sup>31</sup> Селин А. А.: 1) Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв.: Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; 2) Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: БЛИЦ, 2008.

<sup>32</sup> Чепель А. И. Проблемы шведско-русского приграничья и пограничная политика Швеции в 1617—1661 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

«Порубежные акты» и, соответственно наоборот. Таким образом реконструкция архива Посольского стола Новгородской приказной палаты XVII в. станет более полной. В приложении к настоящей статье мы публикуем документы, характеризующие тот материал, который хранится в Архиве, и указывающие на возможности, которые открываются при его использовании для реконструкции истории русско-шведского пограничья XVII в.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

*1630 января 2 — Память новгородского воеводы кн. Д. М. Пожарского голове Тигодской заставы А. И. Путилову по его прежней отписке с разрешением отпустить в Новгород тело умершего сына Ивана Секирина Саввы*

Лета 7138-го генваря в 2 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Ондрею Ивановичю Путилову. Декабря в 29 день писал ты в Великий Новгород к боярину и воеводам: ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому, да к Моисею Федоровичю Глебову, да к дьяком к Григорью Волкову, да к Рахманину Волдыреву о вестех Макаръевы пустыни слуш(ки) Гаврилка Васильева за т(о) ж [...] что по наказной памяти п(осылал ты Лаза)ря Арцыбашева, да стре(льца Офонку) Дуранду в Грузинской погост (в Кере)скую, да в Водоскую<sup>а</sup> волость<sup>а</sup>, да в(ладычную) <sup>а</sup>вотчину<sup>а</sup> в Черницк<sup>б</sup> для люде(й да для) подвод на заставы. И Грузинского погоста и Кереские и Водоские и Черницкие волост(и) митрополичи и помещицкие крестьян(не) на заставу людей и подвод на розгон не дал(и) и ты б по прежним и по сей памяти на заставах велел стояти с великим береженьем, где тебе в которых местех стояти указано и сам бы застав назирал // *Сст. 2* // почасту, чтоб однолично из-за рубежа большими дорогами и малым(и) лесными стежками в государеву сторону никто не прошел и тайно не прокрался, а за рубеж бы тебе для проводыванья морового поветрея<sup>в</sup> посылать тутошних самых лутчих крестьян, кому б мочно было верить и ково б столько стало, и велети проводывати накрепко: в Ругодиве и в Ыванегороде моровое поветрее ужли потишело (и б)удет потишело и сколь давно и [...] и иванегородцкой держав(е)ц [...] по городом съехалися ли, и за(ставы, ко)торые у них учинены были, [...] сведены ли, и будет сведены (сколь) давно<sup>г</sup> и из Ыванягорода в Ругодив и из Ругодива в Ывангород всякие люди меж собою сходятца л(и) и Ореховского уезда с крестьяны съезжаютца ли<sup>д</sup>, и нет ли где в иных в котор(ых) в неметцких городех морового поветрея, и бу(де) есть и сколь далеко от государева рубежа, да что у тебя о том о всем подлинных вестей объявитца и ты отписал <sup>а</sup>-те вести<sup>а</sup> в Великий Новгород с нарочными гонцы почасту, // *Сст. 3* // чтоб о том розведати

подлинно, а на заставы людей и подводы имати<sup>с</sup> тебе<sup>ж</sup> у крестьян, котор(ые живут к Тиго)цкой заставе блиско верстах (в десяти) и в пятина-тцати<sup>а</sup> и в дватца(ти)<sup>а</sup> а в дал(ьние деревни) верст<sup>з</sup> за тридцать<sup>з</sup> и за сорок<sup>н</sup> крестьян и<sup>к</sup> по(двод) на заставы не<sup>л</sup> имати<sup>л</sup>, чтоб в том крестьяном [...] волоките и в проести шкот (и) убытков не было. А што ты пис(ал) по челобитью Ивана Секерина (сына) его Савы в огневой болезни в животе не стало<sup>м</sup> <sup>а</sup>-а по обеща(ни)ю [...] хотел тело его<sup>а</sup> свести в Великий Нов-город и погresti в Онтоньеве монастыре и ту его челобитную прислал в Велик(ий) Новгород и будет Иванов сын Се(керина) Сава умер огневою болезнью, а н(е ...) <sup>н</sup>-ною язвою<sup>н</sup> и ты б тело его<sup>о</sup> в Онт(оньев) монастырь отпустить велел. //

*На обороте сст. 3: Вестовой 138-го году.*

<sup>а-а</sup> *приписано поверх строки.* <sup>б</sup> *зачеркнуто:* ую волость. <sup>в</sup> *зачеркнуто:* и ужли потишело. <sup>г</sup> *зачеркнуто:* и руские люди меж собою. <sup>д</sup> *зачеркнуто:* и мне. <sup>е</sup> *зачеркнуто:* б. <sup>ж</sup> *зачеркнуто:* ту(то)шних ближних. <sup>з-з</sup> *написано поверх зачеркнутого:* за дватцать и за тр(и)ц(ать). <sup>н</sup> *зачеркнуто:* по. <sup>к</sup> *зачеркнуто:* для. <sup>л-л</sup> *написано поверх зачеркнутого:* посылал и их (...) не велел. <sup>м</sup> *зачеркнуто:* и государь бы его п(ожаловал), а его велел тело сына его. <sup>н-н</sup> *написано поверх зачеркн.:* звою. <sup>о</sup> *зачеркнуто:* в Но.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 475. Черновой отпуск.*

*1630 января 4 — Отписка головы Сумерской заставы И. И. Шипилова новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому о поимке на заставе в д. Корино гулящего человека Ивашка Москвитина и посылке его в Новгород*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводам: князю Дми(трию) Михайловичю, Моисею Федоровичю и дьяком Григорью Михайловичю, Рахманину Митрофановичю Ивашко Шипилов челом бьет. В Сомерс(кой) волости на заставах в деревни в Корине приш(е)л Сумерской волости крестьянин Ивашко Никитин Салпак изо псковского при(города Гдова), а сказал, что де во Гдове пор[...] кликал, что де псковски [...] на дороге дву спыней и тех д(е шпыней) привели во Псков и те де шпы(ни в допросе) были, а сказали, что де мы из Литвы п[...] лазучим, а третьей де наш товарищ (де) пошел в Сомерскую волость и тот (де) пришел на заставу в Старопольскую сотню в деревню в Корино и стрельцы, которые был(и на) заставе тово шпыня изымали и ко мне привели, и он мне сказал, што де я, Ивашко Иванов Москвитин, и я тово Ивашка шпыня послал к тебе, государеву боярину и воев(о)дам и к дьяком в Великий Новгород с навгоро(д)ским стрельцом с Пентелейком Давыдовы(м) генваря в 4 день. //

*На обороте:* Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводам князю Дмитрею Михайловичю, Моисею Федоровичю, Григорью Михайловичю, Рохманину (Митрофановичю)

138-го генваря в 9 день с стрельцом с Пентешко Давыдовым. <sup>а</sup>Рос-просити<sup>а</sup>

<sup>а-а</sup> *приписано другим почерком вверх.*

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 483. Подлинник.*

1630 января 9 — *Распросные речи в Новгородской съезжей избе пойманного в Сумерской волости гулящего человека Ивашка Москвитина*

138-го генваря в 9 день.

Ивашко Иванов, <sup>а</sup>прозвище Москвитин<sup>а</sup> сказался: родился (в) Ярославском уезде от Ярославл(я с [...] вер)сты в Яковлевском селе [...] нищои ж человек и <sup>б</sup>повез<sup>б</sup> де его малов(о) [...]лу<sup>в</sup> и едучи де от(дал) проезжему человеку имени ег(о не ведаю) и тот де человек привез его к (себе) [...] и отпустил от себя и он де [...] Кулишки и ево де взял к себе [...] Фетька Давыдов сын Можа[...] при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси. И он де <sup>г</sup>приставал<sup>г</sup> у него и по ся место [...]ухо)дя от него кормился Христовым именем по деревням да и опять к нему приход(и)л. И в прошлом де в 137-м году на другой неделе после Велика дни с Москвы пошел к Новугороду <sup>а</sup>с образом<sup>а</sup> один, а шел небольшою дорогою по деревням стороною кормился Христовым именем, а в Новгород пришел на Троицкой недели, и побыл в богаделни день с пять и в тамошне был только не записался, а из Новагорода пошел с нищим же человеком з до[...]нилком ко Пскову на Порхов, в во Псков пришли в Петров пост и побыл<sup>д</sup> // *Ст. 2* // в богаделне недель з десять да у нищего у Фетьки Чичора побыл недель с пять<sup>е</sup>. И ходил в Печеры об (Ы)ване дни, а в другой ряд о Покрове Пресветой Богородицы. А изо Пскова де п(ошли) к Новугороду Филипо(вым заговеньем), говев неделю спустя [...] Посолотинского монастыр(я [...] Ни)кифором, а с Посолотинско(го монастыря пошел) один в Лятцкой погост (а от Ляцкого) погоста по деревням к Сомерск(ой волости) и в деревни де в Корине взял(и его), а на Москве де знают его [...]ко Кривой, да Омелька Безрукой [...]щеселец, да Микитка Д(...)шка, да Лазарко Михайлов [...]

*Помечено:* Отдан Сорокину.

<sup>а-а</sup> *приписано поверх строки.* <sup>б-б</sup> *исправлено из: свез.* <sup>в</sup> *зачеркнуто:* к Москве и отдав. <sup>г-г</sup> *написано поверх зачеркнутого:* жил. <sup>д</sup> *зачеркнуто:* в бого. <sup>е</sup> *зачеркнуто:* а изо Пскова.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 484. Подлинник.*

1636 марта — *Роспись крестьян Эверта Круга и Христофора фон Ягова, перебежавших в Московское государство*

Эверст Лутнан, Христофор Яго крестьяне ево беглые на Русь.

Тимошко Тимофеев з женою

2

Федорко Васильев з женою 4 робят	6
<sup>a</sup> Збежал в Тесовской круг в Бутково, а дочь ево дана замуж на Лысово за Луч- кина сына <sup>a</sup>	
<sup>b</sup> Ондрейко Демидов з женою 4 детей	4
Данилко (В)асильев з женою 3 робят	5
<sup>a</sup> Збежал <sup>b</sup> живет в Луске на погосте за Богданом Тырковым <sup>b</sup> Свел лошадь, корову <sup>a</sup>	
Мелешка з женою 4 робят	6
<sup>a</sup> Збежал за Буторлина в деревню на Лугу, свел лошадь, корову <sup>a</sup>	
Петерко финской крестьянин з женою да сыном	3
<sup>a</sup> Збежал за боярыню вдову Буторлиных в деревню Рушино, да украл боярскую лошадь. Свел лошадь и корову <sup>a</sup>	
Ефимко Онтоньев з женою да сын	3
<sup>a</sup> Збежал за Буторлина в деревню на Лугу, укратчи две(х) боярских лошадей. Свели 3 лошади, 3 коровы <sup>a</sup>	
И всего 7 человек крестьян голов 3 лошади 3 коровы	29

Кристер Петрипойка, збежал было на Русь, да оттоль пришел назад от боярина от Матвея Савина и отнял у тово крестьянина лошедце на пол-4 рубли русских, узда полтина да отняли у него плащ серебряной, цена рубль рускими денгами.

<sup>a-a</sup> *пометы против имен.* <sup>b</sup> *помета на левом поле:* Всем 633-й год.  
<sup>b-b</sup> *написано по верх зачеркн.:* на Мокрицы з о(...) Григорья Хомутова.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 771. Подлинник.*

*1636 апреля 7 — Расспросные речи подьячего Богдана Воломского о переговорах на Осиновой Горке*

144-го апреля в 7 день в съезжей избе боярину и воеводе князю Петру Александровичю Репнину да дяку Богдану Обобурову подьячей Богданко Воломской подал писмо своею рукою, а в писме пишет:

Апреля в 2 день <sup>a</sup>на рубеже на Осиновой Горке<sup>a</sup> после перебещецкие отдачи говорил в розговоре пьян русской сын боярской, которой живет в свеской стороне, Мурат Пересветов: жаль де мне Росийского государства и Новагорода и своего поместья, что стало блиско дороги и от неметцких от ратных людей проходу будет пусто.

И против того подьячей Богданко Воломской говорил: чево ты жалеешь о Росейском государстве и о Новеороде и о своем поместье, великий

государь наш, царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец, велможные государыни вашей свейские ее величества в мирно постановении, и ничево ни от ково не чяят.

И Мурат Пересветов сказал: ныне де с цысарем у свейских думных бояр взято перемирие, а на заставе от цысаря поставлено свейских // *Сст. 2* // ратных людей 50000, да в Ливонской земли стоит свейских и наемных ратных людей 20000, а у свейских де у думных бояр на раде приговорено: будет де з государевы стороны по росписем перебешиков отдадут всех, и на государеву сторону потому ж всех отдать, а будет з государевы стороны перебешиков не отдадут или отдадут, а не всех, и тем людем, которые стоят в Ливонской земли, идти подо Псков да под Ладогу, да в Новгородские места, а <sup>а</sup>-дорога лежит<sup>-а</sup> мимо его поместья<sup>б</sup>.

А что ныне отдали з государевы стороны в свейскую сторону перебешиков, то и отпуская веда, что де оне жили на Русе долгое время, и которые <sup>а</sup>перебешики<sup>-а</sup> здесь, в Свейской стороне, неведомы были, и ныне и тех всех скажут, где хто живет. Писал подъячей Богдашко Воломской.

<sup>а-а</sup> *приписано поверх строки.* <sup>б</sup> *зачеркнуто: дорога.*

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 613. Подлинник.*

## РЕЗЮМЕ

Статья описывает состав и архивную судьбу фонда «Порубежные акты», хранящегося в Архиве СПбИИ РАН и являющегося остатками архива Посольского стола Новгородской приказной палаты XVII в. В фонде содержатся документы, связанные с движением через границу дипломатических миссий, с установлением охраняемой границы в 1629—1630-х гг., с наймом на московскую службу иноземных военных в 1630-х гг., с переговорами о репатриации пленных и перебежчиков. В XVIII в. архив был выявлен, поступил в Петербургскую академию наук, но позже на столетие забыт и только в начале XX в. востребован учеными.

## SUMMARY

The article describe the amount and the archive fate of «Porubezhbye Acty» collection in the Research Archives in St. Petersburg Institute for History. The collection is the remains of the archives of the Ambassador Department, Novgorod Goverbor's Chamber, 17th century. The collection includes documents connected with the bordercrossing of 17th century embassies, with making the guarded borderline in 1629—1630, with foreign military recruiting in 1630s, with the conversations on the repatriation of prisoners and deserters. In 18th century the archives was discovered and taken to the Academy of Sciences but then it was forgotten and rediscovered only in 20th century.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Порубежные акты, русско-шведская граница XVII в., перебежчики, приграничье.

## KEY WORDS

Borderland acts, Russian-Swedish Borderline in 17th century, deserters, borderland.

## БИБЛИОГРАФИЯ

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1 : XVIII век. М. ; Л., 1956.

История Библиотеки Академии наук СССР (1714—1764). М. ; Л., 1964.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.

Т. 3. 1886.

Т. 6. 1890.

Т. 7. 1895.

Отчет о деятельности Императорской академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1907 г. СПб., 1907.

Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М. : Л., 1958.

Русско-шведские экономические отношения : сб. документов / отв. ред. М. Л. Вяткин, И. Н. Фирсов ; сост. М. Б. Давыдова, И. П. Шаскольский, А. И. Юхт. М. ; Л., 1960.

*Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В.* Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Вып. 3. С. 257—269.

*Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб. : БЛИЦ, 2008.

*Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв. : Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.

*Селин А. А.* Ладужские торговые люди Немковы и Гиблые // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVIII вв. : сб. материалов науч. конф. СПб., 2001. С. 40—45.

*Селин А. А.* Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладужский сборник. СПб. ; Старая Ладога, 2000. Вып. 3. С. 29—36.

*Форстен Г. В.* Сношения России и Швеции во второй половине XVII в. (1648—1700) // ЖМНП. 1898. Февраль. С. 212—216.

*Чепель А. И.* Проблемы шведско-русского приграничья и пограничная политика Швеции в 1617—1661 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

*Шаскольский И. П.* Рец.: «Скандинавский сборник». Под общей редакцией В. В. Похлебкина и Л. К. Роотс. Эстонское государственное издательство. Таллин. Вып. I. 1956. 265 стр.; вып. II. 1957. 333 стр.; вып. III. 1958. 356 стр.; вып. IV. 1959. 288 стр. Резюме на эстонском языке и одном из скандинавских языков // Вопросы истории. 1959. № 12.

## REFERENCES

Istoricheskiy ocherk i obzor fondov Rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk. Iss. 1 : XVIII vek [= Historical Essay and review of collections in Manuscript Department of Russian Academy of Sciences Library]. Moscow ; Leningrad, 1956.

Istoriya Biblioteki Akademii Nauk SSSR (1714—1764) [= History of USSR Academy of Sciences Library (1714—1764)]. Moscow ; Leningrad, 1964.

Materialyi dlya istorii imperatorskoy Akademii nauk [= Materials for history of Emperor's Academy of Sciences]. St. Petersburg.

Vol. 3. 1886.

Vol. 6. 1890.

Vol. 7. 1895.

Otchet o deyatelnosti imperatorskoy Akademii Nauk po fiziko-matematicheskomu i istoriko-filologicheskomu otdeleniyam za 1907 g. [= Report on the activities of Emperor's Academy of Sciences, Physical-Mathematics and Historical-Philological Departments, 1907]. St. Petersburg, 1907.

Putevoditel po arhivu Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii [Explorer on the Archives of Leningrad Department, Institute for History]. Moscow ; Leningrad, 1958.

Russko-shvedskie ekonomicheskie otnosheniya : sb. dokumentov / otv. red. M. L. Vyatkin, I. N. Firsov ; sostav. M. B. Davydova, I. P. Shaskolskiy, A. I. Yuht [= Russian-Swedish Economical relations : Collection of Records / ed. by M. L. Vyatkin, I. N. Firsov ; sostav. M. B. Davydova, I. P. Shaskolskiy, A. I. Yuht]. Moscow ; Leningrad, 1960.

*Ruhmanova E. D., Kurskov Yu. V.* Istochniki po istorii russko-skandinavskih otnosheniy v rukopisnykh sobraniyakh g. Leningrada [= Records on the history of Russian-Scandinavian relations in manuscript collections in Leningrad] // Skandinavskiy sbornik. Tallin, 1958. Vyp. 3. S. 257—269.

*Selin A. A.* Novgorodskoe obschestvo v epohu Smuty [= Novgorod Society during the Time of Troubles]. St. Petersburg : BLITs, 2008.

*Selin A. A.* Istoricheskaya geografiya Novgorodskoy zemli XVI—XVIII vv. Novgorodskiy i Ladozhskiy uyezdy Vodskoy pyatiny [= Historical Geography of Novgorod Land in 16—18th cc, Novgorod and Lafoga districts, Vodskaja pyatina]. St. Petersburg : Dmitrii Bulanin, 2003.



*Selin A. A.* Ladozhskie torgovyye lyudi Nemkovyi i Giblyie [= Ladoga townsmen Nemkovs and Giblyie] // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI—XVIII vv. Sb. materialov nauch. konf. St. Petersburg, 2001. S. 40—45.

*Selin A. A.* Porubezhnoe duhovenstvo v 1-y pol. XVII v. [= Borderland priests in the 1st half of 17th century] // Staroladozhskiy sbornik. St. Petersburg ; Staraya Ladoga, 2000. Vyp. 3. S. 29—36.

*Forsten G. V.* Snosheniya Rossii i Shvetsii vo vtoroy polovine XVII v. (1648—1700) [= Relations between Sweden and Russia in the second half of 17th c. (1648—1700)] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshebija. 1898. February. S. 212—216.

*Chepel' A. I.* Problemy shvedsko-russkogo prigranichya i pogranichnaya politika Shvetsii v 1617—1661 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [= Issues connected with Russian-Swedish borderland and Swedish border policy in 1617—1661 : cand. dis. thesis]. St. Petersburg, 2011.

*Shaskolskiy I. P.* Rets.: «Skandinavskiy sbornik». Pod obschey redaktsiey V. V. Pohlebkina i L. K. Roots. Estonskoe gosudarstvennoe izdatelstvo. Tallin. Vyp. I. 1956. 265 str.; vyp. II. 1957. 333 str.; vyp. III. 1958. 356 str.; vyp. IV. 1959. 288 str. Rezyume na estonskom yazyike i odnom iz skandinavskih yazyikov [Review: «Skandinavskiy sbornik»] // Voprosy istorii. 1959. Nr 12.

---

Т. А. БАЗАРОВА

## СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ РУССКИХ ПОСЛОВ ПРИ ВЫСОКОЙ ПОРТЕ 1711—1714 гг.: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ<sup>1</sup>

Статейные списки как один из видов официальной делопроизводственной документации, составлявшейся по статьям или вопросам, появились в России в XV в. В форме статейных списков создавались различные документы, однако самое большое распространение они получили в дипломатической практике.

Вплоть до начала XVIII в. статейные списки являлись основными отчетными документами русских послов. В XV в. статейные списки, как правило, представляли собой «грамоты с вестями» (их послы отправляли в Посольский приказ с места ведения переговоров), фиксировавшие выполнение «статей» наказов и инструкций. С середины XVI в. статейными списками стали называть заключительные отчеты вернувшихся в Москву посольств. В конце XVII в. статейные списки уже представляли собой дневники-отчеты, где в тексты повседневных записей включали грамоты, указы, отправленные и полученные письма, донесения и т. д. И. Ф. Демидова отметила, что центральное место в статейных списках занимала запись дипломатических переговоров, и выделила следующие обязательные части: описания пути следования посольства к месту назначения, пребывания за границей и возвращения в Россию<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-01-00193).

<sup>2</sup> Демидова И. Ф. Статейные списки // Совет. ист. энцикл. : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 13 : Славяноведение—Ся Чэн. М., 1971. Стб. 811—812.

За 300 лет бытования статейных списков изменились их первоначальная структура и содержание. Текст перестал располагаться по «статьям», однако отчеты послов и посланников продолжали сохранять привычное название<sup>3</sup>.

В Петровскую эпоху в связи с организацией постоянных дипломатических представительств России при ведущих европейских дворах, развитием транспорта и почтовой связи у послов появилась возможность регулярно отправлять корреспонденцию в Посольский приказ (а затем в Коллегию иностранных дел). Данное обстоятельство привело к изменению формы посольской документации, и статейные списки начинают уходить в прошлое. В конце XIX в. В. Н. Александренко полагал, что последний статейный список принадлежал А. А. Матвееву и относился к 1707—1708 гг.<sup>4</sup> В середине XX в. Т. К. Крылова выявила еще два статейных списка посольства А. А. Матвеева — за 1705 и 1709—1711 гг.<sup>5</sup> Она отметила, что «составление статейных списков русскими послами на Западе прекратилось само собой»<sup>6</sup>.

Традиция ведения статейных списков русскими дипломатами, отправленными Коллегией иностранных дел на Восток, сохранялась значительно дольше. Уже в XX в. в ходе изучения различных видов связанной с работой Посольского приказа приказной документации историки обнаружили и ввели в научный оборот новые статейные списки петровских дипломатов<sup>7</sup>. Нижняя граница их бытования была отодвинута, по крайней мере, до царствования Петра II<sup>8</sup>.

---

<sup>3</sup> Отметим, что с середины 1710-х гг. для обозначения подаваемых в Коллегию иностранных дел отчетных документов посольств начинает широко использоваться еще и термин «журнал».

<sup>4</sup> Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1. С. 339, примеч. 2.

<sup>5</sup> Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов (1700—1714 гг.) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Сб. 9. С. 164, примеч. 2.

<sup>6</sup> Там же. С. 164.

<sup>7</sup> Например: Лотухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан: 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. М., 1958. С. 6—59; Бушев П. П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715—1718 гг.: (По русским архивам). М., 1978; Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах / сост. В. Воловников. М., 1986.

<sup>8</sup> Статейный список посольства в Китай С. Л. Владиславича-Рагузинского датируется 1725—1729 гг. Опубл.: Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1990. Т. 2: 1725—1727. № 196. С. 410—437.

Статейные списки русских послов в Стамбуле в первой четверти XVIII в. как важнейшие документы по истории русско-турецких отношений и внешней политики России не раз привлекали внимание исследователей. Так, например, для М. М. Богословского статейный список посольства Е. И. Украинцева в Стамбул стал главным источником для написания 5-го тома задуманной им многотомной биографии Петра I<sup>9</sup>. Тем не менее до настоящего времени, пожалуй, единственная попытка выявить статейные списки всех русских дипломатов, отправленных правительством Петра I с различными заданиями к Высокой Порте, была предпринята Т. К. Крыловой<sup>10</sup>.

В своей работе особое внимание она уделила истории создания и составу статейного списка первого русского постоянного посла при Высокой Порте П. А. Толстого<sup>11</sup>. Т. К. Крылова отметила, что охватывающий период с 1702 по 1709 г. статейный список П. А. Толстого «разросся до огромных размеров», записи за каждый год составили отдельную книгу в 500—700 листов. Посол включал в список не только переписку с русским правительством и информаторами, описание хода переговоров, но даже приславшиеся ему реляции о победах русской армии на различных фронтах Северной войны<sup>12</sup>.

П. А. Толстой имел указание русского правительства вести статейный список своего посольства. Согласно инструкции, ему предписывалось: «Да что у него, посла, в том посольстве, едучи к Царю-городу и будучи в Царе-городе, и едучи оттуда к Москве, учинится, и то все записать подлинно вправду и тому всему учинить статейный список, и закрепить ему, послу, своєю рукою»<sup>13</sup>. Этот статейный список следовало доставить в Москву и «объявить» главе Посольского приказа Ф. А. Головину<sup>14</sup>.

---

<sup>9</sup> *Богословский М. М.* Петр I : материалы для биографии : в 5 т. М., 2007. Т. 5 : 1699—1700 : Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь.

<sup>10</sup> *Крылова Т. К.* Статейные списки петровских дипломатов ...

<sup>11</sup> 3 (14) июля 1700 г. в Стамбуле чрезвычайные посланники Е. И. Украинцев и И. Чередеев подписали Константинопольский мирный договор. По договору между Россией и Османской империей заключался мир на 30 лет. Россия получила завоеванную в ходе Азовских походов (1695, 1696) крепость Азов с прилегающими территориями и освобождалась от ежегодной дани крымскому хану. Османской империи возвращалась занятая русскими войсками часть Поднепровья. По условиям Константинопольского договора предусматривалась посылка царем посла к османскому двору. В 1702 г. в турецкой столице появилось первое постоянное дипломатическое представительство России во главе с послом П. А. Толстым.

<sup>12</sup> *Крылова Т. К.* Статейные списки петровских дипломатов ... С. 166.

<sup>13</sup> Инструкция графу П. А. Толстому при отправлении его чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской в 1702 году // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 39.

<sup>14</sup> Там же. С. 41—42.

Сохранились многочисленные свидетельства, что П. А. Толстой в Стамбуле (по крайней мере, до своего заключения в Едикуле в 1710 г.) действительно составлял подробный отчет своего посольства. Например, в 1703 г. в донесении Ф. А. Головину он сообщил, что «выписав из статейного списка, <...> посылаю с сим моим писанием» запись хода переговоров с великим везирем<sup>15</sup>. В 1707 г. в письмах П. П. Шафирову и Г. И. Головину посол упомянул, что о «турецкой претензии <...> выписав из статейного списка, посылаю к вашей милости при сем писме»<sup>16</sup>.

Статейные списки полномочных министров (а с 1712 г. послов) П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева<sup>17</sup> сравнительно недавно вошли в научный оборот. Одной из первых на хранящиеся в РГАДА отчеты русских послов за 1711 и 1712 гг. обратила внимание Т. К. Крылова. Она предположила, что они создавались сотрудниками посольства в Османской империи по «горячим следам» недавних событий и в разных условиях, и предложила рассматривать их отдельно<sup>18</sup>. Архивные материалы РГАДА легли в основу фундаментальной монографии С. Ф. Орешковой<sup>19</sup>, а опубликованными в 11-м томе издания «Письма и бумаги Петра Великого» фрагментами статейных списков «воспользовался» Я. Е. Водарский<sup>20</sup>.

Менее известны статейные списки 1713 и 1714 гг., отложившиеся в Архиве СПбИИ РАН. Об этих материалах не знала Т. К. Крылова. По ее мнению, приступившие в начале 1713 г. к мирным переговорам послы «уже не сочли необходимым продолжать свой статейный список»<sup>21</sup>. Поскольку после Т. К. Крыловой, по-видимому, попытки последовательного историко-ведческого анализа этих документов не предпринимались, в историографии до сих пор никем не оспорен тезис, что статейные списки создавались сотрудниками посольства в Османской империи и впоследствии были доставлены в Москву.

Однако 9 февраля 1721 г. вице-президент Коллегии иностранных дел П. П. Шафиров получил царский указ: «... понеже статейного списка и приходных и расходных книг царегородского твоего посольства в канцелярий Коллегии иностранных дел нет, а наперед сего отдал ты в канцелярию толку краткую ведомость росходу казне его царского величества денгам и вещам бытности твоей при турецком дворе, но весьма потребны

---

<sup>15</sup> РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 45 об.

<sup>16</sup> Там же. 1707 г. Д. 3. Л. 270 об.—271.

<sup>17</sup> П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев по условиям Прутского договора (12 июля 1711 г.) должны были отправиться в Стамбул и оставаться там до полного выполнения Россией взятых на себя обязательств. Турецкое правительство отпустило послов только после окончания разграничения земель — 28 августа 1714 г.

<sup>18</sup> Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов ... С. 174.

<sup>19</sup> Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

<sup>20</sup> Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.

<sup>21</sup> Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов ... С. 177.

ныне о том росходе подлинныя книги. И дабы того ради подлинныя росходныя книги, такожде обыкновенной статейной бытности твоей в турецкой земле список в Коллегию иностранных дел прислал ты, в котором при протчих делех надобно изъяснить и о церемониях, с какими при турецком дворе принимаемы, и получали ль от Порты кормовые или какие публичные презенты и готовые без платы денежной дворы, о чем о всем надлежит иметь известие в канцелярии ради примеров»<sup>22</sup>. На требование президента коллегии Г. И. Головкина предоставить ему расходные книги и статейный список посольства в Османскую империю П. П. Шафиров ответил, что таковой не велся.

Действительно, дипломатическая миссия П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева началась не по обычаям того времени. В столицу Османской империи они отправились не из Москвы, как другие русские послы (снабженные четкими инструкциями, проектами договоров, деньгами, мехами и пр.), а прямо из турецкого военного лагеря. Им следовало подтвердить мирный договор, заключенный 12 июля 1711 г. на р. Прут, и вернуться в Россию<sup>23</sup>. Указаний вести статейный список П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев не получили.

Не один П. П. Шафиров по окончании своей миссии не подготовил все отчетные документы. 31 мая 1721 г. указ из Коллегии иностранных дел получил тайный советник и президент Юстиц-коллегии А. А. Матвеев. Ему предписывалось подать в коллегию статейный списки своих посольств в Голландию, Францию, Англию и Австрию, а также приходо-расходные ведомости, копии указов Петра I, ответные реляции ко двору и письма другим должностным лицам «с начала посольства своего даже до 1712-го году <...> для того что такие указы и реляции в прошлом 1711-м году во время с турками на Пруте акции утрачены»<sup>24</sup>. В декабре 1722 г. А. А. Матвеев сообщил руководству коллегии, что необходимые для составления отчетов документы находятся в его московском и петербургском домах, и пообещал подать «ведение» по прибытии в Санкт-Петербург<sup>25</sup>.

В конце 1710-х гг. в ходе реформы государственного управления в России место приказов стали занимать коллегии, которые действовали на основе утвержденных Петром I регламентов. Пришедшая на смену Посольскому приказу Коллегия иностранных дел такого регламента не имела. Его в какой-то мере заменил царский указ от 13 февраля 1720 г.,

---

<sup>22</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 3. Кн. 3. Л. 159а—159а об.

<sup>23</sup> Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. М., 1963. Т. 11, вып. 1. № 4576. С. 322—324.

<sup>24</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 185. Л. 270—271.

<sup>25</sup> Там же. Л. 273—273 об.

определивший штат и сферу деятельности сотрудников коллегии<sup>26</sup>. Возможно, после переезда из Москвы в Санкт-Петербург и начала работы в соответствии с данным указом, в ведомстве начали приводить в порядок текущую и отчетную документацию прошлых лет, что и побудило активизировать работу по составлению статейных списков различных посольств. Другой важной причиной, по которой потребовались отчетные документы русских послов, могло быть составление «Истории Свейской войны», работа над которой велась с 1715 г.<sup>27</sup>

В настоящее время хранящиеся в московском и петербургском архивах статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева представляют собой переплеты in folio. В РГАДА (Ф. 89 «Сношения России с Турцией») находятся два тома статейных списков посольства П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева за июль—декабрь 1711 г. и январь—сентябрь 1712 г.<sup>28</sup> В Архиве СПбИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова»)<sup>29</sup> отложились статейные списки за март—май<sup>30</sup> и август—декабрь 1713 г.<sup>31</sup>, а также январь—июнь<sup>32</sup> и июль—октябрь 1714 г.<sup>33</sup>

По-видимому, данные конволюты были сформированы в середине—второй половине XVIII в. и тогда же снабжены заголовками, которые лишь в общих чертах отражают содержание (фолианты из Архива СПбИИ РАН сохранили обложки конца XVIII в.; тома из РГАДА, очевидно, после реставрации были переплетены заново<sup>34</sup>). Например, одна из книг

---

<sup>26</sup> Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 6. № 3518. Стб. 1310—1311.

<sup>27</sup> Майкова Т. С. История создания «Истории Свейской войны» // История Свейской войны : (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 20.

<sup>28</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а; 1712 г. Д. 7а. Обратим внимание, что оба дела имеют литерные номера. Как правило, это свидетельствует о том, что документы поступили в архив после того, как был описан основной материал фонда.

<sup>29</sup> По-видимому, черновые статейные списки находились среди бумаг П. П. Шафирова, конфискованных после его ареста в 1723 г. Длительное время они хранились в одной из казарм Петербургской крепости, а затем вместе с архивом А. Д. Меншикова были переданы в Академию наук. Подробно см.: Базарова Т. А. Бумаги вице-канцлера П. П. Шафирова в походной канцелярии А. Д. Меншикова : археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : Новые источники по истории России эпохи Петра Великого : в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина ; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб., 2011. С. 35—41.

<sup>30</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 1—167.

<sup>31</sup> Там же. Кн. 8. Л. 445—663 об.

<sup>32</sup> Там же. Л. 171—442.

<sup>33</sup> Там же. Кн. 11. Л. 45—162.

<sup>34</sup> На синюю картонную обложку переплета со статейным списком 1711 г. (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а) приклеен небольшой белый квадрат

озаглавлена как «Черные журналы, письма и реляции, касающиеся как до военных действий, так и до министерских переговоров 1713 году», хотя она включает и статейный список января—июня 1714 г.

Текст в каждом из томов написан несколькими почерками, как мало-разборчивыми черновыми, так четкими писарскими, и содержит следы правки (зачеркивания, вставки, исправления неверно написанных букв, слов и т. д.). Т. К. Крылова полагала, что статейный список 1711 г. почти целиком (кроме копий присланных и отосланных бумаг) написал сам П. П. Шафиров<sup>35</sup>. Однако, основываясь на изучении особенностей почерка вице-канцлера, можно предположить, что основной текст писали служители канцелярии. П. П. Шафиров участвовал только в правке текста. В томе, содержащем статейный список 1711 г., четко прослеживаются три основных почерка: первый (условно можно назвать черновым), второй (четкий, писарский) и третий (как нам удалось установить, Ильи Никифорова). На полях фолианта, по-видимому, уже в XIX—начале XX в. коричневыми чернилами проставлены даты<sup>36</sup>.

При соединении написанных разными почерками фрагментов статейных списков некоторые страницы заполнялись текстом не до конца, на других сохранились указания: «зри на обороте сего» или «страница порозжая». Возникавшие при переписке документов разными лицами повторы вычеркивали во время правки.

Отметим, что статейные списки из Архива СПбИИ РАН содержат значительно больше исправлений, чем московские документы. Предположительно, это первоначальные черновые материалы, которые сохранили многочисленные указания составителям записки. В статейном списке марта—мая 1713 г.<sup>37</sup> на л. 27 об. можно прочитать: «Илья, впиши подлинником»<sup>38</sup>, на л. 51 рядом с фразой «Да при том же послан список с писма святейшаго иерусалимского патриарха» — «сие писмо сыскать в канцелярии московской», а на л. 99 об.— «вписать писмо к царскому величеству».

Помимо сделанных сотрудниками архивов фолиаций документы имеют две современные тексту нумерации: первая — полистная в правом верхнем углу, вторая — в середине нижнего поля через разное (примерно от 5 до 20) число листов, которая в ряде случаев соответствует началу

---

с надписью коричневыми чернилами: «1711 года. Стат<ейный> список бар<она> Шафирова и Шеремет<ева>, бывших в Царю<граде>».

<sup>35</sup> Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов ... С. 174.

<sup>36</sup> Например, «июля 22» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 44).

<sup>37</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1.

<sup>38</sup> По-видимому, Илье Никифоровичу Никифорову, подьячему Посольского приказа, участнику Прутского похода и русского посольства в Стамбуле (1711—1714).



нового включенного в статейный список документа. Эти две оригинальные нумерации объединяют московские статейные списки в единое целое (1711 г. — л. 1—226 и вторая нумерация 1—27; 1712 г. — л. 227—1205 и вторая нумерация 28—153). Т. К. Крылова верно отметила, что «составители рассматривали его как один документ»<sup>39</sup>.

Несмотря на то что статейные списки 1713 и 1714 гг. разделены на части и переплетены вперемешку с другими документами в разные тома, сохранившаяся старая нумерация позволила восстановить их первоначальную структуру. Так, статейный список марта—мая 1713 г. обладает оригинальной фолиацией с 1 по 168-й лист, августа—декабря 1713 г. — 446—624-й, января—июня 1714 г. — 691—698-й и, наконец, события июля—октября 1714 г. описаны на листах с нумерацией 1027—1109 и 1178—1209.

Оригинальный заголовок имеет только статейный список 1711 г., который звучит следующим образом: «Статьейной список государственного подканцера тайного его царского величества советника и кавалера орденов Белого Орла и Генерозите барона Петра Павловича Шафирова, как он и с ним в таварыщи послан генерал-маеор граф Михайло Борисович Шереметев посланы ради заключения мира с турки, а имянно с крайним везирем Мегметь-пашею, которой пришел с войски турецкими ради отпору войскам царского величества, обретающимся во владении их турецком в Волоской земле у реки Прута июля в 8 день 1711-го году, и как тот мир чрез его трактование сочинен и на каких пунктах, и потом как они, государственной подканцлер и граф Шер[еметев], были при войске турск[ом] и в Цареграде. И как во оном вновь трактованье было, и на каких кондициях мир заключен паки вновь с везирем Юсуф-пашею, что прежде был янычарской ага, и как по подущениям неприятелским от турков война паки против царского величества объявлена и они, послы, заарестованны в жестокое заключение и потом паки освобождены и взяты в Андрианополь, где третьей трактат мирной сочинен и постановлен, и от обоих стран государей подтвержен, и о всем прочем поведении»<sup>40</sup>.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что с самого начала предполагалось подробное описание всех обстоятельств посольства П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева с 1711 по 1714 г. Очевидно, статейные списки начали составлять в Санкт-Петербурге не ранее 1721 г. В работе над отчетом могли участвовать бывшие сотрудники посольства в Стамбуле (в том числе Илья Никифоров и Федор Сенюков). Материалами стали хранившиеся в Москве и Санкт-Петербурге зашифрованные реляции и письма, которые послы отправляли ко двору и в Посольский приказ,

---

<sup>39</sup> Крылова Т. К. Статейные списки петровских дипломатов ... С. 174.

<sup>40</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 1—1 об.

переписка с главами русских дипломатических миссий в Западной Европе, тексты мирных договоров и т. д.

Проведенный кодикологический анализ позволяет предположить, что отчет логически поделили на две части и, возможно, намеревались составлять в два этапа: 1) описание событий с 8 июля 1711 г. и до заключения русских послов в Едикуле осенью 1712 г.; 2) освобождение русских дипломатов из турецкой тюрьмы (24 марта 1713 г.) для возобновления мирных переговоров и до разграничения территорий двух государств и возвращения дипломатов на родину осенью 1714 г. Вполне вероятно, что пять месяцев пребывания послов в заключении были намеренно пропущены, поскольку их дипломатическая миссия прервалась (отметим, что с заключением в Едикуле обрывается и статейный список П. А. Толстого<sup>41</sup>). Надо полагать, работу не закончили из-за следствия и суда над П. П. Шафировым (1723)<sup>42</sup>, которые привели барона к лишению имущества, званий и чинов, а также ссылке в Великий Новгород.

Как правило, по завершении дипломатической миссии составлялся один статейный список. Однако в данном случае первоначальная задача русских послов подтвердить подписанный на Пруте мирный договор оказалась не выполнена, а дальнейший переговорный процесс распался на несколько этапов, для чего потребовалось получение и новых полномочных грамот. Также нужно учитывать и различную степень завершенности работы над документами, и то, что материалы посольства оказались в разных архивных делах и хранилищах. В связи с этим мы вслед за Т. К. Крыловой продолжим именовать отчетные документы П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева — статейные списки — во множественном числе.

Отчетные документы миссии П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева имеют одинаковую структуру — это ежедневные журналы, куда помимо описания событий заносилось содержание отправленных и полученных писем, указов, манифестов, грамот и проектов договоров. Значительное место в статейных списках традиционно занимают описания переговоров с представителями Порты, где помимо протокольных записей переговоров отмечены и особенности этикета. П. П. Шафиров подробно описывает малейшее изменение политической обстановки, смены правительства и военачальников (например, в январе 1714 г. он сообщил об отстранении обвиненного во взяточничестве капитан-паши Асчи-Мегмета и назначении на эту должность начальника над стамбульским портом и «искусного в морском деле» Сулеймана)<sup>43</sup>, дает оценку военного потенциала Османской

---

<sup>41</sup> Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 165.

<sup>42</sup> Иванов П. И. Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1, кн. 3. С. 3—62.

<sup>43</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 11. Л. 8 об.

империи и ее готовности начать военные действия (против России или Венеции). Именно такие вопросы в первую очередь привлекают внимание исследователей, занимающихся проблемами русско-турецких отношений.

Между тем статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева содержат немало других сведений, позволяющих выявить «механизм» работы посольства в сложной политической обстановке, когда доводилось не только преодолевать враждебность турецкой стороны, иметь дело с часто меняющимися правительствами, но и постоянно ощущать противодействие шведской и французской дипломатии. В 1711—1712 гг. П. П. Шафирову впервые довелось вести переговоры с представителями иностранной державы при посредничестве дипломатов третьей стороны. Весной 1713 г. он был вынужден предварительно договариваться с враждебно настроенным по отношению к России крымским ханом Каплан-Гиреем.

Проявлять исключительное хладнокровие и выдержку приходилось не только русским послам, но и другим сотрудникам дипломатической миссии. Статьиные списки показывают, какую важную роль во время подготовки переговоров играли секретари и переводчики (как английского и голландского, так и русского посольства).

В 1711 г. основные контакты между российскими дипломатами и представителями турецкого правительства осуществлял секретарь Николай Барка («которого приказано называть Чернышевым, чтоб прозвища его турки не признали, понеже родственники его тем же прозвищем живут в Цареграде»)<sup>44</sup>. После того как 7 октября 1712 г. он скончался, эту миссию разделили другие сотрудники русского посольства. Весной 1713 г. послы с поручениями к реиз-эфенди, секретарю великого везира и муфти неоднократно посылали Г. Теста. П. П. Шафиров охарактеризовал его Г. И. Головкину: «Наш переводчик Гаспер Тесто <...> человек умной и в языках искусной»<sup>45</sup>. Однако и Г. Тест не выдержал напряженности враждебной обстановки, сопровождавшейся угрозами нового тюремного заключения, и «за болезнью, а паче от страха» попросил отставки от службы<sup>46</sup>.

На страницах статейных списков не раз упоминаются «приятели» русских дипломатов: переводчик голландского посольства Вилим Тейлс и переводчик английского посольства Лука Барка («Макарий»). Среди наиболее осведомленных агентов вице-канцлера были Форнет, «Иона», архиепископ Галани, Петр Биянка и др., многих из которых к русской службе склонил еще П. А. Толстой<sup>47</sup>.

---

<sup>44</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 5.

<sup>45</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.

<sup>46</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 154.

<sup>47</sup> *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.) М., 1990. С. 137.

В отличие от статейных списков своих предшественников отчеты П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева не содержат описания государственного устройства, населения и природы страны пребывания. К началу XVIII в. в России имелась значительная литература об Османской империи: описания посольских путешествий, записки русских купцов, бывших невольников и паломников в «святые места». Одно из самых подробных и ярких описаний принадлежало перу П. А. Толстого, которое он прислал из Стамбула в Москву в 1703 г.<sup>48</sup> Вероятно, участвовавший в 1704 г. в организации приема и пребывания турецкого посла Ногайлы Мехмеда Мустафы-аги в России П. П. Шафиров<sup>49</sup> имел возможность ознакомиться с материалами Посольского приказа об Османской империи.

По османской традиции, П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев, пока с ними велись переговоры, находились в изоляции и под охраной. Согласно статейному списку 1714 г., увидеть достопримечательности Стамбула им удалось только за месяц до отъезда на родину. 26 июля османское правительство удовлетворило просьбу послов и позволило им «быть для гулянья и смотрения мечетей их турецких, где они похотят, которого числа были они, послы, в трех их первых мечетях. А имянно, в первой, что прежде бывала христианская Софейская церковь, которая строения древних греческих царей, да в двух от турков зделанных мечетях, которые называются у них Мегметь да Сулейман салтаны. А потом июля в 31 день были в четвертой мечете их же турецкого здания, называемой Мурат-салтан»<sup>50</sup>.

Поскольку путь послов в Стамбул начался из турецкого военного лагеря, в статейном списке 1711 г. отсутствует обычное для такого рода документов описание путешествия по России до границы с иностранным государством. В Эдирне (Адрианополь), а затем в Стамбул П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев въезжали вместе с турецким войском. Их статейный список не содержит описаний местности, через которую они проезжали. Лишь 21 октября 1711 г. послы прибыли в Адрианополь, а 20 ноября — в Стамбул<sup>51</sup>. В Адрианополе, где дипломаты провели целый месяц, их поставили на «зело плохом дворе, что со всеми людьми их принуждены стоять в полатках, ибо на оном дворе и хором никаких нет»<sup>52</sup>. В пути,

---

<sup>48</sup> Русский посол в Стамбуле : Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / изд. М. Р. Арунова и С. Ф. Орешкова. М., 1985. С. 6, 21—24.

<sup>49</sup> *Базарова Т. А.* Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703—1704 гг. // Петербург и страны Северной Европы : материалы 14-й ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 89—93.

<sup>50</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 11. Л. 53—53 об.

<sup>51</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 160 об., 185 об.

<sup>52</sup> Там же. Л. 160 об.

а также в старой и в новой турецкой столицах к русским послам относились как к представителям державы, не выполнившей условия мирного договора, и держали «яко арестантов без всякого почтения»<sup>53</sup>.

24 марта 1713 г. освобожденные из тюрьмы дипломаты выехали из Стамбула в Адрианополь, где им предстояло возобновить мирные переговоры, поэтому статейный список весны 1713 г. начинается со скупого перечисления населенных пунктов и расстояний между ними. Их «оберегал» капычи-баша и янычарский конвой. «И ставили их, послов, в пути на постоялые их дворы, которые по-турски называются ханами»<sup>54</sup>. 30 марта дипломаты прибыли в Адрианополь, где были «убраны для их приезде палаты турским убором, и придан им для услужения прежней их пристав Али-ага да поставлен чюрбачей с янычаны на караул»<sup>55</sup>.

Однако статейный список 1714 г. завершается традиционным для такого рода отчетов подробным описанием пути дипломатов на родину. 26 сентября заключивших мирный договор с Османской империей русских послов торжественно встретил представитель (кегая) бендерского паши. «А как они, послы, мимо крепости ехали, то с тех болверков, мимо которых ехали, а имянно с пяти, стреляли ис пушек, поздравляя их, послов»<sup>56</sup>. 12 октября 1714 г. их приветствовали уже пушки Киево-Печерской крепости. На следующий день по прибытии в Киев «были послы в Печерском монастыре у святыя литоргии. И потом отправлено в соборной церкви от наместника тоя лавры с братиею благодарственное молебное пение за благополучное окончание дел царского величества с турки и о возвращении послов ко отечеству». После окончания молебна «ходили они, послы, ради поклонения мощам святым в пещеры киевския»<sup>57</sup>. В Киеве состоялись похороны скончавшегося по пути на родину М. П. Шереметева. 16 октября послы продолжили путь в Москву. Статейный список обрывается на описании торжественного приема в резиденции гетмана И. И. Скоропадского в Глухове.

По материалам статейных списков можно проследить, как осуществляли послы переписку с Петром I, Посольским приказом и русскими дипломатическими представителями при ведущих западноевропейских дворах. Все письма, которые отправляли и получали русские дипломаты, шифровались. Однако цифирные азбуки петровского времени представляли собой шифры замены, когда одной букве алфавита соответствовал определенный знак: цифра, буква латинского, греческого, кириллического

---

<sup>53</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 185 об.

<sup>54</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 1—1 об.

<sup>55</sup> Там же. Л. 5.

<sup>56</sup> Там же. Кн. 11. Л. 136 об.

<sup>57</sup> Там же. Л. 159.

алфавита или специально придуманный символ, поэтому в такой несложной системе можно легко разобраться даже при отсутствии ключа<sup>58</sup>.

Летом 1711 г. турецкий переводчик Ионакий Маврокардат предупредил русских послов, что османам удалось расшифровать письма П. А. Толстого<sup>59</sup>. Неизвестно, удалось ли туркам разобраться в цифирной азбуке П. П. Шафирова. У русских послов не было возможности поменять шифр, и они применяли одну и ту же систему на протяжении трех лет пребывания в Османской империи. Для дополнительной безопасности в письмах ко двору они вместо имени И. Маврокардата по его просьбе использовали специальный значок — пятиконечную звезду. В переписке с русскими агентами в турецкой столице послы старались избегать чьих-либо имен, а вместо слов «царь» и «государь» писали «Никита». Для посылаемых в Москву документов на латыни использовалась «цыфирь» секретаря А. И. Остермана. Когда в 1713 г. А. И. Остермана временно покинул Россию, в Посольском приказе не сумели прочитать зашифрованные его азбукой документы<sup>60</sup>.

На протяжении многолетнего пребывания послов в Османской империи неоднократно менялся порядок доставки и отправки писем. В 1711 г. дипломатам указали писать к командовавшему армией на Украине Б. П. Шереметеву, а «он будет <...> те ваши писма распечатывать, и что ему надлежати будет, резолюцию чинить. И те ж писма, переписывую, прислать к нам и учредить обыкновенную по вся недели почту». Для копирования и перевода при генерал-фельдмаршале оставили переводчиков Андрея Васильева и Ивана Суду, которому передали цифирную азбуку П. П. Шафирова<sup>61</sup>. Впоследствии письма и указы стали пересылать через посла в Вене А. А. Матвеева под видом дипломатической переписки австрийского двора со своими представителями в Стамбуле и с голландским послом.

Статейные списки русских дипломатов при османском дворе петровского времени являются не только важнейшими источниками для изучения русско-турецких отношений в контексте внешней политики России этого периода. Это уникальные «многогранные» источники. Статейные списки русских послов содержат богатый материал для изучения повседневности, а также проблем межэтнических взаимоотношений, контактов

---

<sup>58</sup> Подробно см.: *Базарова Т. А.* Шифрованная переписка в походной канцелярии вице-канцлера П. П. Шафирова // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени : (К 200-летию подписания Тильзитского договора) : материалы междунар. науч. конф., С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008. С. 76—81.

<sup>59</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 83 об.—84.

<sup>60</sup> Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова ... Т. 1. С. 293—294, 302.

<sup>61</sup> РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7а. Л. 138.

и взаимодействия представителей различных культурно-религиозных сообществ, восприятия «иной» культуры. Актуальны отраженные в источнике проблемы установления русско-турецкой границы и особенностей жизненного уклада жителей приграничных территорий. Результаты и методы источниковедческого и кодикологического анализов статейных списков П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева привлекают внимание историков, изучающих делопроизводство Посольского приказа (Коллегии иностранных дел) России петровского времени.

## РЕЗЮМЕ

Статья посвящена изучению статейных списков русских послов в Стамбуле П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711—1714 гг. Как правило, статейные списки (отчеты послов) подавались в Посольский приказ вскоре после возвращения дипломатов в Россию. Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева начали составлять в 1721 г., т. е. спустя несколько лет после возвращения представителей русского царя в Санкт-Петербург. В настоящее время эти материалы хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Отчеты посольства отражают условия, в которых российские послы боролись за подписание мирного договора с Османской империей после неудачного Прутского похода. По своей форме статейные списки — это ежедневные журналы, в текст которых включалось не только описание событий, но и отправленные и полученные письма, постановления, деклараций, проекты мирных договоров. Значительное место в статейных списках уделялось описанию переговоров с турецкими представителями, помимо этого в этих документах отмечены особенности местных обычаев и дипломатического этикета.

## SUMMARY

The article is devoted to the study of reports (*Stateinye spiski*) of Russian ambassadors Peter Shafirov and Michael Sheremetev in Istanbul in 1711—1714. As a rule, *Stateinye spiski* (ambassador's reports) submitted to Ambassadorial *prikaz* after diplomats' returning to Russia. The *Stateinye spiski* were compounded in 1721, i. e. few years later after the return of the representatives of Russian tsar to St. Petersburg. Now these materials are kept in Moscow and St. Petersburg state archives. The embassy reports show all the circumstances in which the Russian ambassadors struggled for signing of the peace treaty with Ottoman Empire after unsuccessful Prut campaign. The materials of this type are daily journals that contain the description of events, the content of sent and received letters, decrees, manifests, peace treaties projects. The significant part of them is the descriptions of diplomats' actions on the preparation for the conferences and meetings with Turkish representatives. The peculiarities of the local etiquette also are marked in these unique documents.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Статейные списки, отчеты послов, посольство, источниковедческое исследование, внешняя политика России, дипломатия, международные отношения, реформы Петра Великого.

## KEYWORDS

Stateinye spiski, reports of ambassadors, embassy, sources research, foreign policy of Russia, diplomacy, international relations, Peter the Great's reforms.

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1.

*Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.). М., 1990.

*Базарова Т. А.* Бумаги вице-канцлера П. П. Шафирова в походной канцелярии А. Д. Меншикова : археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : Новые источники по истории России эпохи Петра Великого : в 3 ч. / изд. подгот. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина ; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб., 2011. С. 35—56.

*Базарова Т. А.* Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703—1704 гг. // Петербург и страны Северной Европы : материалы 14-й ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 86—96.

*Базарова Т. А.* Шифрованная переписка в походной канцелярии вице-канцлера П. П. Шафирова // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени : (К 200-летию подписания Тильзитского договора) : материалы междунар. науч. конф., С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008. С. 76—81.

*Богословский М. М.* Петр I : материалы для биографии : в 5 т. М., 2007. Т. 5 : 1699—1700 : Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь.

*Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. : (По русским архивам). М., 1978.

*Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.

*Демидова И. Ф.* Статейные списки // Совет. ист. энцикл. : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 13 : Славяноведение—Ся Чэн. М., 1971. Стб. 811—812.

*Иванов П. И.* Судное дело над действительным тайным советником ба-роном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым // ЖМЮ. 1859. Т. 1, кн. 3. С. 3—62.

*Крылова Т. К.* Статейные списки петровских дипломатов (1700—1714 гг.) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Сб. 9. С. 163—181.



*Майкова Т. С.* История создания «Истории Свейской войны» // История Свейской войны : (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 15—45.

*Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

*Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.

## REFERENCES

*Aleksandrenko V. N.* Russkie diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII v. Varshava, 1897. T. 1.

*Artamonov V. A.* Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709—1714 gg.). M., 1990.

*Bazarova T. A.* Bumagi vitse-kantslera P. P. Shafirova v pokhodnoj kantselyarii A. D. Menshikova : arkhograficheskoe vvedenie // Pokhodnaya kantselyariya vitse-kantslera Petra Pavlovicha Shafirova : Novye istochniki po istorii Rossii ehpokhi Petra Velikogo : v 3 ch. / izd. podgot. T. A. Bazarova, Yu. B. Fomina ; sost., vstup. st., komment. T. A. Bazarovoj. St. Petersburg, 2011. S. 35—56.

*Bazarova T. A.* Shifrovannaya perepiska v pokhodnoj kantselyarii vitse-kantslera P. P. Shafirova // Problemy vojny i mira v ehpokhu novogo i novejshego vremeni : (K 200-letiyu podpisaniya Til'zitskogo dogovora) : materialy mezhdunar. nauch. konf., St. Peterburg, dekabr' 2007 g. St. Petersburg, 2008. S. 76—81.

*Bazarova T. A.* Vizity inostrannykh posol'stv v Ingermanlandiyu v 1703—1704 gg. // Peterburg i strany Severnoj Evropy : materialy 14-j ezhegod. mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg, 2013. S. 86—96.

*Bogoslovskij M. M.* Petr I : materialy dlya biografii : v 5 t. M., 2007. T. 5 : 1699—1700 : Posol'stvo E. I. Ukrainitseva v Konstantinopol'.

*Bushev P. P.* Posol'stvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715—1718 gg. : (Po russkim arkhivam). M., 1978.

*Demidova I. F.* Statejnye spiski // Sovetskaya istoricheskaya ehntsiklopediya : v 16 t. / gl. red. E. M. Zhukov. T. 13 : Slavyanovedenie—Sya Chehn. M., 1971. Stb. 811—812.

*Ivanov P. I.* Sudnoe delo nad dejstvitel'nym tajnym sovetnikom baronom Shafirovym i ober-prokurorom Senata Skornjakovym-Pisarevym // ZHMYU. 1859. T. 1, kn. 3. S. 3—62.

*Krylova T. K.* Statejnye spiski petrovskikh diplomatov (1700—1714 gg.) // Problemy istochnikovedeniya. M., 1961. Sb. 9. S. 163—181.

*Majkova T. S.* Istoriya sozdaniya «Gistorii Svejskoj vojny» // Gistoriya Svejskoj vojny : (Podennaya zapiska Petra Velikogo) / sost. T. S. Majkova. M., 2004. Vyp. 1. S. 15—45.

*Oreshkova S. F.* Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v. M., 1971.

*Pavlenko N. I.* Ptentsy gnezda Petrova. M., 1984.

*Vodarskij Ya. E.* Zagadki Prutskogo pokhoda Petra I. M., 2004.

---

*Н. С. АНДРЕЕВА*

## **ПРИБАЛТИЙСКИЕ РЕФОРМЫ НАЧАЛА XX в. В ИСТОРИОГРАФИИ**

Изучение того, насколько подробно вопрос о разработке преобразований для Прибалтийских губерний в начале XX в. освещен в историографии, имеет весьма существенное значение для исследования реформаторской деятельности российского правительства в этом регионе. Обращение к имеющейся по теме исследования исторической литературе позволяет выявить степень изученности этой темы, основные направления, по которым проходило ее изучение, а также представленные в историографии концепции реформаторской политики правительства в Прибалтике в указанный период.

Подготовка реформ для Прибалтийских губерний, начатая правительством в период революции 1905—1907 гг., в различной мере нашла свое отражение в отечественной, прибалтийско-немецкой и зарубежной исторической литературе.

Прежде всего в этом отношении следует отметить работы эстонского историка Т. Карьяхярма. В них впервые в историографии более или менее подробно рассматривалась разработка ряда реформ, в частности земской, церковно-приходской и аграрных преобразований для Эстляндской и Лифляндской губерний, а также деятельность Особого совещания при временном прибалтийском генерал-губернаторе, проекты которого легли в основу некоторых правительственных законопроектов для Прибалтики<sup>1</sup>. В то же время подготовке реформ для Курляндской губернии исследователь внимания не уделил.

---

<sup>1</sup> *Карьяхярм Т.*: 1) Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905—1917 гг. Таллин, 1987; 2) Эстонская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. :

Вместе с тем определенные сомнения вызывает продиктованная классовым подходом трактовка отношений правительства с прибалтийско-немецким дворянством и, в частности, утверждение о единстве их классовых интересов (исследователь, однако, признает наличие определенных противоречий между дворянством и правительством). В этом единстве Карьяхарм видит главную причину того, что правительство занималось преобразованиями для Прибалтики «вяло и нерешительно», а подготовку некоторых из них постепенно прекратило<sup>2</sup>.

Так, например, из изложения Карьяхарма следует, что разработка церковно-приходской реформы прекратилась в феврале 1916 г. с отзывом министерского законопроекта из Государственной думы<sup>3</sup>. Однако, как удалось установить по архивным материалам, ее подготовка продолжалась до 25.02.1917. В целом документальные источники свидетельствуют о том, что правительство работало над проектами реформ вплоть до Февральской революции 1917 г.

В прибалтийской политике правительства исследователь усматривал «тенденции лавирования» и нежелание верховной власти вмешиваться в эстонско-немецкий конфликт. Выявленные же нами архивные документы, относящиеся к разработке преобразований, напротив, дают основание утверждать, что одна из задач правительственной политики состояла в урегулировании межнациональных противоречий в Прибалтике. Большие ожидания в этом отношении связывались именно с реформами: правительство полагало, что они устранят причины этих противоречий<sup>4</sup>.

---

дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1983 ; 3) Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914—1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914—1924). М., 2002. С. 48—59 ; 4) Совет Министров царской России о прибалтийском земстве в 1916 г. // Германия и Прибалтика. Рига, 1988. С. 49—56 ; *Karjahaerm T.* The Problem of Reorganization of Provincial Self-Government in Estonia at the Beginning of the 20<sup>th</sup> Century // *Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Rußlands 1850—1914* / hrsg. von G. von Pistohtkors, A. Plakans, P. Kaegbein. Lüneburg, 1995.

<sup>2</sup> *Карьяхарм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство ... С. 81, 83—85, 252—253, 257—259, 247. Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008. С. 7—8. Ср.: *Kiverik I.* Наталья Андреева: Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века [= *Die Deutschbalten und die russländische Regierungspolitik zu Beginn des 20. Jahrhunderts*]. Verlag Mipf. Sankt Petersburg 2008. 312 S. ISBN 785988460343 // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2009. Nr. 4. S. 336—337.

<sup>3</sup> *Карьяхарм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство ... С. 81, 83—85, 252—253.

<sup>4</sup> *Karjahaerm T.* Das estnisch-deutsche Verhältnis und die Russische Revolution von 1905 // *Estland und seine Minderheiten : Esten, Deutsche und Russen im 19. und*

В вопросе о реформе местного самоуправления в Эстляндской и Лифляндской губерниях правительство, как считает Карьяхярм, исходило из принципов «земской контрреформы 1890 г.». Она усилила «классовую основу самоуправления» и ликвидировала выборность крестьянской курии. По мнению историка, действовавшее в Прибалтике местное самоуправление (его функции выполняли дворянские организации) соответствовало основным принципам политики самодержавия в отношении местной администрации. «Царская бюрократия» не видела в реформе самоуправления в крае полезного с политической точки зрения содержания и потому относилась к этому преобразованию индифферентно<sup>5</sup>.

Между тем правительство неоднократно поднимало вопрос о земской реформе в Прибалтике. Оно признавало своевременность и важность этого преобразования: в 1916 г., например, Совет министров дважды обсуждал его — на заседаниях 20 мая и 23 ноября. В итоге по ряду причин было решено отложить разработку соответствующего законопроекта до окончания войны, но проводить реформу как таковую правительство не отказывалось<sup>6</sup>.

Аграрную политику правительства в Прибалтике, в том числе проведение Столыпинской реформы, подробно проанализировали эстонские историки Т. Розенберг и С. Кивимяэ<sup>7</sup>. Вместе с тем обращает на себя внимание то, как Кивимяэ оценивает сложившееся в правительственных кругах представление о ситуации в Прибалтийских губерниях. Так, основываясь на высказывании С. Ю. Витте, который просил эстляндского губернатора А. В. Бельгарда познакомить его поближе с «таинственным»

---

20. Jahrhundert. Lüneburg, 1995. S. 439. См.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы ... С. 8.

<sup>5</sup> *Karjahaerm T.* The Problem of Reorganization ... S. 260; *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство ... С. 222, 258.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 60. Л. 52—54; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы ... С. 8—9.

<sup>7</sup> *Розенберг Т.* О социальном расслоении крестьянства в южной Эстонии в конце XIX в. Таллин, 1980; *Rosenberg T.* Zum Problem der Arbeitskräfte in der Landwirtschaft Estlands 1907 bis 1914 // *The Baltic Countries 1900—1914: Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia* / ed. A. Loit. Stockholm, 1990. S. 275—298; *Кивимяэ С. К.*: 1) Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале XX в. // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики: доклады ист. конф., 28—30 ноября 1978 г. Тарту, 1978. С. 125—141; 2) Крупное землевладение в Эстляндской губернии в конце XIX—начале XX в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975. С. 253—278; 3) Столыпинская аграрная реформа в Прибалтике: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1981; *Kivimäe S.* Der Zarismus und die Agrarfrage in Estland am Vorabend der Revolution 1905—1907 // *The Baltic Countries* ... S. 185—198.

балтийским вопросом (об этом пишет в воспоминаниях Бельгард), исследовательница приходит к заключению о том, что правительство не имело точного представления ни о социально-экономическом положении, ни об аграрном вопросе в Прибалтике.

Между тем приведенное высказывание Витте носило иронический характер, поэтому его не следует понимать буквально. Воспоминания Витте свидетельствуют о том, что их автор был вполне осведомлен о ситуации в Прибалтийских губерниях, а «балтийского вопроса» как такового для него не существовало<sup>8</sup>.

Как свидетельствуют документальные источники, при подготовке правительственных преобразований для Прибалтики в разное время было собрано значительное количество материалов о социальных, экономических и межнациональных отношениях в крае, церковном, земском и аграрном вопросах. Выявление, сбор и изучение этих материалов сформировали у правительства всестороннее представление о ситуации в регионе.

Некоторые аспекты подготовки школьной реформы в Прибалтике затронуты в работах эстонских историков А. К. Лийма, Э. Лаула и В. Сирка, а также в главах 5 и 6 коллективного труда «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX—начало XX в.» (М., 1991)<sup>9</sup>.

Разработка этой реформы наряду с политикой правительства в отношении прибалтийско-немецкой школы в конце XIX—начале XX в. исследовалась в работах автора данной статьи. Ее публикации также посвящены подготовке правительственных реформ для Прибалтийских губерний: церковной, земской, сословных организаций прибалтийско-немецкого дворянства, аграрных преобразований и др. Привлечение широкого круга документальных источников как из российских (РГИА, ГА РФ, Архива внешней политики Российской империи и др.), так и из зарубежных архивов (Политического архива Министерства иностранных дел ФРГ, Документального собрания Института Гердера, Архива Министерства иностранных дел Франции и др.) позволило детально исследовать разработку этих преобразований, существенным образом дополнить и уточнить имеющуюся по некоторым из них историографию<sup>10</sup>.

---

<sup>8</sup> *Kivimäe S. Der Zarismus ... S. 197. См.: Bumme C. Ю. Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 3. С. 156.*

<sup>9</sup> *Лийм А. К. Школа и просвещение в Эстонии в начале XX в. (до Февральской революции 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1971 ; Лаул Э., Сирк В. Подготовка учителей в Эстонии в эпоху капитализма (до 1917 г.) // Проблемы подготовки учителей в истории развития народного образования в Прибалтике / под ред. Л. И. Жукова. Рига, 1981. С. 48—67 ; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX—начало XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. М., 1991.*

<sup>10</sup> *Андреева Н. С.: 1) Прибалтийские немцы ... ; 2) Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44—61 ;*

В работах прибалтийско-немецких историков А. фон Транзее-Розенека и А. фон Тобина политика правительства, в том числе его реформаторская деятельность в Прибалтийских губерниях конца XIX—начала XX в., трактуется весьма субъективно. Собственно, это объясняется тем, что в остзейской исторической литературе и публицистике на рубеже XIX—XX в. преобладало консервативно-охранительное направление, призванное защитить привилегированное положение прибалтийских немцев от посягательств центральной власти<sup>11</sup>.

К числу «политической историографии» в полной мере относится двухтомная «Латышская революция» (Берлин, 1906—1908), опубликованная анонимно историком права и генеалогом А. фон Транзее-Розенекем с предисловием историка и публициста Т. Шиманна. Следует отметить, что из-за своих недостатков эта работа неоднократно критиковалась (хотя и с разных позиций) в советской и зарубежной исторической литературе<sup>12</sup>.

---

3) К вопросу о реформе лютеранского прихода в Прибалтийских губерниях в начале XX в. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX вв. : сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 305—313; 4) Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 103—111; 5) К вопросу о «русификации» немецкой школы Прибалтийских губерний // Политика. Общество. Человек : К 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. СПб., 2008. С. 11—26; 6) «Остзейский вопрос» в реформаторских планах правительства (1900—февраль 1917 г.) // Исторические записки. 2009. № 12 (130). С. 203—217; 7) «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900—февраль 1917 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010; *Andreeva N. S.* Die «baltische Frage» und die Reformpolitik der Regierung in den Ostseeprovinzen zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Russland an der Ostsee : Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) / hrsg. von K. Brüggemann, B. D. Woodworth. Köln, 2012. S. 243—285. См. также: *Лебедев С. К.* Новая книга по истории национальных отношений в Российской империи : Актуальный пример государственно-политического контекста реформ : рец. на кн.: Н. С. Андреева. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. — СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008. — 312 С. // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 2. Вып. 1. С. 159—162.

<sup>11</sup> [*Transee-Roseneck A. von*]. Die lettische Revolution. Berlin, 1906—1908. Bd. 1—2; *Tobien A.*: 1) Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Berlin; Riga, 1899—1911. Bd. 1—2; 2) Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Riga; Berlin, 1925—1930. Bd. 1—2; *Гарлеф М.* К вопросу о немецко-прибалтийской историографии (1860—1914) // Германия и Прибалтика / под ред. М. М. Духанова. Рига, 1983. С. 94.

<sup>12</sup> [*Transee-Roseneck A. von*]. Die lettische Revolution. См., например: *Духанов М. М.* Остзейцы : Политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. Рига, 1978. С. 69—71; *Ронис И. Э.* Либерально-

Прежде всего критику вызвали негативный настрой А. фон Транзее-Розенка по отношению к латышам и русским и его субъективная оценка причин революции 1905—1907 гг. в Лифляндии. Главными из них он считал влияние социал-демократии и «русификационную» политику правительства в Прибалтике, т. е. идеологические и политические причины, но отнюдь не существовавшие там социально-экономические проблемы. Эта тенденциозность, собственно, обусловлена тем, что «Латышская революция» появилась по заказу лифляндского рыцарства при определяющем влиянии антирусски настроенного остзейского политика ландрата М. фон Сиверса, и в силу этого отражает точку зрения дворянства<sup>13</sup>.

Лифляндское дворянство выступило также в качестве заказчика двухтомного исследования своей политики, опубликованного А. фон Тобином в 1925—1930 гг.<sup>14</sup> Оценка исторических событий с точки зрения рыцарства обусловила субъективность сделанных в работе выводов относительно латышского и эстонского национальных движений и революции 1905—1907 гг.

Вместе с тем в ней односторонне трактуется политика правительства в Прибалтике во второй половине XIX в. Вслед за пристрастными оценками остзейских публицистов, прежде всего А. Бухгольца и К. Ширрена, А. фон Тобин характеризовал ее как политику «русификации» и «ассимиляции» прибалтийских немцев, «денационализации» эстонцев и латышей. Изменение политики в отношении остзейцев после вступления на престол Николая II историк объяснял тем, что этого «требовал дух нового времени» (*vom Geist der neuen Zeit gefordert wurden*)<sup>15</sup>. Непосредственные же причины этой перемены автор не раскрывал.

---

буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1901—1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1989. С. 10 ; *Krupnikov P.* Der Meinungskampf in der Publizistik Deutschlands über die sozialen und nationalen Probleme der Revolution von 1905 in Lettland // Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917 / hrsg. von A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Köln ; Wien, 1982. S. 181—183 ; *Garleff M.* Geschichtsschreibung der Neuzeit in den baltischen Provinzen 1870—1918 // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / hrsg. von G. von Rauch. Köln ; Wien, 1986. S. 267 ; *Pistohlkors G. von:* 1) Geschichtsschreibung und Politik: die Agrar- und Verfassungsproblematik in der deutschbaltischen Historiographie und Publizistik 1800—1918 // Ibid. S. 311—312 ; 2) «Russifizierung» und die Grundlagen der deutschbaltischen Russophobie // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. Jg. 25. S. 621 ; *Wittram R.* Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung // Zeitschrift für Ostforschung. 1971. Jg. 20. S. 612.

<sup>13</sup> *Pistohlkors G. von.* Geschichtsschreibung und Politik ... S. 311—312.

<sup>14</sup> *Tobien A. von.* Die Livländische Ritterschaft ...

<sup>15</sup> *Hehn J. von.* Die deutschbaltische Geschichtsschreibung 1918—1939/45 in Lettland // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. S. 375 ;

В отдельных случаях он преувеличивает влияние на правительственную политику лифляндского предводителя дворянства Ф. фон Мейендорфа. Так, согласно Тобину, решение Комитета министров 10.05.1905, которое позволило вновь открыть дворянские гимназии с немецким языком преподавания, было вынесено только благодаря своевременным и целенаправленным действиям предводителя<sup>16</sup>. Однако эта оценка не вполне верна.

Определяющее значение для решения школьного вопроса так, как того желало прибалтийско-немецкое дворянство, имели либерализация политического климата, перемены в национальной политике правительства, а также настроенность на реформы Комитета министров под председательством С. Ю. Витте после указа 19.12.1904. Только в силу всех этих обстоятельств деятельность Ф. фон Мейендорфа увенчалась успехом.

Кроме того, как сообщал 29.05.1905 германский консул в Риге В. Онесзайт канцлеру Б. фон Бюлову со ссылкой на самого Мейендорфа, добиться разрешения преподавать на немецком языке в частных учебных заведениях Прибалтики последнему удалось именно с помощью С. Ю. Витте<sup>17</sup>.

Необоснованны суждения А. фон Тобина о том, что правительство «похоронило» в своих архивах проекты реформ, разработанные остзейским дворянством и Особым совещанием при временном прибалтийском генерал-губернаторе<sup>18</sup>. Как показывают документальные материалы фондов Министерства внутренних дел и других центральных учреждений Российской империи, проекты Особого совещания использовались при подготовке правительственных проектов преобразований для Прибалтики.

Не остались без внимания соответствующих ведомств и проекты дворянства. При разработке правительственных реформ содержащиеся в них предложения в той или иной степени учитывались или же отклонялись. Причины отклонения, как правило, пояснялись в ведомственных записках. Однако неосведомленность А. фон Тобина о судьбе проектов реформ дворянства вполне понятна: законотворческая деятельность правительства оставалась скрытой от постороннего наблюдателя. К тому же документы, относившиеся к ней, Тобину не были доступны.

Исследование поднятой Тобином темы продолжил немецкий историк Г. фон Пистолькорс в трудах о политике остзейского дворянства. Его монография «Политика реформ рыцарства в период между русификацией

---

*Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» und die Grundlagen ... S. 620 ; *Tobien A. von.* Die Livländische Ritterschaft ... Bd. 1. S. 91, 269.

<sup>16</sup> *Tobien A. von.* Die Livländische Ritterschaft ... Bd. 1. S. 71—72, 301—302.

<sup>17</sup> Politische Archiv des Auswärtigen Amtes [= Политический архив Министерства иностранных дел ФРГ, Бонн]. Rußland 64. Bd. 4. Bl. 148. В делах Политического архива отсутствует пагинация, поэтому ссылки на листы даются условно.

<sup>18</sup> *Tobien A. von.* Die Livländische Ritterschaft ... Bd. 1. S. 273, 451.



и революцией» (Гёттинген, 1978) посвящена подготовке в 1905 г. лифляндским рыцарством реформы местного сословного самоуправления, проект которой был 12.11.1905 передан министру внутренних дел<sup>19</sup>.

В итоге Г. фон Пистолькорс пришел к выводу о том, что всю политическую деятельность дворянства определяло стремление сохранить руководящее положение в крае. Политика реформ рыцарства не была либеральной, так как цель предложенных им мер состояла исключительно в укреплении сословной системы. Неприятие рыцарством либерального образа мыслей, по мнению исследователя, и стало главной причиной краха созданной прибалтийским дворянством системы местного самоуправления<sup>20</sup>.

Наряду с немецкими историками и американские исследователи в своих работах рассматривали отдельные мероприятия правительства в Прибалтийских губерниях начала XX в. и, в частности, его религиозную и школьную политику<sup>21</sup>. В этих исследованиях правительственная политика конца XIX—начала XX в. в Прибалтике трактуется в свете концепций «модернизации» и «русификации». При этом под «модернизацией» понимается процесс, включавший в себя индустриализацию, урбанизацию, быстрый рост населения, улучшение технологий, развитие сети коммуникаций, а также рационализацию политической системы, который сопровождался «русификацией» — шовинистической политикой в области культуры.

М. Хэлтзел в своей монографии уделил основное внимание правительственным мероприятиям 1855—1905 гг., сократившим сферу сословного

---

<sup>19</sup> Pistohlkors G. von. Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen ; Frankfurt [Main] ; Zürich, 1978. На эту работу имеется рецензия: Духанов М., Ронис И. Признаки нового в изучении истории прибалтийско-немецкого дворянства в ФРГ // Германия и Прибалтика. Рига, 1983. С. 109—134.

<sup>20</sup> Pistohlkors G. von: 1) Ritterschaftliche Reformpolitik ... S. 24, 36, 213, 241, 244 ; 2) Die Deutschbalten — Probleme einer Oberschicht vor dem Ersten Weltkrieg // Pistohlkors G. von. Vom Geist der Autonomie : Aufsätze zur baltischen Geschichte / hrsg. von M. Garleff. Köln, 1995. S. 87.

<sup>21</sup> Haltzel M. Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands : ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905. Marburg ; Lahn, 1977 ; Baltic History / ed. A. Ziedonis, W. L. Winter, M. Valgemäe. Columbus, 1974 ; Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / ed. E. C. Thaden. Princeton, 1981 ; Henriksson A. The Tsar's Loyal Germans : the Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. New York, 1983. На эту работу имеется рецензия: Haltzel M. H. The Tsar's Loyal Germans. The Riga German Community: Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. By Anders Henriksson. East European Monographs, no. 131, Colo.: East European Quarterly, 1983. X. 218 pp. \$ 22.50 // Slavic Review. 1984. Vol. 43, nr 1. P. 107—108.

самоуправления прибалтийско-немецкого дворянства<sup>22</sup>. По мнению исследователя, «русификацию» (вернее было бы сказать преобразование) в Прибалтике во второй половине XIX в. необходимо рассматривать как часть крайне необходимой, охватившей всю Российскую империю модернизации и стандартизации государственного управления. Издержками же этого процесса явились «регрессивные» преобразования в сфере культуры.

Разделение правительственной политики на «модернизацию» (к ней отнесены прогрессивные реформы суда и администрации) и собственно «русификацию» вряд ли следует считать обоснованным, поскольку мероприятия правительства второй половины XIX в. представляли собой единый процесс, и именно как таковой их и следует рассматривать.

Спорно также утверждение исследователя о том, что правительство сознательно подорвало школьную систему, созданную в Прибалтийских губерниях Лютеранской церковью и остзейским дворянством. Правительство якобы сделало это с целью избавиться от конкуренции вводимую там «русскую» школу<sup>23</sup>. В действительности же реформа заменила старую («лютеранскую») школьную систему на новую общероссийскую. Рассуждения о каких-либо других причинах этой перемены не имеют под собой основания и лишь воспроизводят субъективные представления прибалтийско-немецких публицистов.

В целом работа Хэлтцела весьма содержательная, в особенности следует отметить разделы о религиозной и школьной политике правительства в Прибалтике во второй половине—конце XIX в. Обобщенный автором обширный фактический материал делает ее полезной при рассмотрении ряда вопросов этой политики.

«Русификации» Прибалтийских губерний и Финляндии в 1855—1914 гг. посвящен труд, опубликованный под общей редакцией американского историка Э. К. Тэдена. По мнению авторов этой работы, политика правительства в Остзейских губерниях не отличалась от его мероприятий в других регионах государства ни уникальностью, ни особенной жесткостью. Реформы суда и администрации конца XIX в. являлись частью модернизации империи, а менее целесообразная «русификация» образования и религии была типичной для «характера эпохи».

В целом «русификация» не имела разрушительных последствий — она не уничтожила культурную идентичность и не задержала процесс естественного социального и национального развития Прибалтийских

---

<sup>22</sup> Haltzel M. Der Abbau ... На этот труд опубликована рецензия: Pistohlkors G. von. Michael Haltzel : Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905 (Marburger Ostforschungen, Bd. 37.) Verlag J. G. Herder-Institut. Marburg/Lahn, 1977. 168 S. // Zeitschrift für Ostforschung. 1978. Jg. 27. S. 669—672.

<sup>23</sup> Haltzel M. Der Abbau ... S. 83, 125.

губерний. Напротив, эта политика сблизила население Прибалтики с жителями других регионов государства. Она принесла пользу эстонцам, латышам и прибалтийским немцам, обеспечив им не только безопасность и процветание, но и степень местного самоопределения. Несмотря на это, как пишут далее авторы, народам Прибалтики все же было невыгодно находиться в составе Российской империи<sup>24</sup>.

Оценку правительственной политики как «русификационной» критиковал Г. фон Пистолькорс. Обобщение мероприятий правительства в отношении суда, администрации и «бюрократии», а также в области культуры и церкви под понятием «русификация» исследователь считает неприемлемым. Термин «культурная русификация», по его мнению, также не подходит для характеристики правительственной политики<sup>25</sup>.

Как отмечает Пистолькорс, понятие «русификация» не является подходящим ни для определения общей политики правительства, ни для характеристики настроений части российского общества и прессы. Оно появилось в прибалтийско-немецкой публицистике под влиянием К. Ширрена и его «Лифляндского ответа» и было некритически заимствовано последующей исторической литературой, в частности историками Р. Виттрамом и Х. Ротфельсом в их фундаментальных трудах.

Понятие «русификация», появившись в политических дискуссиях конца XIX в., несет на себе их полемическую заостренность и в силу этого, не отражая сущности явления, не может употребляться как научно-аналитическое понятие. Пистолькорс предлагает использовать этот термин только в том случае, если необходимо подчеркнуть страхи, существовавшие у определенных групп<sup>26</sup>.

Среди прочего Г. фон Пистолькорс указывал на несбалансированность структуры рассматриваемого труда. Так, наряду со статьями о прибалтийских немцах, эстонцах и латышах в нем имеются разделы о российском правительстве и Финляндии. При этом отсутствует общая статья о Прибалтийских губерниях, которая создала бы необходимую для дальнейшего изложения основу. Такая группировка материала не вполне продумана и затрудняет восприятие исторического контекста<sup>27</sup>.

---

<sup>24</sup> *Haltzel M.* The Baltic Germans // *Russification ...* P. 179; Epilogue // *Ibid.* P. 463.

<sup>25</sup> *Pistohlkors G. von:* 1) Regionalismus als Konzept der baltischen Geschichte: Überlegungen zum Stand der Geschichtsschreibung über die baltischen Provinzen Rußlands im 19. Jahrhundert // *Pistohlkors G. von.* Vom Geist ... S. 34, 41; 2) «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1984. Jg. 33. S. 604—605.

<sup>26</sup> *Schirren C.* Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869; *Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen ... S. 605.

<sup>27</sup> *Pistohlkors G. von:* 1) Regionalismus ... S. 35; 2) «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen ... S. 601.

Следует также добавить замечания относительно источниковой базы работы. В ней использованы всего лишь два фонда РГИА (ранее — ЦГИА) — «Паленов» и «Коллекции печатных записок». Последний фонд является случайной подборкой документов и потому не дает полного представления о политике правительства, в то время как фонды Комитета и Совета министров, Министерства внутренних дел, Департамента народного просвещения и других ведомств, отражающие формирование и, отчасти, осуществление правительственной политики в Прибалтийских губерниях, не были привлечены к исследованию.

Свое основное внимание исследователи сосредоточили на мероприятиях правительства в крае второй половины—конца XIX в., которые детально рассмотрены, в то же время его политика в 1900—1914 гг. освещена в работе слабо. Вместе с тем, несмотря на высказанные замечания, этот труд весьма содержателен и полезен для анализа правительственной политики в Прибалтийских губерниях.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что в исторической литературе в целом рассмотрена подготовка правительством церковно-приходской, земской, фидеикомиссной и аграрных реформ для Прибалтики. При этом значительно меньшее внимание в ней уделялось правительственной политике по отношению к прибалтийско-немецкой школе и разработке ее преобразования в период с 1907 по февраль 1917 г. В то же время подготовка реформы остзейских дворянских организаций, преобразования высших административных органов Евангелическо-лютеранской церкви, разработанного в 1916 г., введения русского языка в делопроизводство, а также инициативы прибалтийско-немецкого дворянства по укреплению дворянского землевладения в Прибалтике в начале XX в. в историографии не освещались вообще и вместе с рядом других вопросов впервые были рассмотрены в работах автора данной статьи.

Правительственную политику в Прибалтийских губерниях конца XIX—начала XX в., в том числе политику реформаторскую, исследователи в течение длительного времени анализировали с различных позиций — с точки зрения классового подхода, концепций «русификации» и «модернизации». Между тем в последнее время в историографии наметилась тенденция к более объективному, деидеологизированному взгляду на содержание этой политики.

## РЕЗЮМЕ

В статье анализируется историческая литература, посвященная подготовке правительственных реформ для Прибалтийских губерний Российской империи в начале XX в. В ней рассматриваются работы российских, зарубежных и прибалтийско-немецких исследователей по этому вопросу, выявляются степень его изученности и представленные в историографии

концепции реформаторской политики правительства в Прибалтике в указанный период. Особое внимание, в частности уделено «модернизационной» и «руссификационной» концепциям этой политики, а также современному состоянию исследований по проблеме правительственных реформ в Прибалтийских губерниях в начале XX в.

#### SUMMARY

The historical literature, devoted to the elaboration of governmental reforms for the Baltic governments of Russian Empire at the Beginning of the 20<sup>th</sup> century, are analyzed. The studies of Russian, foreign and Baltic-Germans researchers on this question are considered, the level of its scrutiny and conceptions of governmental reformatory policy in the Baltic at the Beginning of the 20<sup>th</sup> century represented in historiography are revealed. Particular attention is giving to the «modernization» and «Russification» conceptions of this policy and also to the modern studies of the governmental reforms problem in the Baltic governments at the Beginning of the 20<sup>th</sup> century.

#### КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Прибалтийские губернии, реформы начала XX в., подготовка правительственных реформ для Прибалтики, русификация, модернизация, национальная политика, прибалтийские немцы, остзейское дворянство, реформаторская политика, аграрные реформы, церковная реформа, школьная реформа, Лютеранская церковь, историография.

#### KEYWORDS

Baltic governments, reforms at the Beginning of the 20<sup>th</sup> century, elaboration of governmental reforms for the Baltic, Russification, modernization, national policy, Baltic Germans, Baltic-Germans nobility, the reformatory policy, agrarian reforms, church reform, school reform, Lutheran church, historiography.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

*Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

*Андреева Н. С.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44—61.

*Андреева Н. С.* К вопросу о реформе лютеранского прихода в Прибалтийских губерниях в начале XX в. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX вв. : сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 305—313.

*Андреева Н. С.* Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 103—111.

*Андреева Н. С.* К вопросу о «русификации» немецкой школы Прибалтийских губерний // Политика. Общество. Человек : К 85-летию доктора исторических наук, профессора А. З. Ваксера. СПб., 2008. С. 11—26.

*Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» в реформаторских планах правительства (1900—февраль 1917 г.) // Исторические записки. 2009. № 12 (130). С. 203—217.

*Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900—февраль 1917 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

*Витте С. Ю.* Воспоминания : в 3 т. М., 1960. Т. 3.

*Гарлефс М.* К вопросу о немецко-прибалтийской историографии (1860—1914) // Германия и Прибалтика / под ред. М. М. Духанова. Рига, 1983. С. 91—102.

*Духанов М. М.* Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50—70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. Рига, 1978.

*Духанов М. М., Ронис И.* Признаки нового в изучении истории прибалтийско-немецкого дворянства в ФРГ // Германия и Прибалтика. Рига, 1983. С. 109—134.

*Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905—1917 гг. Таллин, 1987.

*Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1983.

*Карьяхярм Т.* Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914—1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914—1924). М., 2002. С. 48—59.

*Карьяхярм Т.* Совет Министров царской России о прибалтийском земстве в 1916 г. // Германия и Прибалтика. Рига, 1988. С. 49—56.

*Кивимяэ С. К.* Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале XX в. // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики : доклады ист. конф., 28—30 ноября 1978 г. Тарту, 1978. С. 125—141.

*Кивимяэ С. К.* Крупное землевладение в Эстляндской губернии в конце XIX—начале XX в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975. С. 253—278.

*Кивимяэ С. К.* Столыпинская аграрная реформа в Прибалтике : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1981.

*Лаул Э., Сирк В.* Подготовка учителей в Эстонии в эпоху капитализма (до 1917 г.) // Проблемы подготовки учителей в истории развития народного образования в Прибалтике / под ред. Л. И. Жукова. Рига, 1981. С. 48—67.

*Лебедев С. К.* Новая книга по истории национальных отношений в Российской империи : Актуальный пример государственно-политического контекста реформ : рец. на кн.: Н. С. Андреева. Прибалтийские немцы

и российская правительственная политика в начале XX в. — СПб.: Издательский дом «Мирь», 2008. — 312 С. // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 2. Вып. 1. С. 159—162.

*Лийм А. К.* Школа и просвещение в Эстонии в начале XX в. (до Февральской революции 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1971.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX—начало XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. М., 1991.

*Розенберг Т.* О социальном расслоении крестьянства в южной Эстонии в конце XIX в. Таллин, 1980.

*Ронис И. Э.* Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1901—1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. н. Таллинн, 1989.

*Andreeva N. S.* Die «baltische Frage» und die Reformpolitik der Regierung in den Ostseeprovinzen zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) / hrsg. von K. Brüggemann, B. D. Woodworth. Köln, 2012. S. 243—285.

The Baltic Countries 1900—1914 : Proceedings from The 9<sup>th</sup> Conference on Baltic Studies in Scandinavia / ed. A. Loit. Stockholm, 1990.

Baltic History / ed. A. Ziedonis, W. L. Winter, M. Valgemäe. Columbus, 1974.

Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917 / hrsg. von A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Köln ; Wien, 1982.

Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Rußlands 1850—1914 / hrsg. von G. von Pistohlkors, A. Plakans, P. Kaegbein. Lüneburg, 1995.

Estland und seine Minderheiten : Esten, Deutsche und Russen im 19. und 20. Jahrhundert. Lüneburg, 1995.

Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / hrsg. von G. von Rauch. Köln ; Wien, 1986.

*Haltzel M.* Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands: ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905. Marburg ; Lahn, 1977.

*Haltzel M.* The Tsar's Loyal Germans. The Riga German Community: Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. By Anders Henriksson. East European Monographs, no. 131, Colo.: East European Quarterly, 1983. X. 218 pp. \$ 22.50 // Slavic Review. 1984. Vol. 43, nr 1. P. 107—108.

*Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans : the Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. New York, 1983.

*Kiverik I.* Наталья Андреева: Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века [= Die Deutschbalten und die russländische Regierungspolitik zu Beginn des 20. Jahrhunderts]. Verlag

Миръ. Sankt Petersburg 2008. 312 S. ISBN 785988460343 // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Nr. 4. S. 334—341.

*Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» und die Grundlagen der deutsch-baltischen Russophobie // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. Jg. 25. S. 618—631.

*Pistohlkors G. von.* Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen ; Frankfurt [Main] ; Zürich, 1978.

*Pistohlkors G. von.* Vom Geist der Autonomie : Aufsätze zur baltischen Geschichte / hrsg. von M. Garleff. Köln, 1995.

*Pistohlkors G. von.* Michael Haltzel: Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905 (Marburger Ostforschungen, Bd. 37.) Verlag J.G. Herder-Institut. Marburg/Lahn, 1977. 168 S. // Zeitschrift für Ostforschung. 1978. Jg. 27. S. 669—672.

*Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. Jg. 33. S. 592—606.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / ed. E. C. Thaden. Princeton, 1981.

*Schirren C.* Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869.

*Tobien A.* Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Berlin ; Riga, 1899—1911. Bd. 1—2.

*Tobien A.* Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Riga ; Berlin, 1925—1930. Bd. 1—2.

[*Transe-Roseneck A. von.*] Die lettische Revolution. Berlin, 1906—1908. Bd. 1—2.

*Wittram R.* Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung // Zeitschrift für Ostforschung. 1971. Jg. 20. S. 601—640.

## REFERENCES

*Andreeva N. S.* «Ostzejskij vopros» v politike Rossijskoj imperii (1900—fevral' 1917 g.) : dis. ... d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2010.

*Andreeva N. S.* «Ostzejskij vopros» v reformatorskijh planah pravitel'stva (1900—fevral' 1917 g.) // Istoricheskie zapiski. 2009. Nr 12 (130). S. 203—217.

*Andreeva N. S.* Die «baltische Frage» und die Reformpolitik der Regierung in den Ostseeprovinzen zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. bis 20. Jahrhundert) / hrsg. von K. Brüggemann, B. D. Woodworth. Köln, 2012. S. 243—285.

*Andreeva N. S.* K voprosu o «rusifikazii» nemezkoj shkoly Pribaltijskijh gubernij // Politika. Obščestvo. Tščelovek : K 85-letiju doktora istoričeskijh nauk, professora A. Z. Vaxera. St. Petersburg, 2008. S. 11—26.



*Andreeva N. S.* K voprosu o reforme ljuoteranskogo prihoda v Pribaltijskih gubernijah v nachale XX v. // Otechestvennaja istorija i istoričeskaja mysl' v Rossii XIX—XX vv. : sb. statej k 75-letiju A. N. Zamutali. St. Petersburg, 2006. S. 305—313.

*Andreeva N. S.* Pribaltijskie nemzy i rossijskaja pravitel'stvennaja politika v nachale XX v. St. Petersburg, 2008.

*Andreeva N. S.* Pribaltijsko-nemezkoje dvorjanstvo i politika rossijskogo pravitel'stva v nachale XX v. // Voprosy istorii. 2008. Nr 1. S. 103—111.

*Andreeva N. S.* Status nemezckogo dvorjanstva v Pribaltike v nachale XX v. // Voprosy istorii. 2002. Nr 2. S. 44—61.

Baltic History / ed. A. Ziedonis, W. L. Winter, M. Valgemäe. Columbus, 1974.

Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Rußlands 1850—1914 / hrsg. von G. von Pistohlkors, A. Plakans, P. Kaegbein. Lüneburg, 1995.

Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917 / hrsg. von A. Ezergailis, G. von Pistohlkors. Köln ; Wien, 1982.

*Duhanov M. M.* Ostzejcy : Politika ostzejskogo dvorjanstva v 50—70-h gg. i kritika ee apologetičeskoj istoriografii. Riga, 1978.

*Duhanov M. M., Ronis I.* Priznaki novogo v izuščeenii istorii pribaltijsko-nemezckogo dvorjanstva v FRG // Germanija i Pribaltika. Riga, 1983. S. 109—134.

Estland und seine Minderheiten : Esten, Deutsche und Russen im 19. und 20. Jahrhundert. Lüneburg, 1995.

*Garleff M.* K voprosu o nemezko-pribaltijskoj istoriografii (1860—1914) // Germanija i Pribaltika / pod red. M. M. Duhanova. Riga, 1983. S. 94.

Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / hrsg. von G. von Rauch. Köln ; Wien, 1986.

*Haltzel M.* Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands: ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905. Marburg ; Lahn, 1977.

*Haltzel M.* The Tsar's Loyal Germans. The Riga German Community: Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. By Anders Henriksson. East European Monographs, no. 131, Colo.: East European Quarterly, 1983. X. 218 pp. \$ 22.50 // Slavic Review. 1984. Vol. 43, nr 1. P. 107—108.

*Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans : the Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855—1905. New York, 1983.

*Kar'jahaerm T.* Estonskaja burjuazija i samoderjavie v 1905—1917 gg. : diss. ...d-ra ist. nauk. Tallin, 1983.

*Kar'jahaerm T.* Estonskaja burjuazija, samoderjavie i dvorjanstvo v 1905—1917 gg. Tallin, 1987.

*Kar'jahaerm T.* Popytki reform mestnogo upravljenija v Pribaltike v 1914—1916 gg. // Rossija i Baltija: epoha peremen (1914—1924). Moskva, 2002. S. 48—59.

*Kar'jahaerm T.* Sovet Ministrov zarskoj Rossii o pribaltijskom zemstve v 1916 g. // Germanija i Pribaltika. Riga, 1988. S. 49—56.

*Kiverik I.* Наталья Андреева: Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века [= Die Deutschbalten und die russländische Regierungspolitik zu Beginn des 20. Jahrhunderts]. Verlag Mip'ь. Sankt Petersburg 2008. 312 S. ISBN 785988460343 // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Nr. 4. S. 334—341.

*Kivimjæ S. K.* Agrarnaja politika zarizma v Pribaltike v nachale XX veka // Problemy razvitija social'no-jekonomičeskikh formacij v stranah Baltiki : doklady ist. konf., 28—30 nojabrja 1978 g. Tartu, 1978. S. 125—141.

*Kivimjæ S. K.* Krupnoe zemlevladienie v Estljandskoj gubernii v konce XIX—nachale XX v. // Problemy razvitija feodalizma i kapitalizma v stranah Baltiki. Tartu, 1975. S. 253—278.

*Kivimjæ S. K.* Stolypinskaja agrarnaja reforma v Pribaltike : aftoref. diss. ... kand. ist. nauk. Tallin, 1981.

*Laul E., Sirk V.* Podgotovka uchitelej v Estonii v epohu kapitalizma (do 1917 g.) // Problemy podgotovki uchitelej v istorii razvitija narodnogo obrazovanija v Pribaltike / pod red. L. I. Zhukova. Riga, 1981. S. 48—67.

*Lebedev S. K.* Novaja kniga po istorii nazional'nyh otnoshenij v Rossijskoj imperii : Aktual'nyj primer gosudarstvenno-političeskogo konteksta reform: rez. na kn. N. S. Andreeva. Pribaltijskie nemcy i rossijskaja pravitel'stvennaja politika v nachale XX v. — SPb.: Izdatel'skij Dom «Mir». 2008. — 312 S. // Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. 2011. Ser. 2. Vyp. 1. S. 159—162.

*Liim A. K.* Shkola i prosvetschenie v Estonii v nachale XX v. (do Fevral'skoj revoljuzii 1917 g.) : aftoref. diss. ... kand. ist. nauk. Tartu, 1971.

Očerki istorii shkoly i pedagogičeskoj mysli narodov SSSR. Konez XIX—nachalo XX v. / pod red. E. D. Dneprova, S. F. Egorova, F. G. Panachina, B. K. Tebieva. Moskva, 1991.

*Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. Jg. 33. S. 592—606.

*Pistohlkors G. von.* «Russifizierung» und die Grundlagen der deutschbaltischen Russophobie // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. Jg. 25. S. 618—631.

*Pistohlkors G. von.* Michael Haltzel: Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik 1855—1905 (Marburger Ostforschungen, Bd. 37.) Verlag J.G. Herder-Institut. Marburg/Lahn, 1977. 168 S. // Zeitschrift für Ostforschung. 1978. Jg. 27. S. 669—672.

*Pistohlkors G. von.* Ritterschaftliche Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution. Göttingen ; Frankfurt [Main] ; Zürich, 1978.

*Pistohlkors G. von.* Vom Geist der Autonomie : Aufsätze zur baltischen Geschichte / hrsg. von M. Garleff. Köln, 1995.

*Ronis I. E.* Liberal'no-burjuaznyj lager' v Latvii v period burjuazno-demokracičeckih revoljuzij 1901—1917 gg. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Tallin, 1987.

*Rosenberg T.* O sozial'nom rassloenii krest'janstva v južnoj Estonii v konze XIX v. Tallin, 1980.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / ed. E. C. Thaden. Princeton, 1981.

*Schirren C.* Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869.

The Baltic Countries 1900—1914 : Proceedings from The 9<sup>th</sup> Conference on Baltic Studies in Scandinavia / ed. A. Loit. Stockholm, 1990.

*Tobien A.* Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Berlin ; Riga, 1899—1911. Bd. 1—2.

*Tobien A.* Die Livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus. Riga ; Berlin, 1925—1930. Bd. 1—2.

[*Transee-Roseneck A. von*]. Die lettische Revolution. Berlin, 1906—1908. Bd. 1—2.

*Vitte S. Ju.* Vospominanija : v 3 t. Moskva, 1960. T. 3.

*Wittram R.* Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung // Zeitschrift für Ostforschung. 1971. Jg. 20. S. 601—640.

---

*Н. В. РОДИН*

**К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВОИНСКИХ  
ЗАХОРОНЕНИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ  
(НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДА)**

Для исследования участия России в Великой войне 1914—1918 гг. отечественными и зарубежными историками проделан большой объем работы. Особенно в последние несколько лет, в связи со 100-летним юбилеем начала этого грандиозного военного конфликта, наблюдается настоящий историографический прорыв. Увидела свет фундаментальная трехтомная энциклопедия «Россия в Первой мировой войне»<sup>1</sup>, над созданием которой трудились более 190 исследователей. Институт всеобщей истории РАН совместно с Российской ассоциацией историков Первой мировой войны выпустили энциклопедический словарь «Первая мировая война»<sup>2</sup>. Ведущие отечественные научно-исследовательские и учебные центры, а также архивы подготовили коллективные монографии и сборники источников<sup>3</sup>. В России, странах ближнего и дальнего

---

<sup>1</sup> Россия в Первой мировой войне, 1914—1918 : энцикл. : в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Полит. энцикл., 2014.

<sup>2</sup> Первая мировая война : энцикл. словарь / Институт всеобщей истории РАН ; рук. проекта акад. А. О. Чубарьян ; отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М. : Весь мир, 2014.

<sup>3</sup> См., например: Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. / рук. проекта акад. Б. В. Ананьич. СПб. : Лики России, 2014. Т. 1 : Политическая история / отв. ред. И. В. Лукоянов ; Т. 2 : Народное хозяйство и экономическая политика / отв. ред. С. К. Лебедев ; Т. 3 : Февральская революция / отв. ред. Р. Ш. Ганелин ; Россия в стратегии Первой мировой войны : в 2 кн. / рук. проекта И. Н. Новикова. СПб. : РХГА, 2014. Кн. 1 : Россия в стратегии Антанты / под ред. А. Ю. Павлова ; Кн. 2 : Россия в стратегии Центральных держав / под ред.

зарубежья прошли десятки научных конференций, посвященных проблемам Восточного фронта. В научных периодических изданиях опубликованы сотни статей, изданы десятки монографических исследований.

Вместе с тем в истории участия России в Первой мировой войне остается ряд малоизученных аспектов. К таковым можно отнести проблему организации воинских захоронений на фронте и в тылу Российской империи. Разработка этой проблемы с научной точки зрения имеет большое значение, так как в условиях тотальной войны и колоссальных людских потерь задача организации воинских захоронений приобретает в жизни страны исключительный вес. Решение этой задачи ложится как на плечи государственной власти, так и общества, в этой связи исследуется их взаимодействие. Трудно игнорировать проблему устройства воинских захоронений (культуру смерти) при изучении отечественной культуры периода Первой мировой войны. Организация захоронений на фронте и в тылу является предметом для исследования истории повседневности. Наконец, некрополистика является самостоятельной вспомогательной исторической дисциплиной, позволяющей ученым решать различные научные проблемы.

Актуальность исследования воинских некрополей в настоящее время приобретает особое значение, поскольку в фокус внимания историка все чаще попадает человек, его жизнь и его смерть. Обращение к источникам по истории захоронений ценно в первую очередь тем, что в научный оборот вводится новый материал — в частности, полезный для биографических исследований: обстоятельства гибели и захоронения представителей военной элиты Российской империи, личности которых становятся объектом исследования историков. Кроме того, на основании данных этих источников может быть проанализировано санитарно-эпидемиологическое состояние действующей армии и тыловых гарнизонов. Работа с ними позволит специалистам подготовить книги памяти, «воскресив» имена огромного количества рядовых участников войны, умиравших на фронте и в тылу, чьи могилы, по большей части, безвозвратно утрачены.

Цель настоящей статьи — кратко описать основные группы источников по истории воинских захоронений Первой мировой войны (на примере Петрограда) и проанализировать одну из важнейших групп источников.

---

И. Н. Новиковой, Н. А. Власовой ; Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914—1918 : в 4 т. М. : Полит. энцикл., 2014. (Первая мировая. Великая. 1914—1918). Т. 1 : Эволюция взглядов / отв. ред. В. В. Журавлев ; Т. 2 : Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников ; Т. 3 : Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / отв. ред. С. В. Шелохаев ; Т. 4 : Демократия «страны нарушенного равновесия» / отв. ред. А. П. Ненароков ; Свет и тени Великой войны / сост. А. В. Репников, Е. Н. Рудая, А. А. Иванов. М. : РОССПЭН, 2014 ; Первая мировая: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К. А. Пахалюка. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014.

Выделим следующие группы источников по интересующей нас проблеме: делопроизводственные документы, источники личного происхождения, материалы периодической печати, фотодокументы, вещественные, документы кладбищ и храмов различных конфессий.

Делопроизводственные документы отложились в фондах ГА РФ, РГВИА, РГИА, ЦГИА СПб. К ним в первую очередь относится официальная переписка государственных и общественных учреждений по вопросам организации воинских захоронений, финансированию этих мероприятий и сопутствующим обстоятельствам.

Источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма) представляют для исследователя серьезную ценность благодаря тому, что в них можно почерпнуть множество бытовых деталей, постараться понять психологические особенности эпохи: например, отношение к смерти в некоторых воинских подразделениях русской императорской армии, отношение к телам павших солдат и офицеров. В то же время надо иметь в виду, что источники личного происхождения могут содержать в себе субъективные оценки и неточности, поэтому информацию из них необходимо верифицировать по другим типам источников.

Материалы периодической печати — газет и журналов времен Первой мировой войны богаты полезной для исследователя информацией. Так, в газете «Новое время» в годы Первой мировой войны постоянно публиковались траурные сообщения о гибели офицеров и некоторых нижних чинов на фронте, о прибытии их тел в Петроград, о панихидах и похоронах. Пресса уделяла внимание вопросу организации Петроградского братского кладбища, появлялись заметки о его состоянии. Иногда публиковались заметки-некрологи, посвященные отдельным комбатантам.

Весьма популярная в начале XX в. фотография также является важным источником. На фотодокументах (негативах и позитивах), которые хранятся в фондах Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, в Фотоотделе научного архива ИИМК РАН и в других государственных и частных архивах, запечатлены сюжеты, связанные с рассматриваемой проблемой: траурные процессии, надгробные мемориалы, братские кладбища, склепы полковых церквей. В некоторых случаях фотография позволяет установить полезную информацию: надпись на венке или надгробии, место съемки, лиц, запечатленных на снимке.

К вещественным источникам следует отнести сохранившиеся надгробные памятники. Несмотря на советские годы потерь для петербургского некрополя, в ходе которых некоторые кладбища были полностью уничтожены (Митрофаниевское православное, Митрофаниевское лютеранское, Малоохтинское православное, Тентелевское, Фарфоровское, Выборгское католическое, Успенское в селе Александровском), на части исторических кладбищ бывшей столицы Российской империи все-таки

еще остались надгробья периода Великой войны 1914—1918 гг. Так, на Смоленском православном кладбище поисковой группой мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое Дело» обнаружено около 30 офицерских надгробий. Как правило, надписи на них весьма информативны, они содержат данные о чине, месте службы, дате рождения и гибели (или о возрасте). Иногда на памятнике указывалось и место гибели (название реки, деревни, фольварка, города). Примечательны указания на принадлежность к Георгиевским кавалерам, а также сведения о причине и обстоятельствах смерти: «Геройски пал в бою», «Умер от ран, полученных в сражении» и т. д. Некоторые надгробные надписи представляют собой фактически краткие послужные списки, поскольку содержат сведения о том, в каком кадетском корпусе и училище служил почивший офицер.

Очень важными источниками являются метрические книги и кладбищенская документация, так как именно в них содержатся сведения о смерти и захоронении конкретных людей. Опыт воинского некрополя Петрограда особенно примечателен тем, что источники позволяют проследить вклад представителей разных конфессий в военные усилия России. Не вызывает сомнения тот факт, что основная масса потерь России приходится на православных комбатантов, составлявших абсолютное большинство населения России и пропорционально представленных в рядах ее вооруженных сил. Но в Петрограде умирали (или были привезены для погребения) также лютеране, католики, старообрядцы, армяно-григориане, мусульмане, иудеи, буддисты, сектанты и язычники. Задача добросовестного историка — постараться установить и их имена. В этом могут помочь дела из следующих фондов ЦГИА СПб: Ф. 2295 (Коллекция метрических книг старообрядческих церквей), Ф. 2294 (Коллекция метрических книг евангелическо-лютеранских церквей), Ф. 347 (Петроградская римско-католическая церковь Св. Екатерины), Ф. 2296 (Коллекция метрических книг армянский церквей г. Петербурга), Ф. 422 (Петроградская хоральная синагога), Ф. 2293 (Коллекция метрических книг мусульманских приходов Петрограда и Кронштадта). Если метрические книги как исторический источник уже подвергались специальному анализу<sup>4</sup>, то документы кладбищ до сих пор остаются малоизученными.

Говоря о кладбищенских источниках, нужно в первую очередь затронуть проблему их сохранности. Надо сказать, что до сих пор не установлено точное количество кладбищ, которые действовали в Петрограде в годы Первой мировой войны. Можно ориентироваться на список из справочника «Весь Петроград на 1917 год», который насчитывает 32 кладбища (включая некоторые некрополи, которые находились за официальной

---

<sup>4</sup> См., например: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII—начала XX в. М., 2006.

границей города)<sup>5</sup>. В настоящее время в ЦГИА СПб есть только 10 фондов петербургских (петроградских) кладбищ: Ф. 373 (Волковское евангелическо-лютеранское кладбище), Ф. 452 (Смоленское евангелическо-лютеранское кладбище), Ф. 455 (Городское Преображенское кладбище), Ф. 457 (Смоленское православное кладбище), Ф. 639 (Кладбище Петроградского Воскресенского женского монастыря), Ф. 640 (Православное Митрофаньевское кладбище), Ф. 641 (Большеохтинское православное Георгиевское кладбище), Ф. 642 (Петроградское городское Успенское кладбище (близ станции Парголово), Ф. 643 (Волковское православное кладбище), Ф. 1023 (Городское еврейское Преображенское кладбище). Таким образом, менее 1/3 действовавших в Петрограде кладбищ имеют в настоящее время свои фонды. Правда, к этому следует добавить, что, например, сведения о захоронениях в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни и на кладбищах Александро-Невской лавры (Лазаревском, Тихвинском и Никольском) отложились в фондах этих монастырей (соответственно: ЦГИА СПб. Ф. 1883; РГИА. Ф. 815). Утешением для некрополистов может служить тот факт, что уцелели документы самых крупных кладбищ Петрограда: Преображенского, Успенского, Смоленского православного, Митрофаниевского православного, Большеохтинского Георгиевского, Волковского православного.

Для исследователей воинского некрополя значительный интерес представляют документы Преображенского и Успенского кладбищ, так как еще в 80-е гг. XIX в. на территории этих некрополей были организованы военные отделы для захоронения чинов гвардии и Петербургского военного округа, вскоре фактически ставшие самостоятельными кладбищами. В марте 1915 г. на свободном участке Преображенского кладбища начало функционировать Петроградское братское кладбище, на котором и была погребена основная часть умиравших в столице комбатантов (за первые 17 месяцев было погребено 5247 человек<sup>6</sup>). Погребения на Преображенском кладбище регистрировались несколькими видами документов: ведомостями о погребенных<sup>7</sup>, книгами для записи умерших<sup>8</sup>, алфавитами умерших<sup>9</sup>.

Ведомости о погребенных представляют собой типографскую таблицу следующего формата<sup>10</sup> (табл. 1).

---

<sup>5</sup> Городские и пригородные кладбища // Весь Петроград на 1917 год : адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг., 1916]. Отд. 1. Стб. 434—436.

<sup>6</sup> ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 673. Л. 5.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 455. Оп. 1. Д. 238—243, 249, 250, 256, 257, 261—264.

<sup>8</sup> Там же. Д. 244, 245, 251—254, 258, 259, 265, 266, 268, 269.

<sup>9</sup> Там же. Д. 247, 248.

<sup>10</sup> Здесь и далее названия граф таблиц приведены в соответствие с нормами современной орфографии.



**Образец ведомости о погребенных на Петроградском  
городском Преображенском кладбище**

Счет умерш.		Месяц и число		Звание, имя, отчество и фамилия умерших	Лета		От чего умерли	По какому свидетельству погребены	Кто совершал погребение
Муж.	Жен.	Смерт.	Погр.		Муж.	Жен.			

Такие ведомости заполнялись от руки, на основании данных документов покойника, представленных в кладбищенскую контору. В них записывалось полное имя умерших (с указанием отчества). Под «званием» нужно понимать и род занятий, и сословную принадлежность. В случае с военными указывались чин (воинское звание для нижних чинов) и, если оно было известно заполнявшему ведомость, место службы. В графе «От чего умерли» указывалась причина смерти. Эти данные зачастую дают полезные сведения: о самоубийствах, заразных и незаразных заболеваниях, позволяя отличить фронтовика от воина, умершего в тылу. Не всегда был известен и соответственно не всегда указывался возраст («лета») умерших. В ходе анализа ведомостей, охватывающих период с 19 июля по 31 декабря 1914 г., нами было выявлено 11 воинских чинов из 2576 погребенных человек за второе полугодие 1914 г.<sup>11</sup> В трех случаях из 11 возраст умерших в ведомости не указан<sup>12</sup>. Такое незначительное количество умерших воинов свидетельствует о том, что большую их часть регистрировали специальные ведомости Военного отдела Преображенского кладбища, которые за 1914 г. не сохранились, а в общую ведомость, очевидно, попали те, кого по каким-то причинам хоронили не в Военном отделе. В графу «По какому свидетельству погребены» заносились сведения о представленных документах. По закону это была, как правило, метрическая выписка, данная священнослужителем той церкви, где была зарегистрирована смерть (не обязательно там, где фактически проходил обряд отпевания) или копия медицинского свидетельства о смерти, заверенная полицией. Если речь шла о перезахоронении тела, ранее погребенного на другом кладбище, то в качестве погребального документа фигурировал открытый лист представителя исполнительной власти (чаще

<sup>11</sup> Подсчитано по: ЦГИА СПб. Ф. 455. Оп. 1. Д. 239—243.

<sup>12</sup> Там же. Д. 239. Л. 64 об.—65; Д. 240. Л. 62 об.—63; Д. 243. Л. 52 об.—53.

губернатора, градоначальника или их товарищей (заместителей)) той местности, где состоялось первое захоронение. Графа «Кто совершал погребение» в ведомостях указанного периода оставалась пустой. Заметим, что формат такой ведомости очень близок по своей структуре третьей части («О умерших») православной метрической книги начала XX в. Их объединяет и общий недостаток — отсутствие четкой топографической привязки к месту захоронения. Такого же формата ведомости о погребенных использовались, например, и на Смоленском православном кладбище<sup>13</sup>, и на Большеохтинском Георгиевском православном кладбище<sup>14</sup>.

Книги для записи умерших существенно отличаются от ведомостей о погребенных. В этих типографских таблицах насчитывается 14 граф. Заполнялись они не в кладбищенской конторе, а на приемных станциях как Успенского, так и Преображенского кладбищ, откуда отправлялись траурные поезда, перевозившие гробы с телами покойников. В фондах обоих кладбищ отложились одинаковые по формату книги для записи умерших<sup>15</sup>. Широкоформатная таблица помещалась на двух листах (на развороте) книги (табл. 2).

*Таблица 2*

**Образец книги для записи умерших приемных станций  
Преображенского и Успенского кладбищ**

СЧЕТ УМЕРШИХ		Когда доставлены на приемную станцию	Имя, отчество и фамилия умерших	Вероисповедание	Отпет или не отпет.	Возраст умерших	Звание и ремесло
Мужчин	Женщин						

*Продолжение табл. 2*

Откуда доставлен умерший или место его жительства	Болезнь, от которой умер	День смерти	Какие документы получены для захоронения	Когда отправлены на кладбище	В каком отделе и отделении захоронен и № могилы

<sup>13</sup> См., например: ЦГИА СПб. Ф. 457. Оп. 1. Д. 142—149.

<sup>14</sup> См., например: Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 84, 85, 87, 89.

<sup>15</sup> См., например: Там же. Ф. 455. Оп. 1. Д. 244, 245; Ф. 642. Оп. 1. Д. 29, 30.

В этих книгах записывались уже только имена и фамилии (без отчеств)<sup>16</sup>. Зато появляется важная графа, по которой можно установить вероисповедание умерших, в том числе военнопленных<sup>17</sup>. Для военного историка представляет интерес графа «Откуда доставлен умерший или место его жительства», по сведениям которой можно узнать — в каком именно лечебном заведении скончался тот или иной чин, чтобы затем обратиться к документации указанного учреждения. К сожалению, последняя графа книги в случае с военными, как и ведомость о погребенных, не дает информации о точном месте захоронения. Мы проанализировали данные таких книг о доставке на приемную станцию Преображенского кладбища с 24 июля по 19 октября 1914 г. За этот период нами выявлено 118 воинских чинов (включая отставных)<sup>18</sup>. Только в двух случаях из 118 дано точное указание на номера отдела, отделения и могилы<sup>19</sup>. В одном указан Воскресенский отдел (без уточнения отделения и могилы)<sup>20</sup>. Во всех остальных случаях в этой графе фигурирует лишь аббревиатура «ВО», которая расшифровывается как «военный отдел». Дело в том, что точная топографическая регистрация воинских захоронений велась специальным документом, в котором уже указывалось и отделение, и номер могилы. Такие данные, в частности, присутствуют в алфавите братского воинского кладбища за 1915—1916 гг.<sup>21</sup> Впрочем, план, с которым можно было бы соотнести номера могил воинских захоронений, нами пока не выявлен. Возможно, что он утрачен.

Невелика информативная ценность алфавита умерших Преображенского кладбища, который имеет следующую структуру (табл. 3).

*Таблица 3*

**Алфавит умерших (доставленных на Преображенское кладбище)**

Время (число) доставки на кладбище	Фамилия, имя, отчество и звание умершего	№ №		
		Отдела	Отделения	Могилы

Из этого источника можно почерпнуть только сведения о дате доставки на кладбище (которая, вероятно, всегда совпадала с датой захоронения),

<sup>16</sup> См.: ЦГИА СПб. Ф. 455. Оп. 1. Д. 244, 245.

<sup>17</sup> См., например: Там же. Д. 245. Л. 88 об.—89, 121 об.—122.

<sup>18</sup> Подсчитано по: Там же. Д. 244. Л. 224 об.—251; Д. 245. Л. 1 об.—129.

<sup>19</sup> Там же. Л. 53 об.—54, 94 об.—95.

<sup>20</sup> Там же. Л. 41 об.—42.

<sup>21</sup> Там же. Д. 248.

фамилии и имени (отчество не указывалось), чине (звании) и факте захоронения в военном отделе. В то же время этот алфавит позволяет судить о масштабах захоронения воинских чинов в период Первой мировой войны. Например, проанализировав лишь первые 30 листов дела, мы выявили 570 человек, захороненных в военном отделе Преображенского городского кладбища<sup>22</sup>.

Непростая исследовательская задача — точно определить, кого именно из чинов хоронили на «старом» (гвардейском, гарнизонном) Преображенском военном кладбище, а кого на Братском, поскольку к военному отделу можно отнести оба эти некрополя.

Наиболее оптимальной представляется методология обращения к нескольким источникам, способным дополнить и скорректировать первоначальные данные. Так, недостатки алфавитов погребенных на Митрофаниевском православном кладбище<sup>23</sup> способны компенсировать метрические книги (в первую очередь — метрические книги кладбищенских церквей этого некрополя, но нужно иметь в виду, что не все погребенные на кладбище заносились в его метрические книги). Алфавит Митрофаниевского православного кладбища не дает никакой информации о роде занятий (звании) умершего, не сообщает точный возраст (в этих документах используется только обозначение «м» — младенец и «в» — взрослый), но по нему можно установить имя и фамилию умершего, дату погребения, разряд, номер могильщика и место погребения, которое указывается в таком виде: «в кон[це] м[алых] Ланск[их] м[остков] налево»<sup>24</sup>. Сопоставление этих данных со сведениями метрических книг позволяет выявлять в алфавите воинских чинов. Заметим, что бывают случаи, когда данные в кладбищенских и церковных источниках вступают в противоречие: не совпадает возраст, дата смерти, дата погребения, написание фамилии. В таком случае следует искать альтернативный источник, обладающий не меньшим авторитетом, чем упомянутые, к примеру медицинское свидетельство о смерти, билет военного госпиталя, газетный некролог и так далее.

Безусловно, на специфике кладбищенских источников отразился и человеческий фактор. Работая с алфавитами Волковского православного кладбища, можно заметить, что люди, заполнявшие его, по каким-то причинам игнорировали установленный формат, не всегда указывали род занятий (звание) умерших, номер разряда и название мостков, но в то же время в некоторых случаях записывали непредусмотренную форматом алфавита причину смерти<sup>25</sup>. С января 1917 г. информация

---

<sup>22</sup> Подсчитано по: ЦГИА СПб. Л. 1—30.

<sup>23</sup> См. эти алфавиты: Там же. Ф. 640. Оп. 1. Д. 9—12.

<sup>24</sup> Там же. Д. 11. Л. 61 об.

<sup>25</sup> См., например: Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 51. Л. 10, 23, 33 об., 35.

в этом алфавите становится еще более скупой, в некоторых случаях указывается лишь фамилия усопшего<sup>26</sup>. Можно предположить, что определенная небрежность, которая прослеживается и по другим документам 1917 г., связана с революционной обстановкой. Существует также проблема интерпретации некоторых пометок и приписок, встречающихся в источниках. Например, в ведомостях о погребенных Большеохтинского Георгиевского православного кладбища встречается карандашная приписка «Не к нам»<sup>27</sup>, которую затруднительно трактовать однозначно. В упомянутом алфавите Волковского православного кладбища в графе «Год» иногда стоит знак «+»<sup>28</sup>.

Документация петроградских кладбищ — содержательный источник, обращение к которому способствует вводу в научный оборот неизвестных и малоизвестных сведений. Использование таких документов и материалов в сочетании с другими группами источников, кратко охарактеризованными нами выше, позволит специалистам решить ряд научных и практических проблем, связанных с российской историей периода Первой мировой войны.

## РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору основных групп источников по истории воинских захоронений Первой мировой войны (на примере Петрограда). Обосновывается тезис об актуальности изучения проблемы организации воинских захоронений в годы тотальной войны. Автор уделяет особое внимание анализу кладбищенской документации. Рассматриваются достоинства и недостатки этих документов как исторических источников. Затрагиваются проблемы сохранности и сложности интерпретации источников. Приводятся обоснования научной и практической ценности кладбищенской документации.

## SUMMARY

The article is devoted to the review of the main groups of sources of World War I military burials history (on the example of Petrograd). The thesis about relevance of studying the problem of the military burials organization during the total war is defended. The author pays special attention to the analysis of cemetery documentation. Merits and demerits of these documents as historical sources are studied. Issues of safety and complexity of interpretation

---

<sup>26</sup> ЦГИА СПб. Л. 143 об., 170 об., 178 об.

<sup>27</sup> См., например: Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 87. Л. 114 об.—115, 267 об.—268, 270 об.—271, 294 об.—295.

<sup>28</sup> См., например: Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 51. Л. 164 об., 190 об., 196 об.

of sources are touched. Vindications of scientific and practical value of cemetery documentation are given.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Первая мировая война, воинские захоронения, некрополь, Петроград, кладбищенская документация.

## KEYWORDS

World War I, military burials, necropolis, Petrograd, cemetery documentation.

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII—начала XX в. М., 2006.

Весь Петроград на 1917 год : адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг., 1916].

Первая мировая: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К. А. Палаюка. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014.

Первая мировая война и конец Российской империи : в 3 т. / рук. проекта акад. Б. В. Ананьич. СПб. : Лики России, 2014.

Т. 1 : Политическая история / отв. ред. И. В. Лукоянов (в печати).

Т. 2 : Народное хозяйство и экономическая политика / отв. ред. С. К. Лебедев.

Т. 3 : Февральская революция / отв. ред. Р. Ш. Ганелин.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество, 1914—1918 : в 4 т. М. : Полит. энцикл., 2014. (Первая мировая. Великая. 1914—1918).

Т. 1 : Эволюция взглядов / отв. ред. В. В. Журавлев.

Т. 2 : Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников.

Т. 3 : Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / отв. ред. С. В. Шелохаев.

Т. 4 : Демократия «страны нарушенного равновесия» / отв. ред. А. П. Ненароков.

Первая мировая война : энцикл. словарь / Институт всеобщей истории РАН ; рук. проекта акад. А. О. Чубарьян ; отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М. : Весь мир, 2014.

Россия в Первой мировой войне, 1914—1918 : энцикл. : в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : Полит. энцикл., 2014.

Россия в стратегии Первой мировой войны : в 2 кн. / рук. проекта И. Н. Новикова. СПб. : РХГА, 2014.

Кн. 1 : Россия в стратегии Антанты / под ред. А. Ю. Павлова.

Кн. 2 : Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И. Н. Новиковой, Н. А. Власовой.

Свет и тени Великой войны / сост. А. В. Репников, Е. Н. Рудая, А. А. Иванов. М. : РОССПЭН, 2014.

## REFERENCES

*Antonov D. N., Antonova I. A. Metricheskie knigi Rossii XVIII—nachala XX v. M., 2006.*

Ves' Petrograd na 1917 god : adresnaya i spravochnaya kniga g. Petrograda. [Pg., 1916]

Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa / predisl., sost. i komment. K. A. Pakhalyuka. M. ; SPb. : Nestor-Istoriya, 2014.

Pervaya mirovaya vojna i konets Rossijskoj imperii : v 3 t. / ruk. proekta akad. B. V. Anan'ich. SPb. : Liki Rossii, 2014.

T. 1 : Politicheskaya istoriya / otv. red. I. V. Lukoyanov (v pechati).

T. 2 : Narodnoe khozyajstvo i ehkonomicheskaya politika / otv. red. S. K. Lebedev.

T. 3 : Fevral'skaya revolyutsiya / otv. red. R. SH. Ganelin.

Pervaya mirovaya vojna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossijskoe obshhestvo, 1914—1918 : v 4 t. M. : Polit. ehntsikl., 2014. (Pervaya mirovaya. Velikaya. 1914—1918).

T. 1 : Evolyutsiya vzglyadov / otv. red. V. V. Zhuravlev.

T. 2 : Konservatory: velikie razocharovaniya i velikie uroki / otv. red. A. V. Repnikov.

T. 3 : Liberal'nyj vzglyad na vojnu: cherez katastrofu k vozrozhdeniyu / otv. red. S. V. Shelokhaev.

T. 4 : Demokratiya «strany narushennogo ravnovesiya» / otv. red. A. P. Nenarokov.

Pervaya mirovaya vojna : entsiklopedicheskij slovar' / Institut vseobshhej istorii RAN ; ruk. proekta akad. A. O. Chubar'yan ; otv. red. E. Y. Sergeev. M. : Ves' mir, 2014.

Rossiya v Pervoj mirovoj vojne, 1914—1918 : entsikl. : v 3 t. / otv. red. A. K. Sorokin. M. : Polit. entsikl., 2014.

Rossiya v strategii Pervoj mirovoj vojny : v 2 kn. / ruk. proekta I. N. Novikova. SPb. : RKHGA, 2014.

Kn. 1 : Rossiya v strategii Antanty / pod red. A. Y. Pavlova.

Kn. 2 : Rossiya v strategii TSentral'nykh derzhav / pod red. I. N. Novikovoj, N. A. Vlasovo.

Svet i teni Velikoj vojny / sost. A. V. Repnikov, E. N. Rudaya, A. A. Ivanov. M. : ROSSPEHN, 2014.





II



---

Е. В. СТЕПАНОВА

## ПЕЧАТИ ВИЗАНТИЙСКИХ СВЕТСКИХ И ЦЕРКОВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Византийские печати — моливдовулы в своем подавляющем большинстве были личными: их заказчиками выступали либо чиновники, гражданские или военные, либо священнослужители, либо частные лица. Тем не менее в некоторых случаях печать издавалась от имени организации или группы лиц. Тема использования такого рода печатей в Византии весьма многогранна, но в то же время этот материал еще не обобщен и не осмыслен. Цель моей статьи — очень конспективно дать представление об этой группе сфрагистических памятников и сделать некоторые предварительные выводы. Значительная сложность при работе с этими печатями состоит в том, что они не привязаны к документам, существуют сами по себе. Эта одна из причин того, что, рассуждая о нем, мы нередко вступаем в область предположений и гипотез, не имея возможности как-то подкрепить их.

Если распределять такого рода печати по принадлежности, то следует выделить две группы: светские печати (гражданские и военные) и церковные.

Первая группа очень немногочисленная, относится к раннему периоду истории Византии и включает в себя отдельные печати гражданских учреждений VII в. Одна из них содержит надпись: Θεοτόκε βοήθει τὸ κοινὸν πόλεως Σινώπης — «Богородица, помоги, τὸ κοινὸν города Синопа» (рис. 1, 1)<sup>1</sup>. По мнению издателей Г. Закоса и А. Веглери, τὸ

---

<sup>1</sup> *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. 1, pt. 3. Nr 2890 = Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5 : The East (continued) Constantinople and Environs, Unknowns Locations,*

κοινὸν в данном случае можно перевести как «община» или «администрация города». Другая печать принадлежала общине Декаполиса (рис. 1, 2)<sup>2</sup>. На ее лицевой стороне помещено погрудное изображение Богоматери с медальоном с Младенцем Христом перед грудью. На обороте надпись в четыре строки: τὸ κοινὸν τῆς Δεκαπόλεως. Название «Декаполис» объединяло 10 городов, расположенных к северу и северо-западу от Селевкии. Ж.-Кл. Шене предполагает, что термин «койнон» — «община» — относится ко всем 10 городам. Обе печати традиционно относятся к разряду гражданских, но у исследователей остаются сомнения в том, что они принадлежали светским, а не церковным институтам.

Еще одна печать, с изображением Богоматери с медальоном с изображением Христа перед грудью на лицевой стороне и легендой τῆς φάβρικος Σελευκείας на обороте, датируется первой половиной VII в. (рис. 1, 3)<sup>3</sup>. Предполагают, что она принадлежала центру оружейного производства Селевкии. Исследователи связывают существование этого центра с временным открытием монетного двора в Селевкии в 615/16 г. в тот период, когда император Ираклий был вынужден передислоцировать армию и военную администрацию в ответ на персидское вторжение<sup>4</sup>.

Среди военных печатей выделяется печать армии Италии. На обеих сторонах этого моливдовула помещена латинская надпись D(eu)s adjuva exercit(us) Ital(iae) — «Господи, помоги армии Италии». Существуют два экземпляра этого моливдовула (рис. 2). Одни издатели — Г. Закос и А. Веглери — относят его к 550—650 гг.<sup>5</sup>, другие — Н. Икономидис, Дж. Нэсбитт и Э. Макгир — к VI в.<sup>6</sup> На мой взгляд, наличие invocative формулы «Господи, помоги» предполагает, скорее, более позднюю датировку — середина, а, возможно, и вторая половина VII в. В любом случае появление печати относится к тому времени, когда Италия входила в состав Византийской империи.

Уникальность печати войска Италии следует особо подчеркнуть, поскольку до сих пор не известно ни одного сфрагистического памятника, изданного от имени большого воинского формирования Византии. Он всегда вызывал большой интерес у исследователей истории Италии.

---

Addenda, Uncertain Readings / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 2005. Nr 110.1 (далее DOS 5) = *Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantine : L'Eglise*. Paris, 1963. Vol. 5, pt. 1. No. 423.

<sup>2</sup> *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead seals. Nr 1173 = DOS 5. Nr 7.1 = Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos*. Paris, 2001. No. 25.

<sup>3</sup> *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead seals. Nr 1136 = DOS 5. Nr 6.6.*

<sup>4</sup> *Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450*. Cambridge, 1985. P. 416, 633.

<sup>5</sup> *Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead seals. Nr 807.*

<sup>6</sup> DOS 5. Nr 98.1.

О. Р. Бородин упоминает его при рассмотрении вопроса о едином итальянском войске и пяти войсковых объединениях, входящих в его состав: *exercitus Ravennatis, Romanus, Neapolitanus, Siciliae, Pentapolitanus*<sup>7</sup>. Т. С. Браун приводит моливдовул как наиболее яркий пример сплоченности армии. Его появление автор связывает с политической значимостью этого воинского формирования, приведя в качестве доказательства директиву императора Константа II (641—668) экзарху Олимпию, в которой подчеркивалось, что поддержка войска Италии является решающим фактором для проведения его религиозной политики<sup>8</sup>. Особая роль армии Италии, по всей видимости, и привела к появлению такой уникальной печати.

Вместе с тем, рассматривая печать армии Италии, следует отметить, что наряду с ней известно значительное число печатей экзархов Италии VI—середины VIII в., по сути дела наместников императора в Италии, обладавших высшей гражданской и военной властью на ее территории и, соответственно, возглавлявших ее армию<sup>9</sup>. Вопрос о том, в каких случаях и какие документы скрепляла печать армии Италии, а какие — печать экзарха, остается открытым<sup>10</sup>.

На фоне этих отдельных печатей компактной обособленной группой выглядят печати императорских коммерций — таможен различных провинций и городов Византии. В качестве примера можно привести печати императорских коммерций Керасунта (738/39)<sup>11</sup>, Кратии, Прусиады и Гераклеи (734/35)<sup>12</sup>, Месемврии (730—741)<sup>13</sup>, Фессалоники (755/56)<sup>14</sup>

---

<sup>7</sup> Бородин О. Р. Византийская Италия в VI—VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 188.

<sup>8</sup> Brown T. S. *Gentlemen and officers: Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy* A. D. 554—800. Rome, 1984. P. 94.

<sup>9</sup> Степанова Е. В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 57—70.

<sup>10</sup> Аналогичная проблема возникает при рассмотрении использования печатей дожей Венеции и печатей с надписью *Dominium Venetiarum*. Н. П. Лихачев предполагал, что последние скрепляли документы в периоды вакансии дожеского престола. Однако, как показал Л. Г. Климанов, они могли использоваться одновременно с дожеской печатью (Климанов Л. Г. «Византийские отражения» в сфрагистике: Коллекция металлических печатей VII—XX вв. Н. П. Лихачева в Западноевропейской секции Архива СПб ФИРИ РАН. СПб., 1999. С. 176—177, 298—299).

<sup>11</sup> Государственный Эрмитаж. М-7973 (Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В. С. Шандровская. М., 1991. Табл. LXXV, 5 (с библиографией)).

<sup>12</sup> Государственный Эрмитаж. М-8024 (Там же. Табл. LXXV, 4).

<sup>13</sup> Государственный Эрмитаж. М-11273. Наибольший диаметр 30 мм (ранее не публиковалась).

и Эллады (736/37)<sup>15</sup> (рис. 3). Печати императорских коммеркий появились на смену печатям коммеркиариев VI—начала VIII в., деятельность которых по-разному оценивается исследователями. Предполагают, что это были государственные чиновники-таможенники, отвечающие главным образом за сборы с торговли. Однако существуют и иные точки зрения: одни считают, что это были предприниматели, получившие от государства право на покупку и продажу шелка, другие связывают их деятельность со сбором налогов, третьи — с продажей оружия солдатам<sup>16</sup>. В легендах печатей коммеркиариев обозначены имя коммеркиария, его должность и место службы, отличительной особенностью этой группы сфрагистических памятников является помещение на них портретов императоров и обозначение индиктов, что позволяет определить время появления печати с точностью до года. Однако в 730/31 г. происходит радикальная перемена — печати коммеркиариев заменяются на печати императорских коммеркий — таможен, портреты императоров и индикты при этом сохраняются. Таким образом, индивидуальная ответственность коммеркиария сменяется ответственностью коллективной, или, как считает Н. Икономидис она становится обезличенной: «Вероятно, в это время практика брать на откуп коммеркию также исчезает и заменяется прямым и безличным управлением государства»<sup>17</sup>. «Эта перемена, без сомнения, может быть приписана Льву III Исавру, который вел систематическую борьбу за восстановление государственного контроля над деятельностью, которая во время его предшественников в большой степени контролировалась частными интересами»<sup>18</sup>. Примечательно, что спустя 100 лет печати императорских таможен исчезают — последняя из них датируется 832/33 г., вновь уступив место индивидуальным печатям коммеркиариев — к этому времени сборщиков налогов, которые датируются X—XI вв.

---

<sup>14</sup> Государственный Эрмитаж. М-7974 (Лухачев Н. П. Моливдовулы ... Табл. LXXV, 7 (с билиографией)).

<sup>15</sup> Государственный Эрмитаж. М-8013 (Там же. Табл. LXXV, 2 (с билиографией)).

<sup>16</sup> Дискуссию о функциях коммеркиариев см.: *Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1986. Vol. 40. P. 33—53; Haldon J. Byzantium in the Seventh Century: Transformation of a Culture. Cambridge, 1990. P. 232ff; Hendy M. F. From Antiquity to the Middle Ages: economic and monetary aspects of the transition // De la antigüedad al medioevo. Avila, 1993. P. 325—360; Dunn A. The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1993. Vol. 17. P. 3—24.*

<sup>17</sup> *Oikonomides N. Silk Trade ... P. 41.*

<sup>18</sup> *The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 3. P. 986.*

Однако в отличие от более раннего времени с этих печатей исчезают портреты императоров и индикты. Глубокие изменения, которые произошли в экономике Византии IX в., продолжают исследоваться, в русле этих исследований необходимо рассматривать и трансформацию печатей коммерциариев в печати императорских коммерций.

В отличие от печатей неконфессиональных сообществ печати церковных объединений достаточно многочисленны, и их репертуар очень разнообразен: это печати епархий, церквей, монастырей, церковных судей Св. Софии. Они датируются VI—XIV вв. Сюда следует отнести и печати диаконий и больниц, многие из которых находились под покровительством церкви.

Диаконии — это неофициальные сообщества клириков и мирян, основанные с благочестивыми целями (например, для совместного поклонения какой-либо иконе) и для взаимопомощи (в случае болезни, совершения погребальных и поминальных служб). Начиная с VI в. они существовали по всей империи. Последние сведения о диакониях относятся к XIV в.<sup>19</sup> Сохранились, например, печати диаконий Ареобинда (IX в.)<sup>20</sup>; Христа Антифонита (XII в. — предполагают что это сотоварищество находилось при церкви Богоматери в Халкопратии, где с IX в. хранилась знаменитая икона Христа Антифонита)<sup>21</sup>; Дексиократа (VII в.)<sup>22</sup>; Св. Афанасия (VII—VIII вв.)<sup>23</sup> (рис. 4). Печать братьев св. Зотика (XII в.) принадлежала одноименному лепрозорию, основанному в IV в. в Константинополе близ Галаты<sup>24</sup> (рис. 5, 1). Ксенодохия Св. Самсона (Константинополь) была основана по преданию в VI в. Св. Самсоном, врачом, излечившим императора Юстиниана. Печати этой больницы опубликованы<sup>25</sup>. Эрмитажные экземпляры с изображением святого относятся к VI—VII вв. (рис. 5, 2, 3)<sup>26</sup>. Вместе с тем известны печати ксенодохов (т. е. глав больницы) Св. Самсона: Георгия, протонотария, и Константина, императорского скевофилакса<sup>27</sup>, а также эрмитажная печать веститора и ксенодоха, которая датируется IX в.<sup>28</sup> (рис. 5, 4). Здесь мы опять

<sup>19</sup> *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. P. 125—127.*

<sup>20</sup> *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 1209.*

<sup>21</sup> *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 1203, 1207.*

<sup>22</sup> Государственный Эрмитаж. М-6338 (*Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 1211 (с библиографией)*).

<sup>23</sup> DOS 5. Nr 29.1, 29.2; *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 1210.*

<sup>24</sup> DOS 5. Nr 62.1; Государственный Эрмитаж. М-3079 (рис. 5, 1), 3129, 3017 (ранее не публиковались).

<sup>25</sup> DOS 5. Nr 37.1, 37.2.

<sup>26</sup> Государственный Эрмитаж. М-5563. Диаметр 26 мм; М-12196. Наибольший диаметр 27 мм (ранее не публиковались).

<sup>27</sup> DOS 5. Nr 37. 3 (IX—X вв.); *Jordanov I. Corpus of byzantine seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3. Nr 922 (середина IX в.)*.

<sup>28</sup> Государственный Эрмитаж. М-641. Диаметр 29 мм (ранее не публиковалась).

встречаемся с двумя типами печатей: ксенодохии как таковой и ее руководителей.

Говоря о церковных печатях, следует начать с печатей отдельных епархий. Их известно небольшое количество, и все они относятся к ранне-византийскому времени, а именно к VI—VIII вв. Среди них печати епархий Кизика (VI—VII вв.)<sup>29</sup>, Антиохии (VIII в.)<sup>30</sup>, Тарса (VI в.)<sup>31</sup>, Селевкии Исаврийской (рубеж VI—VII вв.)<sup>32</sup> (рис. 6). Обе стороны этих печатей заполнены легендами: «(Печать — слово подразумевается) святой церкви» и далее следует ее название. По неизвестной причине после VIII в. печати такого типа исчезают, остаются в употреблении вплоть до последних веков существования империи лишь *личные* печати епископов, архиепископов и митрополитов епархий.

Наиболее многочисленны печати отдельных церквей и монастырей Византии. Таких печатей сотни, хронологический диапазон от ранне-византийского времени до XIV в. Многие из них несут изображения тех святых, в честь которых и были воздвигнуты храмы и монастыри. Известны столичные печати: монастыря Христа Филантропа (основан императрицей Ириной, супругой Алексея I Комнина), XII в.<sup>33</sup>; монастыря Космидион, или Св. Косьмы и Дамиана (XI в.)<sup>34</sup>; монастыря Христа Пантелопта (Всевидящего, основан Анной Далассиной в 1087 г.), XI—XII вв.<sup>35</sup>; монастыря Св. Николая Молиботона (основан в середине XI в., там был похоронен император Константин X Дука в 1067 г.), XII в.<sup>36</sup>; церкви Богоматери Элеусы, XII в.<sup>37</sup> (рис. 7) и др. Примерами печатей провинциальных монастырей могут служить печати монастырей Патмоса, XI—XII вв., с изображением Иоанна Богослова на острове Патмосе, сидящего и диктующего ученику своему Прохору<sup>38</sup>; монастыря горы Синая, или Св. Екатерины, с изображением пророка Моисея, получающего от Бога Скрижали Завета с Десятью заповедями, XII в.<sup>39</sup>; Нового

---

<sup>29</sup> Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 3 : West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1996 (далее DOS 3). Nr 53.11.

<sup>30</sup> *Laurent V. Le Corpus ...* Vol. 5, pt. 2. No. 1512—1514.

<sup>31</sup> DOS 5. Nr 5.7.

<sup>32</sup> Государственный Эрмитаж. М-6819 (*Laurent V. Le Corpus ...* Vol. 5, pt. 2. No. 1183 (с библиографией)); DOS 5. Nr 6.27.

<sup>33</sup> DOS 5. Nr 56.1, 56.3, 56.4.

<sup>34</sup> DOS 5. Nr 39.1.

<sup>35</sup> DOS 5. Nr 53.1.

<sup>36</sup> DOS 5. Nr 50.3.

<sup>37</sup> *Laurent V. Le Corpus ...* Vol. 5, pt. 2. No. 1148, 1149, 1151; *Sode Cl. Byzantinische bleisiegel* in Berlin. Bonn, 1997. Nr 369.

<sup>38</sup> Государственный Эрмитаж. М-8203 (*Лухачев Н. П. Моливдовулы ...* Табл. LXVI, 9).

<sup>39</sup> DOS 5. Nr 21.1.



монастыря монаха Космы Цинцилукия, XI в. (монастырь основан в горах Родопы монахом Космой в середине XI в.)<sup>40</sup>; монастыря Дохиар (Афон), XI—XII вв.<sup>41</sup>; Лавры Св. Саввы, одного из древнейших общежительных монастырей, основанного недалеко от Иерусалима около 484 г. Саввой Освященным, чье изображение и помещено на печатях XI—XII вв. <sup>42</sup> (рис. 8).

Вместе с тем следует отметить, что наряду с печатями собственно церквей и монастырей, в канцелярском обиходе были и печати архиереев, их возглавлявших, например: архиепископов, митрополитов, игуменов и экономов. Каким образом на практике применялись те и другие печати, остается неясным. Н. Икономидис, Дж. Несбитт, Э. Макгир предполагают, что обезличенными печатями могли пользоваться в то время, когда верховный священнослужитель был в отъезде или его место было вакантно<sup>43</sup>. Возможно, однако, что ими пользовались для скрепления каких-либо документов определенного вида. К сожалению, версию эту проверить нельзя, так как о канцелярской стороне деятельности церковных учреждений Византии сохранилось мало сведений.

К числу печатей церковных сообществ также относятся печати священников и церковных экдиков, принадлежащих церковному трибуналу Св. Софии в Константинополе, главного храма империи (всего опубликовано около 30 экземпляров)<sup>44</sup>. Они датируются концом XI—XIV в. (рис. 9) и, как правило, отличаются внушительными размерами. На протяжении всего времени своего существования эти печати оформлялись по определенной схеме: на лицевой стороне изображения Богоматери и императора Юстиниана I, поддерживающих модель храма, на обороте традиционная надпись: «Благочестивейшим пресвитерам и церковным экдикам». Изображение императора на печати нужно рассматривать не только как строителя Великой церкви, но и как патрона трибунала. Образ Богоматери появился как образ самой могущественной защитницы рода людского и предстоятельницы перед своим Сыном.

Трибунал церковных экдиков, или защитников, был основан Юстином I при храме Св. Софии в VI в. Известно, что в средневизантийский

---

<sup>40</sup> Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1991. Nr 60.1.

<sup>41</sup> *Laurent V. Le Corpus ...* Vol. 5, pt. 2. No. 1225.

<sup>42</sup> *Laurent V. Le Corpus ...* Vol. 5, pt. 2. No. 1577, 1578 ; DOS 5. Nr 19.6, 19.7. Ряд печатей хранится в Государственном Эрмитаже. См.: *Лихачев Н. П.* Моливдовулы ... Табл. LVIII, 16.

<sup>43</sup> *Oikonomides N.* The Anonymous seal // *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 1995. Vol. 4. P. 77 ; DOS 5. P. 8.

<sup>44</sup> *Cotsonis J.* The Virgin and Justinian on Seals of the Ekklesiekdikoi of Hagia Sophia // *Dumbarton Oaks Papers.* Washington, 2002. Vol. 56. P. 41—55.

период он заседал в одном из вестибюлей этого храма. В функции экдиков входило рассмотрение различных юридических вопросов, главный из которых был связан с дарованием права убежища для убийц в церкви Св. Софии. В случае положительного решения дела просителям выдавался документ, так называемый симейома, к которому, возможно, и привешивались подобные печати. Как и в предыдущих случаях, наряду с общими печатями экдиков Св. Софии известны также личные печати протозекдиков и экдиков храма<sup>45</sup>.

Наконец, необходимо упомянуть еще об одном возможном аспекте использования печатей церковных сообществ. В последнее время рядом исследователей поднимается вопрос о том, что печати монастырей и церковей могли использовать не только для скрепления документов<sup>46</sup>. Некоторые данные говорят о том, что в определенных случаях охранительная функция, изначально закрепленная за византийскими моливдовулами, у такого рода печатей выступает на первый план<sup>47</sup>. Подобное предположение было высказано В. Лораном в отношении печати XIII—XIV вв., на одной стороне которой изображена Богоматерь Оранта в рост с эпитетом *Θεοσκέλαστος*, на другой — изображения двух святых воинов Георгия и Феодора в рост<sup>48</sup> (рис. 10). Обычно этот моливдовул приписывается монастырю Богоматери Теоскепастос в Трапезунте, известному начиная с Алексея III (1350—1390) своими императорскими захоронениями. Объясняя непонятное присутствие на печати женского монастыря изображения святых воинов, В. Лоран выдвигает следующие предположения: либо этот выбор обусловлен влиянием императорской семьи, один из членов которой был известен своими военными пристрастиями, либо характеристика данного памятника не полна. По мнению автора, он мог служить священной медалью, которую воины Великих Комнинов носили на шее сообразно древнему римскому обычаю.

Печати монастырей могли быть связаны с паломнической деятельностью и либо сами были евлогиями, либо служили для их опечатывания. В некоторых случаях подтверждение этому мы находим в легендах самих

---

<sup>45</sup> *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 108—111, 116—119.*

<sup>46</sup> Печатью может считаться оттиск на свинцовой заготовке, сделанный при помощи буллотиря и имеющий канал для подвешивания.

<sup>47</sup> *Степаненко В. П. Печати-филактерии-евлогии? // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.*

<sup>48</sup> *Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. P. 292; Лухачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи: Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911. С. 54. Pl. VII, 9; *Laurent V. Le Corpus ... Vol. 5, pt. 2. No. 1295; Шандровская В. С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.**

моливдовулов. Так, Дж. Нэсбиттом и Н. Икономидисом была опубликована печать X—XI вв. с изображением св. Спиридона и надписью «Евлогия Святых Отцов»<sup>49</sup>. Исследователи резюмируют, что «по-видимому, она прикреплялась к какому-либо предмету, дающему благословление. В легенде не определяется точно, от какого именно института исходит печать, поскольку она предназначалась не для того, чтобы обозначить адресанта, но, скорее, чтобы побудить душу верующего». Авторы предполагают, что появление печати связано с церковью в Никее, освященной в честь Святых Отцов Никейского собора, в котором, возможно, участвовал св. Спиридон.

В число печатей-евлогий, возможно, следует включить печати монастыря Св. Симеона Младшего Дивногорца, находившегося близ Антиохии<sup>50</sup>, — одного из самых посещаемых паломнических центров начиная с VI в. (рис. 11). Печати с погрудным изображением святого на вершине столпа относятся к XI в., когда деятельность мученика Св. Симеона после отвоевания Антиохии в 969 г. была возобновлена. Интересно отметить, что аналогичные изображения святого помещались на собственно евлогиях, которые паломники увозили из монастыря по всему свету. В легендах печатей читается в одном случае: «Симеона евлогия», во втором — «Евлогия святого Симеона».

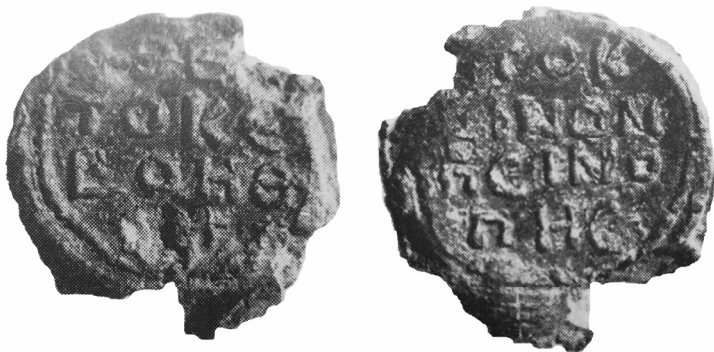
Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы: в светской сфере печати сообществ не получили своего развития: отдельные приведенные примеры не выходят за рамки ранневизантийского времени и их появление в каждом случае требует особого объяснения. Традиция общественной печати стала развиваться в церковной сфере, что мы видим прежде всего на примере многочисленных печатей монастырей XI—XII вв. Вероятно, в канцелярском обиходе одновременно с ними (и, возможно, судя по имеющемуся сфрагистическому материалу главным образом) использовали индивидуальные печати глав церковных объединений. Однако на нынешнем этапе исследований невозможно разграничить сферы применения тех и других.

---

<sup>49</sup> DOS 3. Nr 59.13.

<sup>50</sup> Государственный Эрмитаж. М-6271 (*Лухачев Н. П.* Моливдовулы ... Табл. LXVII, 17); М-5579 (*Schlumberger G.* Sigillographie ... P. 21; 656, № 1).

1



2



3



Рис. 1. Печати:

1 — общины Синопа. VII в.; 2 — общины Декаполиса VII в.;  
3 — центра оружейного производства Селевкии. Первая половина VII в.



Рис. 2. Печати армии Италии. VII в.



Рис. 3. Печати императорских коммерций:

1 — Керасунта. 738/39 г.; 2 — Кратии, Прусиады и Гераклеи. 734/35 г.;

3 — Месемврии. 730—741 гг.; 4 — Фессалоники. 755/56 г.;

5 — Эллады. 736/37 г.

4



5



Рис. 3. Окончание

1



Рис. 4. Печати диаконий:

1 — Аробинда. IX в.; 2 — Христа Антифонита. XII в.; 3 — Дексиократа. VII в.;  
4 — Св. Афанасия. VII—VIII вв.

2



3



4



Рис. 4. Окончание



1



2



3



Рис. 5. Печати:

1 — братьев св. Зотика. XII в.; 2, 3 — ксенодохии Св. Самсона. VI—VII вв.;  
 4 — веститора и ксенодоха Св. Самсона. IX в.

4



Рис. 5. Окончание

1



2



Рис. 6. Печати епархий:

1 — Кизика. VI—VII вв.; 2 — Антиохии. VIII в.; 3 — Тарса. VI в.;  
4 — Селевкии Исаврйской. Рубеж VI—VII вв.

3



4



Рис. 6. Окончание

1



Рис. 7. Печати столичных монастырей и церквей:  
1 — монастыря Христа Филантропа. XII в.; 2 — монастыря Космидион, или Свв. Косьмы и Дамиана. XI в.; 3 — монастыря Христа Пантеопога. XI—XII вв.;  
4 — монастыря Св. Николая Молибогона. XII в.;  
5 — церкви Богоматери Элеусы. XII в.

2



3



4



Рис. 7. Продолжение

5



Рис. 7. Окончание

1



2



Рис. 8. Печати провинциальных монастырей:

1 — Патмоса. XI—XII вв.; 2 — горы Синая, или Св. Екатерины. XII в.;

3 — Косьмы Цинцилукия. XI в.; 4 — Дохиара (Афон). XI—XII вв.;

5 — Лавры Св. Саввы. XII в.

3



4



5



Рис. 8. Окончание

1



2



3



Рис. 9. Печати священников и церковных эдиктов Св. Софии в Константинополе:

1, 2 — XII в.; 3 — XIII—XIV вв.



Рис. 10. Печать монастыря Богоматери Теоскепастос, Трапезунт. XIII—XIV вв.



Рис. 11. Печати монастыря Св. Симеона Младшего Дивногорца. X—XI вв.



## РЕЗЮМЕ

Большинство византийских печатей были личными: их владельцы были гражданскими или военными чиновниками, или священнослужителями или частными лицами. Однако в определенных случаях печати были изданы от имени целых организаций. Выделяются две группы: светские печати — гражданские и военные, и церковные. Первая группа включает всего несколько печатей: общин Синопа (VII в.) и Декаполиса (VII в.), центра оружейного производства Селевкии (первая половина VII в.) и уникальная печать армии Италии (VII в.). Появление печатей имперских коммерций (таможен) различных областей и городов Византия, датированных 730/31—832/33 гг. необходимо рассматривать в связи с экономической ситуацией IX в.

Печати церковных общин довольно многочисленны. Это печати епархий, церквей, монастырей, эдиктов Св. Софии, а также диаконий и больниц, многие из которых находились под покровительством церкви. Они датированы VI—XIV вв. Печати столичных и провинциальных церквей и монастырей Византии являются самыми многочисленными. Очевидно, что некоторые из них использовались не для запечатывания документов, но также могли быть связаны с паломнической деятельностью, и сами были евлогиями, либо служили для запечатывания евлогий.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы: в светской сфере печати сообществ не получили своего развития: отдельные приведенные примеры не выходят за рамки ранневизантийского времени и их появление в каждом случае требует особого объяснения. Традиция общественной печати стала развиваться в церковной сфере, что мы видим прежде всего на примере многочисленных печатей монастырей XI—XII вв. Вероятно, в канцелярском обиходе одновременно с ними (и, возможно, судя по имеющемуся сфрагистическому материалу, главным образом) использовали индивидуальные печати глав церковных объединений. Однако на нынешнем этапе исследований невозможно разграничить сферы применения тех и других.

## SUMMARY

The majority of the Byzantine seals were personal: their owners were civil or military officials, or churchmen, or individuals. However in certain cases the seals were issued on behalf of the whole organizations. Two groups are identified: the secular seals - civil and military, and church ones. The first group includes several seals only: of the communities of Sinope (VII c.) and Dekapolis (VII c.), Factory of arms of Seleukeia (first half of the VII c.) and the unique seal of the Army of Italy (VII c.). Appearance of the seals of the Imperial Commeria (custom houses) of various provinces and cities of Byzantium

dated from 730/31 to 832/33, is necessary to investigate in connection with an economic situation of the IXth century.

The seals of the church communities are rather numerous. These are the seals of dioceses, churches, monasteries, of the Ekdikoi of Hagia Sophia, and also of diakonias and hospitals, many of which were under a patronage of the church. They are dated to the VIth—XIVth centuries. The seals of the capital and provincial churches and monasteries of Byzantium are the most numerous. It is evident that some of them were used not for sealing the documents, but also could be tied with the pilgrimage activity and were eulogia themselves, either served for sealing the eulogia.

Summarizing, in the secular sphere the seals of communities didn't gain the development: the given examples are not beyond the early Byzantine time and their existence demands a special explanation in each case. This tradition began to develop in the church sphere. Possibly, the clerical office used along with them (and, perhaps, mainly) the personal seals of the heads of the church communities. However at a present stage of research it is impossible to define the field of application of each of them.

#### КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

История Византии, византийская сфрагистика, печати.

#### KEYWORDS

History of Byzantium, Byzantine sphragistics, seals.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

*Бородин О. Р.* Византийская Италия в VI—VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991.

*Климанов Л. Г.* «Византийские отражения» в сфрагистике : Коллекция металлических печатей VII—XX вв. Н. П. Лихачева в Западноевропейской секции Архива СПб ФИРИ РАН. СПб., 1999.

*Лихачев Н. П.* Историческое значение итало-греческой иконописи : Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб, 1911.

*Лихачев Н. П.* Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В. С. Шандровская. М., 1991.

*Степаненко В. П.* Печати-филактерии-евлогии? // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.

*Степанова Е. В.* Печати эзархов Италии // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 57—70.

*Шандровская В. С.* Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994.

*Brown T. S.* Gentlemen and officers : Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy A. D. 554—800. Rome, 1984.

Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington.

Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. 1991.

Vol. 3 : West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. 1996.

Vol. 5 : The East (continued) Constantinople and Environs, Unknowns Locations, Addenda, Uncertain Readings / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt and N. Oikonomides. 2005.

*Cheyne J.-Cl.* Sceaux de la collection Zacos. Paris, 2001.

*Cotsonis J.* The Virgin and Justinian on Seals of the Ekklesiekdikoi of Hagia Sophia // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 2002. Vol. 56. P. 41—55.

*Dunn A.* The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1993. Vol. 17. P. 3—24.

*Haldon J.* Byzantium in the Seventh Century: Transformation of a Culture. Cambridge, 1990.

*Hendy M. F.* From Antiquity to the Middle Ages: economic and monetary aspects of the transition // De la antigüedad al medioevo. Avila, 1993. P. 325—360.

*Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. Cambridge, 1985.

*Jordanov I.* Corpus of byzantine seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3.

*Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantine : L'Eglise. Paris, 1963, 1965, 1972. Vol. 5, pt. 1—3.

*Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century : The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1986. Vol. 40. P. 33—53.

*Oikonomides N.* The Anonymous seal // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1995. Vol. 4.

*Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.

*Sode Cl.* Byzantinische bleisiegel in Berlin. Bonn, 1997.

The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 3.

*Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. 1, pt. 1—3.

## REFERENCES

*Borodin O. R.* Vizantijskaja Italija v VI—VIII vekah (Ravenskij exarchat i Pentapol'). Barnaul, 1991.

*Brown T. S.* Gentlemen and officers : Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy A. D. 554—800. Rome, 1984.

Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington.

Vol. 1 : Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. 1991.

Vol. 3 : West, Northwest, and Central Asia Minor and the Orient / ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. 1996.

Vol. 5 : The East (continued) Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Readings / ed. by E. McGeer, J. Nesbitt and N. Oikonomides. 2005.

*Cheyne J.-Cl.* Sceaux de la collection Zacos. Paris, 2001.

*Cotsonis J.* The Virgin and Justinian on Seals of the Ekklesiastikoi of Hagia Sophia // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 2002. Vol. 56. P. 41—55.

*Dunn A.* The Kommerkiarios, the Apotheke, the Dromos, the Vardarios, and the West // Byzantine and Modern Greek Studies. Birmingham, 1993. Vol. 17. P. 3—24.

*Haldon J.* Byzantium in the Seventh Century: Transformation of a Culture. Cambridge, 1990.

*Hendy M. F.* From Antiquity to the Middle Ages: economic and monetary aspects of the transition // De la antigüedad al medioevo. Avila, 1993. P. 325—360.

*Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300—1450. Cambridge, 1985.

*Jordanov I.* Corpus of byzantine seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3.

*Klimanov L. G.* «Vizantijskie otrazhenija» v sfragistike : Kollekcija metallicheskih pečatej VII—XX vv. N. P. Likhacheva v Zapadnoevropejskoj sekciji Arhiva SPB FIRI RAN. St. Petersburg, 1999.

*Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantine : L'Eglise. Paris, 1963, 1965, 1972. Vol. 5, pt. 1—3.

*Likhachev N. P.* Istoricheskoje znachenije italo-grecheskoj ikonopisi. Izobrazhenija Bogomateri v proizvedenijah italo-grecheskih ikonopistsev i ih vlijanije na kompozitsii nekotoryh proslavlennyh ikon. St. Petersburg, 1911.

*Likhachev N. P.* Molivdovouly grecheskogo Vostoka / ed. V. S. Shandrovskaja. Moscow, 1991.

*Oikonomides N.* Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century : The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1986. Vol. 40. P. 33—53.

*Oikonomides N.* The Anonymous seal // *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1995. Vol. 4.

*Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.

*Shandrovskaia V. S.* Izobraghenija svjatyh voinov v vizantijskoj sfragistike // *Vizantija i Blighnij Vostok*. St. Petersburg, 1994.

*Sode Cl.* Byzantinische bleisiegel in Berlin. Bonn, 1997.

*Stepanenko V. P.* Pechati-philakterii-evlogii // *Antichnaja drevnost' I srednje veka*. Ekaterinbourg, 2006. Vol. 37.

*Stepanova E. V.* Pechati exarchov Italii//*Vizantija i Blighnij Vostok*. St. Petersburg, 1994.

*The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century* / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 3.

*Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. 1, pt. 1—3.

---

*Е. С. ЛЕВШИНА*

### **СВЕДЕНИЯ ОБ ИНСТИТУТЕ АДЕЛЬФАТА В СЕРБСКИХ АКТАХ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XV в.**

Со второй половины XIV в. турки-османы неуклонно продвигались вглубь Балканского полуострова, все плотнее сжимая кольцо из завоеванных территорий вокруг Константинополя, а победа в Марицкой битве (1371) открыла им дорогу в Болгарию и Сербию. Битва на Косовом поле (1389) стала переломным моментом, положившим начало постепенному поглощению Сербии Османской империей. Ликвидация самостоятельного Сербского государства, постоянная угроза, исходившая от турок, почти непрерывные войны между христианскими государствами и сопровождавшие их внутривосточные конфликты, — все эти факторы ставили перед сербскими правителями на рубеже веков непростые внешне- и внутривосточные задачи. Кроме того, религиозное сознание средневекового человека воспринимало события эпохи турецких завоеваний в единственно возможном для него ключе: нашествие на православную землю мусульман воспринималось как кара Господня за многочисленные грехи. Единственной возможностью спастись было покаяние и духовное перерождение. Мировосприятие накладывало характерный отпечаток на повседневную жизнь человека, направляя ее в русло совершения богоугодных, праведных поступков.

Подобные взгляды существовали на фоне эсхатологических настроений, получивших широкое распространение во всех христианских странах еще в XIV в. Их исходной точкой явилось возникновение чувства близости Апокалипсиса, которое стало господствовать в сербском обществе к началу XV в.<sup>1</sup> Перед лицом турецкой опасности, неизбежности завоевания

---

<sup>1</sup> *Колтакова Г. С.* Искусство Византии. Ранний и средний периоды. М., 2004. С. 189.

и, немаловажно, лишения материальных благ многие представители греческой и сербской знати, правящих династий на рубеже XIV—XV вв. желали обеспечить себе и членам своих семей надежное убежище в монастырях путем приобретения в них адельфатов. Именно в источниках указанного периода сохранилось наибольшее количество сведений об этом институте<sup>2</sup>. Термин «адельфат» (греч. ἀδελφῶτον — «братев», «братский») означает предоставление со стороны монастыря пожизненного содержания (ситиресия) лицу (адельфатарии), которое обеспечило его себе более или менее богатым имущественным вкладом или денежной выплатой<sup>3</sup>.

Связи сербских правителей с Православной церковью, в том числе с обителями Святой Горы Афон — Хиландаром, Великой Лаврой, Свято-Пантелеимоновым монастырем и др., традиционно были чрезвычайно прочны. Без поддержки Свято-Саввской церкви претензии наследников князя Лазаря (1371—1389) на сербский престол не были бы серьезными. Неудивительно, что вдова князя Лазаря Милица (монахиня Евгения), князь Стефан (1389—1427) и его брат Вук, стремясь как можно скорее узаконить свои права наследников «святородной лозы» и укрепить власть, налаживали отношения с одной из старейших обителей Сербии — Милешево — и монастырями Афона, особенно с Хиландаром<sup>4</sup>.

Среди 16 дошедших до нашего времени монастырских дарственных грамот (хрисовулов) Стефана Лазаревича 1392—1427 гг.<sup>5</sup> имеются две, в которых речь идет об основании адельфатов в монастырях.

Первый документ — грамота монахини Евгении, князя Стефана и Вука от 8 июня 1395 г., которой монастырю Св. Пантелеимона даруются новые метохи, а также подтверждаются ранние приложения князя Лазаря и сербской властели этой обители (с подтверждением Патриарха Сербского Даниила III)<sup>6</sup>. Данный хрисовул является актом адельфатария, выдача которого была первым шагом на пути создания адельфата. Вторым стало издание акта со стороны монастыря: как правило, в нем снова перечислялось даруемое имущество или предполагаемые денежные выплаты и выражалось согласие с предоставлением адельфата. Обычно оба документа о заключенном таким образом соглашении не сохранялись (чаще всего — только один из них). Договор монахини Евгении

---

<sup>2</sup> *Живојиновић М.* Адельфати у Византији и средњовековној Србији // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1968. Књ. 11. С. 241, 244; подробнее о происхождении термина и истории становления, основную литературу об институте см.: Там же. С. 241—247.

<sup>3</sup> Там же. С. 241.

<sup>4</sup> *Историја српског народа / Д. Богдановић, Р. Михалчић, С. Ђирковић и др.* Београд, 1982. Књ. 2. С. 112.

<sup>5</sup> См.: *Младеновић А.* Повеле и писма деспота Стефана. Београд, 2007. С. 155—376.

<sup>6</sup> Там же. С. 294—297.

и ее сыновей с обителью Св. Пантелеимона является одним из двух известных исследователям исключений<sup>7</sup>. До нашего времени дошел акт игумена монастыря Св. Пантелеимона Никодима об основании 20 аделфатов в указанной обители, изданный в ответ на грамоту монахини Евгении, князя Стефана и Вука и подписанный, «ради сведетел'ства», сорока членами братского собора (1396)<sup>8</sup>.

Второй документ — грамота деспота Стефана Лазаревича от 8 июня 1411 г., которой монастырю Хиландар даруется несколько сел в Сербии в обмен на шесть аделфатов в указанной обители<sup>9</sup>.

После приобретения аделфата поступление в обитель дарителя подразумевалось, но не было обязательным условием. Существовали две основные категории аделфатариев: эсомониты, которые становились монахами и получали право управлять имуществом обители, пользовались особыми правами в общине, и эксомониты, которые оставались мирянами и управляли монастырским имуществом по договору. Для представителей первой категории аделфат включал в себя все необходимое для жизни в обители: проживание, одежду, обувь, питание. Миряне же получали довольно точно определенную в греческих и сербских актах XIV—начала XV в. (в том числе в хрисовулах сербских правителей) компенсацию в натуральной или денежной форме — в зависимости от условий договора<sup>10</sup>. В качестве примера приведем право дочерей монахини Евгении на получение 5 л (около 3,3 кг) серебра ежегодно от обители Св. Пантелеимона в том случае, если после смерти братьев и матери, унаследовав 11 аделфатов, они попадут в Константинополь. Однако, оказавшись в Солуни, на Струме, в окрестностях или на территории метохов Свято-Пантелеимонова монастыря, они должны были получать содержание в натуральной форме<sup>11</sup>.

Помимо двух категорий аделфатариев, в обители могли находиться монахи — представители вкладчика, которые пользовались частью аделфатов и следили за выполнением обязательств монастырем по отношению к дарителю<sup>12</sup>. Например, в акте 1396 г. оговаривалось право князя Стефана и Вука на две наибольшие кельи (безусловно, по причине знатности и принадлежности к правящей династии). Их могли занять выбранные аделфатариями монахи, получавшие право пользования двумя аделфатами правителей; после смерти монахи, по желанию дарителей, могли

---

<sup>7</sup> Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 247—248.

<sup>8</sup> Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 316—319.

<sup>9</sup> Там же. С. 192—193.

<sup>10</sup> Подробнее см.: Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 256—259, 263—265; Каждан А. П. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 63—64.

<sup>11</sup> Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 317.

<sup>12</sup> Подробнее см.: Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 259.



быть заменены другими насельниками на тех же условиях<sup>13</sup>. Деспот Стефан получил в монастыре Хиландар определенные кельи — «герасимовские» (связанные с именем монаха Герасима — брата Вука Бранковича)<sup>14</sup> — с виноградником, садом и огородом, права на которые имел и раньше. Двумя адельфатами правитель распоряжался по своему усмотрению и мог отдать их в пользование «своим» монахам<sup>15</sup>.

Кроме обязанностей, связанных с материальным обеспечением дарителя, у монастыря существовали не менее важные духовные обязанности, которые не зависели от того, вступал ли адельфатарий в обитель. Чаще всего они заключались в поминовении во время богослужения или в чтении молитв, на которые указал даритель, совершении литургии, предоставлении колива и «приливка» для поминовения, а также, при соответствующем размере вклада, вписывании имен адельфатария и членов его семьи в «поменник» (монастырский синодик)<sup>16</sup>.

Так, соглашение 1395—1396 г. между Лазаревичами и обителью Св. Пантелеимона устанавливало на каждый вторник совершение литургии и исполнение параклиса — молебного канона — для князя Стефана и его брата Вука, до конца их дней (по неделям чередовалось исполнение параклиса Прсв. Богородице и Св. Пантелеимону). После смерти адельфатариев монастырь обязывался совершать поминовение не только монахини Евгении и ее сыновей, но и князя Лазаря. Лазаревичи должны были поминаться на третий, девятый, вероятно, двадцатый (начало акта 1396 г. утрачено, но, например, в грамоте деспота Стефана Великой Лавре от 20 января 1427 г. указывается и двадцатый)<sup>17</sup>, сороковой день, шестой, девятый месяц и в годовщину смерти. Литургия и освящение колива (сваренных зерен пшеницы, обычно смешанных с медом) совершались при участии всей монастырской братии; во время освящения колива в обитель приглашались нищие с тем, чтобы вместе со всеми насельниками участвовать в утренней трапезе, на которую приносился и «приливок» — вино. До сорокового дня после смерти адельфатариев насельникам приписывалось отслужить сто литургий; каждую субботу, в течение первого года после кончины, для поминовения усопших устанавливалось коливо и совершалось десять литургий. В первую годовщину смерти адельфатарии поминались «по уставу Святых Отцов, когда поминаются все православные христиане»; затем каждую субботу для них готовилось коливо и служились три литургии. В последующие годовщины смерти Лазаревичи и князь Лазарь поминались как ктиторы

---

<sup>13</sup> Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 317.

<sup>14</sup> Там же. С. 198.

<sup>15</sup> Там же. С. 192—193.

<sup>16</sup> Живојиновић М. Аделфати у Византији и средњовековној Србији. С. 241.

<sup>17</sup> Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 260.

Свято-Пантелеимоновой обители при участии всей братии в литургии, трапезе с «приливком», на которую приглашались нищие. В акте подчеркивалось, что из-за приложения другого человека, пускай и превосходящего вклад Лазаревичей, поминовение князя Лазаря и его наследников не может быть пропущено, так как их имена вписаны в «поменник»<sup>18</sup>.

Добавим, что в обширном акте игумена Свято-Пантелеимоновой обители Никодима были не только детально прописаны «материальные» и духовные обязанности монастыря перед Лазаревичами, но и рассмотрены возможные варианты распределения аделфатов в случае вражды между Стефаном и Вуком, смерти одного или обоих братьев, смерти монахини Евгении до и после кончины сыновей и размеры денежной компенсации в случае лишения братьев власти и изгнания из Сербии<sup>19</sup>. Кроме того, отдельно оговаривалось, что даже в случае потери, со временем, обителью приложенных Лазаревичами метохов руководство монастыря не могло отказаться от взятых на себя обязательств, так как монахиня Евгения и ее сыновья, со своей стороны, выполнили все записанное в хрисовуле от 1395 г. без всяких условий и возражений<sup>20</sup>.

Духовные обязанности монастыря Хиландар перед деспотом Стефаном Лазаревичем прописаны в грамоте правителя от 8 июня 1411 г. довольно кратко (но и сам объем документа уступал акту игумена Никодима). В обмен на несколько сел, расположенных в окрестностях Ново Брдо, и двух сел в Леваче (южнее г. Крагуевац) обитель обязывалась ежегодно поминать правителя по уставу Святых Отцов: с приготовлением колива, совершением 10 литургий, предоставлением «приливка» всей братии. Кроме того, до сорокового дня с момента кончины деспота должно было быть совершено 100 литургий. По прошествии года Стефан Лазаревич поминался как ктитор монастыря<sup>21</sup>.

Поминовение «как ктитора», о котором говорится не только в рассмотренных выше актах, но и во многих хрисовулах сербских правителей XII—середины XV в. (например, в грамотах деспота Стефана Великой Лавре от 1407 и 1427 гг., акте Георгия Бранковича той же обители от 1452 г.)<sup>22</sup>, предполагало соблюдение определенных правил, прописанных в монастырских типиках. Так, например, в главе 35 Хиландарского типика Св. Саввы (1200) были изложены правила поминовения ктиторов обители — Св. Симеона и его супруги Анны (монахини Анастасии): со

---

<sup>18</sup> Там же. С. 316—318.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Там же. С. 318.

<sup>21</sup> Там же. С. 193.

<sup>22</sup> Там же. С. 240, 260 ; *Анастасијевић Д. Н.* Српске архив Лавре Атонске // Споменик Српске краљевске академије. Београд ; Ср. Карловци, 1922. Књ. 56. С. 15—16.

свечами, «всеношным пением», вином и хлебом для насельников и для раздачи всем желающим у ворот обители<sup>23</sup>. В Романовском типике Хиландара (1382), составленном по поручению братии монастыря в связи со случаями нарушения «заповедей и типика святых ктиторов», правила, установленные предшественниками, были прописаны заново. Поминование должно было включать в себя ежегодное совершение всей братией всеношной, обеспечение колива со свечами и «приливка», служение утренней литургии в день успения ктитора до тех пор, пока существует обитель<sup>24</sup>.

Как мы видим, обязанности монастырей Святой Горы, заключавшиеся в поминовании души, перед адельфатариями и ктиторами были схожи. Выше было сказано, что адельфат предоставлялся обителью лицу за вклад, сделанный в виде имущества или в денежной форме<sup>25</sup>. Сербские правители располагали достаточными средствами и владениями для поддержания материального благополучия Православной церкви, защищая ее интересы посредством выдачи дарственных грамот. Их многочисленные приложения были неотъемлемой частью ктиторийской деятельности, которая, в свою очередь, являлась естественным продолжением традиций предшественников<sup>26</sup>. Ктиторийское право отличалось от права адельфатария, однако в некоторых случаях право последнего приравнивалось к ктиторийскому, так как особенно щедрые пожертвования обеспечивали вкладчику права ктитора обители<sup>27</sup>. В то же время ктиторий монастыря мог расширить свои права правом адельфатария, как, например, произошло в случае деспота Стефана. Так, Стефан Лазаревич, назвавший себя «хтиторий же и внутрьний» обители Хиландар в хрисовуле 1406—1407 гг.<sup>28</sup>, грамотой 1411 г. пожелал основать в монастыре адельфаты<sup>29</sup>.

Рассматривая акты сербских правителей рубежа XIV—XV вв., связанные с основанием адельфатов в святогорских обителях, нужно отметить интересное сходство: оба хрисовула, 1395 и 1411 гг., имеют практически

---

<sup>23</sup> Леонид, архм. Стара српска писма из руског манастира св. Пантелејмона у Светој Гори // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1868. Књ. 7 (24). С. 216.

<sup>24</sup> Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Ср. Карловци, 1905. Књ. 3. С. 68—70.

<sup>25</sup> Подробнее о вкладе см.: Живојиновић М. Адельфати у Византији и средњовековној Србији. С. 253—256.

<sup>26</sup> Подробно о ктиторийском праве см., например: Троицки В. С. Ктиторийско право у Византији и Неманићкој Србији // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Књ. 168. С. 81—132; Цуњак М. Ктиторийство права и обавезе ктитора у средњовековној Србији. Смедерево; Београд, 2008.

<sup>27</sup> Подробнее см.: Живојиновић М. Адельфати у Византији и средњовековној Србији. С. 266.

<sup>28</sup> Младеновић А. Повеле и писма деспота Стефана. С. 184.

<sup>29</sup> Там же. С. 193.

идентичные богословские преамбулы<sup>30</sup>, начинающиеся словами: «Вышнюю славу улучити желающе божьствных евангельских заповедей делателіе...» Данная преамбула была использована всего в трех хрисовулах и впервые появилась в дарственной грамоте князя Лазаря, которой монастырю Св. Пантелеимона даровалась церковь Спаса в с. Хвосно (1380—1381)<sup>31</sup>. Таким образом, указанная преамбула обнаруживается в актах двум афонским обителям.

Необходимо сказать несколько слов об аренгах хрисовулов. Богословская преамбула являлась достаточно универсальным и устойчивым элементом формуляра монастырских грамот. В соответствии с особенностями составления актов в сербской средневековой канцелярии<sup>32</sup>, преемственностью канцелярий новых сербских правителей с канцелярией династии Неманичей одна и та же аренда могла повторяться в нескольких хрисовулах, адресованных разным обителям разными же правителями. Неоднократное употребление практически идентичных по содержанию аренг в актах можно объяснить желанием правителей подчеркнуть континуитет и легитимность своей власти в сербских землях. Кроме того, делопроизводством в канцелярии недавно восшедшего на престол правителя долгое время занимались те же «чиновники», что и при его предшественнике. Не исключено также, что использованием идентичной с актом предшественника преамбулы правители стремились подчеркнуть не только земную, но и духовную преемственность, показать богоустремленность и праведность своих принципов управления Сербией.

Учитывая все выше сказанное, можно объяснить, почему при составлении грамоты монахини Евгении и ее сыновей монастырю Св. Пантелеимона была использована, с незначительными изменениями, преамбула из акта князя Лазаря этой же обители.

Выбор той же самой богословской преамбулы деспотом Стефаном для грамоты монастырю Хиландар менее очевиден. Мы склонны считать, что ключевую роль сыграло то, что хрисовул 1411 г., как и грамота 1395 г., являлся актом адефатария. При сравнении текстов преамбул трех указанных актов обнаруживается, что изменения в аренгу были внесены для грамоты 1395 г., и для составления своего хрисовула Стефан Лазаревич

---

<sup>30</sup> Богословская преамбула (аренга) — часть формуляра дарственных грамот, торжественное введение религиозного содержания, в котором в общих чертах доказывалась оправданность того, что изложено в хрисовуле; включала в себя комбинации точных (или пространных) цитат или грамматически преобразованных отрывков из Священного Писания.

<sup>31</sup> *Леонид, архм.* Стара српска писма. С. 256—258.

<sup>32</sup> Об этом см.: *Станојевић С.* Студије о српској дипломатици. XX. Састављање повеље // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1933. Др. разред. 80. С. 155—219; *Ђирковић С.* Повеље кнеза Лазара и његова канцеларија // Стари српски архив. Београд, 2003. Књ. 2. С. 207—215.

использовал именно эту измененную преамбулу. Вероятно, в сознании деспота данная аренда ассоциировалась с возможностью основать адельфат.

Сербские правители — наследники князя Лазаря — наравне с представителями греческой и сербской знати, на рубеже XIV—XV вв. основывали адельфаты в монастырях, преимущественно афонских<sup>33</sup>. С одной стороны, желание получить права адельфатариев было следствием сложной внешнеполитической обстановки, ощущения неизбежности турецкого завоевания, усилившегося после Косовской битвы (1389). С другой стороны, приобретая адельфаты, Лазаревичи расширяли правами адельфатариев свои ктиторские права, которые являлись естественным продолжением традиций представителей династии Неманичей.

Из 16 дошедших до нашего времени хрисовулов Стефана Лазаревича 1392—1427 гг. всего в двух речь идет об основании адельфатов, в то время как о ктиторстве и ктиторских правах говорится чаще — ктиторское право было для правителей приоритетным. По всей видимости, после сокрушительного поражения султана Баязида от войск Тамерлана в битве при Анкаре (1402) и относительного улучшения внешнеполитической ситуации на Балканах потребность сербских правителей в обеспечении себе и своим семьям надежного убежища в монастырях несколько ослабла. Вступление Сербии в тесное соприкосновение с Византией и принятие Стефаном Лазаревичем титула деспота от регента Мануила II Палеолога Иоанна VII Палеолога (1402) шло навстречу стремлениям Лазаревичей вернуть к жизни некогда могущественное государство Неманичей, способное дать отпор туркам, и желанию Константинопольской Патриархии сделать Сербию новым оплотом веры на Балканском полуострове<sup>34</sup>. Осуществлению этих планов способствовала разгоревшаяся после смерти султана Баязида (1403) междоусобная война в Османской империи, закончившаяся в 1413 г. победой Мехмеда I. Возможно, именно вступление Мехмеда в борьбу за Румелию в 1411 г. при поддержке византийского императора Мануила II привело деспота Стефана к размышлениям о скором ухудшении внешнеполитической ситуации и вынудило вернуться к основанию новых адельфатов в святогорских обителях.

## РЕЗЮМЕ

В данной статье на примере сербских актов 1395—1411 гг. рассмотрены характерные черты адельфата, под которым понимается предоставление со стороны монастыря пожизненного содержания лицу (адельфатарии),

---

<sup>33</sup> Подробнее см.: *Ивановић М.* Света Гора као уточиште за властелу из српске деспотовине // Наш Траг. Часопис за культуру. Велика Плана, 2013. № 3/4. С. 358—369.

<sup>34</sup> *Колпакова Г. С.* Искусство Византии ... С. 178.

обеспечившему его себе имущественным вкладом или денежной выплатой. На рубеже XIV—XV вв. сербские правители, наравне с представителями греческой и сербской знати, основывали адельфаты в монастырях, преимущественно афонских. С одной стороны, желание получить права адельфатариев, обеспечить надежное убежище себе и членам своей семьи было следствием сложной внешнеполитической обстановки, ощущения неизбежности турецкого завоевания, усилившегося после Косовской битвы (1389). С другой стороны, приобретая адельфаты, Лазаревичи расширяли свои ктиторские права, которые являлись естественным продолжением традиций представителей династии Неманичей. В статье особое внимание уделено рассмотрению духовных обязательств монастырей перед адельфатариями.

## SUMMARY

In this article, on the example of Serbian acts issued in 1395—1411, the characteristic features of adelphate are examined. The term «adelphate» means the giving of life-long sustenance on the part of a monastery to an individual (adelphatarios) who had given some gift, in property or in money, and thereby secured this support from the monastery. At the turn of the XIV—XV centuries Serbian rulers, as well as Greek and Serbian nobles, founded adelphate in the monasteries most often situated on the Mount Athos. On the one hand, their desire to get the rights of the adelphatarios, to provide a safe refuge for themselves and their family was the result of difficult foreign policy situation, the feeling of inevitability of Turkish conquest, which intensified after the Battle of Kosovo (1389). On the other hand, getting adelphate the heirs of Prince Lazar expanded their rights of ktitor which were the natural continuation of the traditions of Stefan Nemanja dynasty. The author focuses on the consideration of spiritual obligations of the monasteries towards adelphatarios.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сербия, Средние века, дарственные грамоты, адельфат, адельфатарий, Стефан Лазаревич, гора Афон, Хиландар, монастырь Св. Пантелеимона, ктиторское право.

## KEYWORDS

Serbia, the Middle Ages, charters, adelphate, adelphatarios, Stefan Lazarevich, Mount Athos, Chilandar Monastery, St. Panteleimon Monastery, the rights of ktitor.

## БИБЛИОГРАФИЈА

*Анастасијевић Д. Н.* Српске архив Лавре Атонске // Споменик Српске краљевске академије. Београд ; Ср. Карловци, 1922. Књ. 56. С. 6—21.

*Живојиновић М.* Аделфати у Византији и средњовековној Србији // Зборник радова Византолошког института. Београд, 1968. Књ. 11. С. 241—270.

*Ивановић М.* Света Гора као уточиште за властелу из српске деспотовине // Наш Траг. Часопис за културу. Велика Плана, 2013. № 3/4. С. 358—369.

Историја српског народа / Д. Богдановић, Р. Михалчић, С. Ђирковић и др. Београд : Српска књижевна задруга, 1982. Књ. 2 : Доба борби за очување и обнову државе (1371—1537).

*Каждан А. П.* Византијски манастир XI—XII вв. как социјална група // Византијски временник. М., 1971. Т. 31. С. 48—70.

*Колтакова Г. С.* Искусство Византии. Ранни и средни периоди. М. : Азбука-классика, 2004.

*Леонид, архм.* Стара Српска писма из руског манастира св. Пантелејмона у Светој Гори // Гласник српског ученог друштва. Београд, 1868. Књ. 7 (24). С. 231—295.

*Младеновић А.* Повеле и писма деспота Стефана. Београд : Чигоја штампа, 2007.

*Станојевић С.* Студије о српској дипломатици. XX. Састављање повеле // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1933. Др. разред. 80. С. 155—219.

*Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Од. 1. Ср. Карловци, 1905. Књ. 3.

*Тројици В. С.* Ктиторско право у Византији и Неманићкој Србији // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Књ. 168. С. 81—132.

*Ђирковић С.* Повеле кнеза Лазара и његова канцеларија // Стари српски архив. Београд, 2003. Књ. 2. С. 207—215.

*Џуњак М.* Ктиторство права и обавезе ктитора у средњовековној Србији. Смедерево ; Београд : Newpress Богословија «Свети Сава», 2008.

## REFERENCES

*Anastasijević D. N.* Srpske arhiv Lavre Atonske // Spomenik Srpske kraljevske akademije. Beograd ; Sr. Karlovci, 1922. Knj. 56. S. 6—21.

*Ćunjak M.* Ktitorstvo prava i obaveze ktitora u srednjovekovnoj Srbiji. Smederevo ; Beograd : Newpress Bogoslovija «Sveti Sava», 2008.

*Ćirković S.* Povelje kneza Lazara i njegova kancelarija // Stari srpski arhiv. Beograd, 2003. Knj. 2. S. 207—215.

Istorija srpskog naroda / D. Bogdanović, R. Mihaljčić, S. Ćirković i dr. Beograd : Srpska knjizhevna zadruga, 1982. Knj. 2 : Doba borbi za ochuvanje i obnovu drzhave (1371—1537).

*Ivanović M.* Sveta Gora kao utočišhte za vlastelu iz srpske despotovine // Nash Trag. Chasopis za kulturu. Velika Plana, 2013. Nr 3/4. S. 358—369.

*Kazhdan A. P.* Vizantijskij monastyr XI—XII vv. kak socialnaya gruppa // Vizantijskij vremennik. M., 1971. T. 31. S. 48—70.

*Kolpakova G. S.* Iskusstvo Vizantii. Rannij i srednij periody. M. : Azbukaklassika, 2004.

*Leonid, arhm.* Stara srpska pisma iz ruskog monastira sv. Pantelejmona u Svetoj Gori // Glasnik srpskog uchenog drushtva. Beograd, 1868. Knj. 7 (24). S. 231—295.

*Mladenović A.* Povelje i pisma despota Stefana. Beograd : Chigoja shtampa, 2007.

*Stanojević S.* Studije o srpskoj diplomaciji. XX. Sastavljanje povelje // Glas Srpske kraljevske akademije. Beograd, 1933. Dr. razred. 80. S. 155—219.

*Stojanović Lj.* Stari srpski zapisi i natpisi // Zbornik za istoriju, jezik i knjizhevnost srpskog naroda. Od. 1. Sr. Karlovci, 1905. Knj. 3.

*Troicki V. S.* Ktitorsko pravo u Vizantiji i Nemańićkoj Srbiji // Glas Srpske kraljevske akademije. Beograd, 1935. Knj. 168. S. 81—132.

*Zhivojinović M.* Adelfati u Vizantiji i srednjovekovnoj Srbiji // Zbornik radova Vizantoloshkog instituta. Beograd, 1968. Knj. 11. S. 241—270.



---

Ю. А. ПЯТНИЦКИЙ

**СПИСОК ИКОНЫ «БОГОМАТЕРЬ  
МЛЕКОПИТАТЕЛЬНИЦА» ИЗ СКИТА СВЯТОГО ИЛЬИ  
НА СВЯТОМ АФОНЕ В КОЛЛЕКЦИИ  
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА<sup>1</sup>**

В 2008 г. Государственный Эрмитаж приобрел у частного коллекционера Игоря Игоревича Гуляева из г. Перми небольшую икону «Богоматерь с Младенцем, Млекопитательница» афонского письма самого конца XIX столетия. Икона, согласно надписи на лицевой стороне, была послана из Греции со Святой Горы Афон монахом Феодоритом своей сестре Екатерине Андреевне, проживавшей в России. По словам владельца, И. И. Гуляева, он приобрел икону в г. Ставрополе в 2007 г. у потомков Екатерины Андреевны. Этот памятник афонской иконописи оказался чрезвычайно интересным со многих точек зрения и явился важным пополнением коллекции поствизантийской живописи Государственного Эрмитажа.

Икона небольшая по размерам: 35 × 31 × 3 см, написана на цельном куске дерева с двумя врезными профилированными горизонтальными шпонками. Шпонки сделаны из другой породы дерева, чем иконный щит. Для щита был использован кипарис, а для шпонок — липа. С оборотной стороны верхняя и нижняя части доски покрыты синей краской, а центральная часть, между двумя шпонками, — осталась неокрашенной. В центре щита поставлен чернильный штамп: «18.. года. Благословение от Русского Ильинского Скита на Святой Афонской Горе. Освящена». Слева от штампа имеется врезка дерева в форме «ласточкина хвоста».

---

<sup>1</sup> Статья публикуется в авторской редакции.

С лицевой стороны поверхность иконного щита ровная, без ковчега. Фон живописный, постепенно высветляется от темно-зеленого внизу до светлого золотисто-коричневого «облачного» вверху. По периметру фона идет двойная обводка — тонкая белая внутренняя и толстая черная внешняя. Нимбы Марии и Младенца золотые. На фоне имеется славянская надпись с названием иконы «Обр[аз] Прес[вя]тые Б[огороди]цы Млекопитательницы»; в верхних углах иконы традиционные монограммы «MP ΘΥ» («Мать Божия»), около нимба Младенца монограммы «IC XC» («Иисус Христос»). Внизу в центре, под изображением Марии с Младенцем, помещена белая бандероль с текстом: *«Копия с чудотворной иконы Богоматери Млекопитательницы находившейся в Скиту Святого Пророка Или на Святой Афонской горе. Написана и освящена в оном Скиту и посылается в Благословении сестре Екатерине Андреевне от брата монаха Феодорита. 1898 г.»*

На иконе представлена сцена кормления Марией младенца Христа. Богоматерь изображена по пояс с полулежащим Младенцем на руках. В верхней части иконы помещены два архангела — Михаил и Гавриил, — коронующие Марию. В нижних углах иконы имеются два овальных медальона. Один — с поясным прямоличным изображением Святого Николая Чудотворца; на другом — аналогичная фигура Святого Иоанна Предтечи с отсеченной головой на блюде. Святой Иоанн Предтеча представлен в зеленых хитоне и плаще, а Святой Николай — в святительском облачении. Младенец Христос изображен в зеленой рубашке с золотым растительным орнаментом. Мария — в синем платье и пурпурном мафории с золотой шtraффировкой. Края ее платья и мафория украшены широкой золотой каймой с драгоценными камнями. Архангелы облачены соответственно в красные и зеленые одежды с золотым декором.

Первоначально икона «Богоматерь Млекопитательница», по-видимому, находилась в деревянном киоте со стеклом, что защищало ее от пыли и от сильных колебаний температуры и влажности. Именно поэтому живопись дошла до нас в хорошей сохранности. На момент покупки на поверхности живописи имелись незначительные загрязнения (на медальонах с фигурами Святого Николая и Святого Иоанна Предтечи), а также легкое помутнение лака на фоне в левой части иконы. После приобретения памятника живопись была приведена практически в идеальное состояние в мастерской реставрации станковой живописи Государственного Эрмитажа. Работу тщательно выполнил высокопрофессиональный реставратор А. Никольский.

В 2008 г., перед приобретением, памятник был обследован в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (заключение № 1416 от 10.11.2008). В результате была выявлена паволока, лежащая под тонким слоем грунта; определены породы дерева доски и шпонки (соответственно кипарис и липа). Согласно заключению икона

написана маслом, с использованием свинцовых белил с примесью цинковых и баритовых белил, охры, киновари, зеленого хрома и золота. Паволока сделана из холста полотняного переплетения. На выполненной тогда же рентгенограмме хорошо видно, что на лицевой стороне иконы в дереве сделано четырехугольное углубление, закрытое деревянной крышечкой на четырех гвоздях, поверх которой была наклеена паволока. Внутри углубления имеется воскомастика с органическими частицами, по-видимому фрагментами святых мощей. Расположение этого своеобразного мощевика приходится как раз между нимбами Марии и младенца Христа. На лицевой стороне иконы, если приглядеться, на этом месте видны небольшие выпуклости от шляпок гвоздей. Таким образом, следует считать, что благодаря этому тайному мощевику икона может быть отнесена к категории икон-реликвариев.

Практика помещения святых реликвий в деревянную основу икон хорошо известна по византийским, поствизантийским и древнерусским памятникам. В самом этом факте нет ничего необычного. Другое дело, что в нашем случае создается впечатление тайного скрyтия мощей. Об этом свидетельствует размещение мощевика с лицевой стороны под паволокой и отсутствие упоминания о нем в донаторской надписи. Подобная «секретность» вполне объяснима: вывоз мощей с Афона в конце XIX в. был уже запрещен. Поэтому, посылая копию чудотворной афонской иконы своей сестре в Россию, монах Феодорит спрятал частицы святых мощей внутри деревянной доски, так чтобы они не были видны. Об их наличии он, возможно, написал в сопроводительном письме или послал устное сообщение. Если бы при решении вопроса о приобретении иконы в Государственный Эрмитаж не был сделан рентген, наличие мощевика под паволокой внутри иконной доски могло бы оставаться секретом еще многие годы.

Традиция заключать в живописные иконы святые мощи и реликвии была весьма распространена на Святой Горе Афон. Например, в русском ските Новая Фиваида, основанном в 1880 г., находился образ «Успение Божией Матери» — точная копия в размер чудотворной иконы Киево-Печерской лавры. Она была прислана в апреле 1896 г. на Афон, благодаря ходатайству иеросхимонаха отца Аристоклия (Амвросиев), бывшего настоятеля Афонской часовни в Москве, который вложил с лицевой стороны иконы, под слюду, кусочек камня от Гроба Господня и частицы святых мощей угодников Божиих<sup>2</sup>. В том же скиту хранилась икона «Святитель Феодосий Черниговский», в которую была вмонтирована часть мощей этого святителя, канонизированного в сентябре 1896 г.<sup>3</sup>

---

<sup>2</sup> Русский скит на Афоне Новая Фиваида. М., 2013. С. 88, 98, 99, 270—277.

<sup>3</sup> Там же. С. 108, 109, 288, 289.

Иконография Марии, кормящей младенца Христа, известна в религиозном искусстве с раннехристианского времени. Считается, что ее истоки восходят к египетским изображениям богини Исиды, кормящей Гора<sup>4</sup>. Поэтому неудивительно, что данный сюжет получил широкое развитие в Коптском искусстве, а также в искусстве Сиро-палестинского региона. В начале XX столетия академик Н. П. Кондаков считал, что «*типа Божьей Матери Млекопитательницы в византийской иконографии не было, а его появление в ново-греческой иконописи XIV века есть результат западного заимствования*»<sup>5</sup>. Однако последующие исследования ученых показали, что иконография Богоматери Млекопитательницы имела место как в византийском, так и в поствизантийском искусстве<sup>6</sup>. В то же время наблюдение Н. П. Кондакова относительно «западного влияния» на развитие иконографии Богоматери Млекопитательницы было верным и находит подтверждение в исследованиях современного искусствознания<sup>7</sup>. Почитание Млекопитательницы также имело место в древнерусском искусстве. В частности, одной из святынь Благовещенского собора Московского Кремля была икона Божией Матери Млекопитательницы — «Богоматерь Блаженное Чрево Барловская (Хабаровская)», списки которой почитались

---

<sup>4</sup> Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1. С. 255—257; Mathews T. F., Muller N. Isis and Mary in early icons // Images of the Mother of God: Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. by M. Vassilaki. London, 2004. P. 3—11; Bolman E. S. The enigmatic Coptic Galaktotrophousa and the cult of the Virgin Mary in Egypt // Images of the Mother of God ... P. 13—22; Atalla N. S.: 1) Coptic Art. Cairo. Vol. 1: Wall-paintings. P. 18—19; Vol. 2: Sculpture. Architecture. P. 34; 2) Coptic Icons. Cairo, 1998. Pt. 2. P. 35—37; Ägypten Schätze aus Dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil: Katalog zur Ausstellung herausgegeben vom Gustav-Lübcke-Museum der Stadt Hamm und dem Museum für Spätantike und Byzantinische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz. Wiesbaden, 1996. S. 77 (Nr. 7), 114—115 (Nr. 61), 250—252 (Nr. 267, 270).

<sup>5</sup> Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 1. С. 257—258.

<sup>6</sup> Лазарев В. Н. Этюды по иконографии Богоматери // Лазарев В. Н. Византийская живопись: [сб. статей]. М., 1971. С. 275—281, 314—317; Mirkovic L. Die nährende Gottesmutter (Galaktotrophusa) // Atti del V Congresso Internazionale di studi bizantini. Roma, 1940. Т. 2. P. 297—304; Cutler A. The Cult of the Galaktotrophousa in Byzantium and Italy // Cutler A. Byzantium, Italy and the North: Papers on cultural relations. London, 2000. P. 164—189; Byzantium: Faith and Power (1261—1557): [exhibition catalogue] / ed. by H. C. Evans. New York; New Haven; London, 2004. P. 356—357; Jääskinen A. Arasteltu kuvateema idässä, suosittu lännessä: Maidolla ruokkiva Jumalanäiti // Minun Bysantinikaukana ja lähellä. Jyväskylä, 2005. P. 113—115; Jan Morsink Ikonen: Catalogue 2003. Amsterdam, 2003. S. 37, nr 31; Morsink S. The Power of Icons: Russian and Greek Icons 15<sup>th</sup>—19<sup>th</sup> Century: The Morsink Collection. Amsterdam; Ghem, 2006. S. 56—57, nr 4.

<sup>7</sup> Di Dario Guida M. P. Icone di Calabria e alter icone meridionali. Messina, 1992. P. 57—67; Cutler A. The Cult of the Galaktotrophousa ... P. 164—189.

в Новодевичьем монастыре в Москве<sup>8</sup> и в Спасо-Евфимиевском монастыре в Суздале<sup>9</sup>. Известны небольшие русские иконы-пядницы Богоматери Млекопитательницы XVII столетия «Северного» и «Московского письма», например в коллекции галереи Морсинк в Амстердаме<sup>10</sup>, в музее икон в Реклингхаузен, Германия<sup>11</sup>, в бывшей коллекции Виктора Провадорова<sup>12</sup>, в иконостасе Благовещенского собора Московского Кремля<sup>13</sup>.

Одной из наиболее прославленных икон интересующей нас иконографии является чудотворный образ «Богоматерь Млекопитательница», находящийся в церкви кельи «Типикарница» в Карее на Святом Афоне в Греции. Келья принадлежит сербскому монастырю Хиландар, а история этого почитаемого образа связана с именем святого Саввы Сербского<sup>14</sup>. Согласно легенде, икона была принесена на Святую Гору в XIII в. из Лавры Святого Саввы Освященного в Палестине. Она якобы принадлежала самому Савве Освященному, который перед кончиной предсказал, что однажды появится «царственный паломник из Сербии» с именем Савва и монастырь благословит его этой иконой. Предсказание исполнилось в XIII столетии, когда Савва, архиепископ Сербский, прибыл в Палестину и посетил эту обитель. Сербскому страннику не только поведали старинную легенду, но и поднесли древний образ «Богоматери Млекопитательницы». Савва, на обратном пути в Сербию, посетил Святую Гору Афон и оставил икону «Богоматерь Млекопитательница» в одной из келей в Карее. Позднее она получила название «Типикарница», поскольку в этой келье хранился типик, написанный самим святым Саввой Сербским. Память данной иконы «Богоматери Млекопитательницы» празднуется 12 января<sup>15</sup>. В иконостасе

---

<sup>8</sup> *Маханько М. А.* Легенды о «греческом» происхождении русских древностей в XVII в.: икона Богоматерь Хабаровская (Барловская) в Благовещенском соборе Московского Кремля // Каптеревские чтения : сб. статей. М., 2011. Вып. 9. С. 84—111.

<sup>9</sup> *Быкова М. А.* Икона «Богоматерь Блаженное чрево» (Хабаровская) из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Искусство Христианского мира. М., 2001. Вып. 5. С. 179—184.

<sup>10</sup> Jan Morsink Ikonen — 25 Years : Catalogue 2002. Amsterdam, 2002. S. 25, nr 16 (icons of 17<sup>th</sup> century, Northern Russia).

<sup>11</sup> *Benchev I., Hausteijn-Bartsch E.* Muttergottesiconen : Museen der Stadt Recklinghausen. Recklinghausen, 2000. S. 104—105, nos. 59, 60.

<sup>12</sup> *Lazović M.* Icones d'une collection privée. Genève, 1974. No. 27.

<sup>13</sup> *Щенникова Л. А.* Иконы-пядницы и иконы-таблетки придворной церкви // Благовещенский собор Московского Кремля : материалы и исслед. М., 1999. С. 137—139, рис. 14.

<sup>14</sup> *Гаврюшина Л. К.* Святой Савва Сербский и Афон: взгляд из сербского и русского Средневековья // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства», Москва, 1—4 октября 2006. М., 2008. С. 222—229.

<sup>15</sup> *Снеессорева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы. (Репринт 2-го доп. изд. СПб., 1898). Ярославль, 1994. С. 92—93 ; *Поселянин Е.* Богоматерь : Полное

церкви эта икона Богоматери, вопреки правилам Восточной Православной церкви, помещена в местном ряду по правую сторону от царских врат, где обыкновенно находятся иконы «Христос Вседержитель» или «Святая Троица». В данном случае икона Вседержителя стоит по левую руку от царских дверей, т. е. на том месте, где обычно помещают образ Божьей Матери. Такое размещение икон местного ряда церкви кельи «Типикарница» — одна из особенностей почитания чудотворной иконы Млекопитательницы. Известный религиозный писатель-подвижник иеросхимонах Сергей Святогорец (Веснин) в письме от 29 апреля 1847 г. писал о своем впечатлении от этого почитаемого образа: *«Очертание лика Богоматерного и Ея Божественного Младенца выразительно, прекрасно, и в собственном церковном стиле. Это лучший образец Византийской школы, так редкой здесь в настоящую пору»*<sup>16</sup>. Через несколько десятилетий посетивший Афон в 1898 г. академик Н. П. Кондаков, напротив, отнесся весьма скептически к древности и художественным достоинствам этого памятника. Он считал, что образ носит *«характер балканских позднейших писем, и потому мы должны считать эту икону подражением западным оригиналам XIV—XV века, сербской работы. <...> Принадлежность образа XV веку доказывается чертами типа и письма. И то и другое принадлежит позднему, не византийскому искусству, а письмо, в частности, чуждо собственным византийским приемам. Это итальянская манера, только не в масляных красках и в ремесленном виде. Галуны фелони Богородицы украшены, по итальянскому обычаю, надписями, в которых дважды передан “изрядный тропарь” на греческом и славянском языках»*<sup>17</sup>. Вопреки мнению маститого академика, другой известный русский (вернее, советский) византинист В. Н. Лазарев не исключал, что икона может быть действительно византийской. В статье об иконографии Богоматери, впервые опубликованной в 1938 г. на английском языке и в 1971 г. переизданной на русском языке в расширенном варианте и с дополнениями, он писал: *«Икона настолько загрязнена и многократно записана, что, учитывая ее современное состояние, исключена возможность ее точной датировки. Я не удивлюсь, если расчистка иконы выявит ее как произведение более раннего времени (ранее XIV—XV вв. — Ю. П.)»*<sup>18</sup>.

---

иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. (Репринт). Киев, 1994. С. 116—117.

<sup>16</sup> Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. (Репринт 8-го изд. М., 1895). М., 2008. С. 469.

<sup>17</sup> Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 172—174.

<sup>18</sup> Лазарев В. Н. Этюды по иконографии Богоматери. С. 315—316, примеч. 44.

В греческой и сербской иконописи XVII—XIX столетий известны копии чудотворной иконы «Богоматерь Млекопитательница» из кельи «Типикарница». Одна из них — с датой «1769 год» имеется в коллекции Эрмитажа<sup>19</sup>. Известны также гравюры XIX в. с изображением этой чудотворной иконы<sup>20</sup>. На всех этих репликах и гравюрах присутствуют архангелы, коронующие Марию. Весьма любопытным явлением можно считать воспроизведения этой прославленной афонской иконы в румынской иконописи на стекле в XIX столетии<sup>21</sup>.

На Афоне имеется еще одна икона «Богоматерь Млекопитательница», которая также прославилась чудесами. Она хранится в скиту Святого Ильи, где стала местночтимым чудотворным образом<sup>22</sup>. Согласно традиции, в 1842 г. эту икону Богоматери старец Онисим из Ватопедского монастыря дал монаху Игнатию (Кравченко), сборщику из скита Святого Ильи (в обмен старец Онисим получил икону «Богоматерь Казанская»). В 1848 г. отец Паисий, настоятель скита, благословил этой иконой монаха Игнатия на поездку в Россию для сбора средств на постройку церкви Святителя Митрофана Воронежского. Монах Игнатий был весьма успешным сборщиком, и поступавшие от ктиторов и сборов суммы позволили за семь лет благоустроить обитель. Вклады драгоценных сосудов, крестов и икон придавали блеск и пышность Божественной литургии и «лепоту» храмам скита. Во время пребывания отца Игнатия в России в 1840—1850-х гг. находившаяся у него икона «Богоматерь Млекопитательница» прославилась чудесами и исцелениями<sup>23</sup>. Один из московских ктиторов скита — Н. В. Лепешкин — украсил икону серебряной позлащенной ризой с жемчугом. Затем, во время пребывания иконы в Санкт-Петербурге, на ризу были добавлены драгоценные камни по всему периметру полей; впоследствии на задней стороне иконы прикрепили серебряную табличку с описанием чудес от этого образа. Сама икона в драгоценной ризе была помещена в киот из золоченой бронзы.

Ильинская икона является довольно точным списком с иконы из кельи «Типикарница» в Карее. Иногда на репликах «Типикарницы» имеются на фоне два овальных медальона с поясными изображениями святого Николая Чудотворца и святого Иоанна Предтечи, как например, на русском раскрашенном лубке 1880 г., исполненном в мастерской Е. Я. Яковлева

<sup>19</sup> Афонские древности : каталог выставки из фондов Эрмитажа. СПб., 1992. № 54.

<sup>20</sup> *Παλαστρατος Ν. Χαρτινές* Εικόνες, Athens, 1986. Ρ. 111—114, nr 83—89.

<sup>21</sup> *Hinterglasikonen im Ikonen-Museum Recklinghausen : Bestandskatalog*. Recklinghausen, 2000. S. 18 ; *Benchev I., E. Haustein-Bartsch*. Muttergottesiconen ... S. 170—171, Nr. 130.

<sup>22</sup> *Поселянин Е.* Богоматерь ... С. 117.

<sup>23</sup> *Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М., 2011. С. 157—159.

в Москве<sup>24</sup>. Внизу, на поле лубка, имеется надпись, указывающая, что это воспроизведение именно «Типикарницы»: «*Изображение Чудотворной Иконы Пресвятыя Богородицы Именуемой Млеко-Питательницы находящейся на Св[ятой] Афонской горе в келлии называемой постница что на Карее*»<sup>25</sup>. Однако обычно наличие подобных медальонов характерно для реплик иконы «Богоматерь Млекопитательница» из Ильинского скита<sup>26</sup>. Сегодня местночитимая икона, покрытая драгоценным окладом с камнями и большим количеством жемчуга, продолжает находиться и почитаться в скиту Святого Ильи на Афоне<sup>27</sup>. Она помещена перед царскими воротами иконостаса в Никольской церкви. Копией именно этой почитаемой Млекопитательницы из скита Святого Ильи и является икона, приобретенная Государственным Эрмитажем в 2008 г. Реплики этой местночитимой иконы довольно редки, особенно такого высокого качества живописи, как та, что была куплена Эрмитажем. Среди них можно указать икону из частного зарубежного собрания, которая близка не только по деталям иконографии, но и по качеству и манере исполнения живописи. Она была опубликована Иваном Сиротой в 1992 г.<sup>28</sup> Следует также отметить гравюру 1856 г. из музея Византийской культуры в Фессалониках (Инв. № ВХ 247), которая в иконографическом плане имеет ряд соответствий с эрмитажной иконой<sup>29</sup>.

Приведем еще раз вкладную надпись, сделанную по указанию монаха Феодорита на лицевой стороне иконы: «*Копия с чудотворной иконы*

---

<sup>24</sup> Лубок находится в собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге (Инв. № Гр. луб.-2365).

<sup>25</sup> Религиозный лубок второй половины XVIII—начала XX века из собрания Русского музея / сост. Ю. Ходько. Palace Editions, 2012. С. 71.

<sup>26</sup> Следует отметить, что сочетание образа Богоматери с изображениями святых Николая и Иоанна Предтечи имело довольно широкое распространение в Афонской и Балканской иконописи и графике XVIII—XIX вв., как об этом свидетельствует гравюра 1839 года диакона Филофея из частного собрания в Болгарии. В центре этой гравюры представлен образ Божией Матери Умиления, а по бокам от него изображены ростовые фигуры святых Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца (*Totev E. Estampes de la Renaissance Bulgare. Sofia-Press, 1978. Fig. 17*).

<sup>27</sup> Воспроизведение иконы в окладе по современной фотографии М. Талалая см.: Путешествие иеромонаха Аникиты по Святым местам Востока в 1834—1836 годах. М., 2009. С. 120; Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. С. 41, 55.

<sup>28</sup> *Sirota I. B. Die Ikonographie der Gottesmutter in der Russischen Orthodoxen Kirche. Würzburg, 1992. S. 154. Taf. 20.*

<sup>29</sup> *Athos: Monastic Life on The Holy Mountain: [exhibition catalogue] / Helsinki City Art Museum, Art Museum Tennis Palace. Maahenki Ltd, 2006. P. 280, nr 3.2 (A. Tourta).*



*Богоматери Млекопитательницы находившейся в Скиту Св[ятого] Пророка Ильи на Святой Афонской горе. Написана и освящена в оном Скиту и посылается в Благословении сестре Екатерине Андреевне от брата монаха Феодорита. 1898 г.*». Лишь вторая ее часть с именами Феодорита и его сестры Екатерины Андреевны была сделана по воле этого монаха. Первая часть надписи является слегка измененным повторением текста, который имеется на драгоценном окладе местночтимой ильинской иконы. Таким образом, даже в такой детали, как вкладная надпись, иконописец довольно точно воспроизвел чудотворный прототип.

Эрмитажная икона, согласно штампу на обороте и вкладной надписи, была исполнена в живописной мастерской русского скита Святого Ильи на Афоне в 1898 г. Она является весьма характерным образцом профессиональной работы этой иконописной мастерской и отличается высоким художественным уровнем. На Святом Афоне во второй половине XIX—начале XX в. русские иконописные мастерские были, пожалуй, наиболее крупными, продуктивными и успешными. В них изготовлялись как многочисленные иконки для паломников, посещавших Афон, так и большеформатные иконы для иконостасов и интерьеров храмов в различных регионах Восточного Средиземноморья и России. Мастерские располагались в русском монастыре Святого Пантелеймона и в двух русских скитах — Святого Андрея и Святого Ильи. В этих мастерских выработался специальный живописный стиль, отличавшийся высоким качеством исполнения и тщательностью письма. В манере можно отметить некоторую умиленность (если не сказать слащавость) образов, внешнюю изысканность и рафинированную деликатность форм. Иконописцы основывались на двух источниках: академической манере письма, характерной для европейской и русской исторической живописи второй половины XIX столетия, и на традициях греческой, в частности эпирской, живописи XVIII—XIX столетий.

Произведения афонских русских мастерских довольно высоко ценились и на Православном Востоке, и в России. В частности, они были популярны среди представителей Дома Романовых, которым, повидимому, весьма импонировал их рафинированно-умильный, с элементами слащавости стиль. В 1904 г. цесаревичу Алексею, сыну последнего русского царя Николая II, была поднесена икона Святого Алексея, митрополита Московского, написанная и освященная в скиту Святого Андрея на Афоне. Проданная в годы Советской власти за границу и хранившаяся в частных руках, эта икона в 2009 г. появилась на аукционе Сотбис в Нью-Йорке<sup>30</sup>. Ее стиль и техника письма довольно близки к иконе «Богоматери Млекопитательницы», приобретенной Государственным Эрмитажем.

---

<sup>30</sup> Russian Art. Sotheby's. New York 2 November 2009. Lot 151.

Скит Святого Пророка Ильи или Ильинский скит, как его часто называют, был основан в 1757 г. (иногда указывают 1759 г.<sup>31</sup>) знаменитым славянским просветителем Паисием Величковским (1722—1794), который подвизался на Афоне в Лавре Святого Афанасия, в монастыре Пантократор, а затем пять лет возглавлял духовную жизнь в основанном им скиту Святого Пророка Ильи<sup>32</sup>. Скит расположен в живописной местности на северо-восточном склоне Святой Горы, довольно далеко от моря. На восток из Ильинского скита открывается замечательный вид на побережье. На запад от него, на лесном скате Афонского хребта, одиноко стоят постройки скита Богородицы Ксилургу. Скит Святого Ильи славен деяниями своего основателя, старца Паисия Величковского, который именно здесь переводил с греческого на славянский язык «Добротолюбие» и сочинения Исаака Сирина. Старца Паисия справедливо называют теоретиком славянской переводной текстологии. Он много занимался святоотеческими произведениями, гимнографией и Священным Писанием, именно в его переводе издавался многие годы сборник назидательных сочинений «Добротолюбие», а также труды многих греческих Отцов Церкви<sup>33</sup>.

Скит Святого Ильи был основан на землях близлежащего монастыря Пантократор и с разрешения его властей. Согласно афонской практике и юридическим нормам все аспекты жизни и активности насельников скита должны были согласовываться с руководством Пантократорского монастыря, в том числе это касалось нового строительства или перестройки старых зданий скита. Впоследствии в конце XIX в. именно это положение вызовет затяжной конфликт между скитом и монастырем Пантократор. В 1820-е гг., во время греческого восстания и русско-турецкой войны 1828—1829 гг., управляющий скитом старец Парфений удалился с Афона в Россию в Лебяжевский Николаевский монастырь, захватив с собою главные святыни скита. В 1830 г. он возвратился

---

<sup>31</sup> Санкт-Петербургский ученый Л. Герд приводит 1770 год как время основания скита Святого Ильи (*Герд Л. А. Русский Афон 1878—1914 гг. : очерки церковно-политической истории.* М., 2010. С. 60).

<sup>32</sup> Русский Общежительный скит Святого Пророка Ильи на Святой Афонской Горе. Одесса, 1913 ; *Феннелл Н., Троцкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. С. 12—22 ; *Феннелл Н. И.* Русский Ильинский скит // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства» ... С. 185—193 ; *Антонин, архимандрит (Капустин).* Заметки поклонника Святой Горы. М., 2013. С. 74—75.

<sup>33</sup> *Верецагин Е. М.* Максим Грек и Паисий Величковский о неисправности славяно-русских церковных книг // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства» ... С. 311—314 ; *Сергей, протоиерей (Четвериков).* Молдавский старец Паисий Величковский, его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Paris, 1988.

в сопровождении нескольких монахов и восстановил Ильинский скит из развалин<sup>34</sup>. В 1835—1837 гг. в Ильинском скиту жил иеромонах Аникита (в миру — князь С. А. Ширинский-Шихматов), автор духовных сочинений и записок путешествия по Православному Востоку. Несмотря на короткое время своего пребывания на Афоне, он успел много сделать для русского монашества на Святой Горе и особенно скита Святого Ильи.

Довольно любопытные впечатления о ските оставил в своих знаменитых «Письмах» Святогорец — иеросхимонах Сергей (Веснин). В 12-м письме от конца апреля 1847 г. он писал: *«Здесьний скит что-то среднее между общежитием и штатными монастырями; братия до одного — малороссияне. До нынешнего настоятеля был у них чистый русский, против которого до такой степени предубедились малороссияне ради его личности собственно русской, что отказали ему в настоятельстве и заставили удалиться со всеми, кто только был из великороссиян. Что же Господь устроил?.. Он им поставил в игумена не малороссиянина и не чисто русского, а молдаванина и таким образом поставил их в необходимость повиновения его старческой воле. Нынешний их настоятель, отец Паисий, человек благородных качеств, прекрасного характера и доброй рассудительности. <...> В Пророко-Ильинском ските три церкви. Братства не более тридцати человек. Существенный и положительный источник продовольствия скитского состоит в богатых рыбных ловлях на Дунае <...>. В здесьнем ските звон русский; жаль только, что мал главный колокол. В церквях особенных украшений нет, кроме частиц мощей, из которых значительнее святого апостола Андрея Первозванного. Здесь же, в ризнице, в простом ящике хранятся кости покойного отца Аникиты»<sup>35</sup>.*

Впоследствии во второй половине XIX в. скит Святого Ильи практически стал русским, как по составу своих насельников и устройству скитской жизни, так и по источникам материальной помощи. Его, так же как и скит Святого Андрея в Карее, называли «русским монастырем», хотя такого официального статуса они не имели. Именно в XIX—начале XX столетия скит Святого Ильи был полностью отреставрирован с великолепным большим собором, колокольной, братскими кельями, больницей, хозяйственными постройками. С восточной стороны скит укреплен мощными подпорными стенами, делающими его похожим на средневековую крепость. Столь капитальные работы по обустройству скита стали возможны благодаря покровительству и финансовым средствам великой княгини Александры Петровны (1838—1900), которая в 1856 г. стала женой

---

<sup>34</sup> В 1837 г. отец Парфений умер в скиту от моровой язвы, занесенной из Стамбула одним из монахов (Путеводитель по Святой Афонской Горе и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. СПб., 1903. С. 30—32).

<sup>35</sup> Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. С. 497—498.

великого князя Николая Николаевича старшего (1831—1891). Инженерные работы осуществлял адмирал Александр Степанович Головачев (1824—1892). В июне 1881 г. великая княгиня Александра Петровна совершила морское путешествие, бросив якорь в бухте русского Пантелеймоновского монастыря. Там она встречалась с делегациями этого монастыря и русских скитов Святого Ильи и Святого Андрея. Возвратившись в Россию, великая княгиня постриглась под именем Анастасии в основанном ею Покровском монастыре в Киеве<sup>36</sup>.

Несмотря на то что в истории скита Святого Ильи в XIX—начале XX в. были «сложные страницы», в целом скит процветал. Он имел три подворья в России — в Таганроге, Одессе и в казачьей станице Новониколаевке. В 1910 г. был заложен, а в 1914 г. уже освящен величественный собор во имя Святого Пророка Ильи, покровителя обители<sup>37</sup>. История постройки этого собора послужила источником длительного конфликта между администрацией скита и монастыря Пантократор. После большевистской революции 1917 года скит разделил общую судьбу русских обителей на Афоне. Лишившись постоянной финансовой поддержки из России, они постепенно приходили в упадок, материальные возможности ослабевали, число иноков сокращалось.

В 1992 г. ситуация сложилась катастрофически для русских насельников скита Святого Ильи. К этому времени в скиту осталась небольшая группа монахов, в основном потомки эмигрантов «первой волны», с настоятелем архимандритом Серафимом (гуцул по происхождению, но гражданин США). Ильинцы считали себя находящимися в юрисдикции Русской Зарубежной церкви. Именно насельники скита Святого Ильи выступили инициаторами канонизации старца Паисия Величковского, которая состоялась в 1981 г. в Нью-Йорке. Ильинцы были весьма непримиримы как к выходцам из Советской России, с которыми старались не поддерживать никакого общения, так и к Константинопольским патриархам. Они объявили себя зилотами и отказались почитать Патриархов, объявив их вероотступниками. До поры до времени афонские власти и Вселенский патриарх с терпением относились к ильинцам. Однако в мае 1992 г. произошел открытый резкий конфликт между посланцами Константинопольской патриархии и отцом Серафимом, настоятелем скита. Ильинцы были объявлены «вне закона» и в течение 24 часов удалены

---

<sup>36</sup> Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в фотографиях из альбома Великого князя Константина Константиновича Романова. 1867—1872 / авт.-сост. Г. И. Вздорнов. М., 2003. С. 24—25, ил. 26 ; *Theocharides P. L. Monasteries and Sketes of the Holy Mountain : A Photographic record from 1870.* Thessaloniki, 1996. Pl. 26. (Photography on Mount Athos 4).

<sup>37</sup> *Талалай М. Русский Афон : Путеводитель в исторических очерках.* М., 2003. С. 54—60.

с Афона<sup>38</sup>. Опустевший скит был заселен греческими монахами из монастыря Пантократор<sup>39</sup>.

Приобретенная Эрмитажем икона «Богоматерь Млекопитательница» является не только прекрасным образцом афонской живописи конца XIX столетия, но и, благодаря своей посвятельной надписи с именем монаха Феодорита, памятником истории русского скита Святого Ильи на Святой Горе Афон. Документы архива скита Святого Ильи практически не доступны для исследователей, даже в том случае, когда они и сохранились. Кем был монах Феодорит и какова его судьба, к сожалению, установить нам пока не удалось. Поскольку его сестра названа Екатериной Андреевной, то и его мирское отчество тоже должно быть Андреевич. Остается надеяться, что публикация эрмитажной иконы поможет в дальнейших исследованиях, позволит раскрыть историю ее заказчика и все то, что было связано с появлением этого замечательного художественного произведения.

## РЕЗЮМЕ

В 2008 г. Эрмитаж приобрел из частной коллекции И. И. Гуляева в Перми икону «Богоматерь Млекопитательница». По словам владельца, она поступила к нему из семьи, проживающей в г. Ставрополе, и была прислана с Афона в конце XIX в. Икона является одной из копий чудотворной «Богоматери Млекопитательницы». На Афоне есть две почитаемые иконы — одна хранится в сербской келии «Типикарница», другая — в русском скиту Святого Пророка Ильи. Согласно донаторской надписи икона была создана именно в скиту Святого Ильи в 1898 г. и послана монахом Феодоритом своей сестре в Россию. Во время исследования иконы было обнаружено, что внутри доски были тайно помещены святые мощи. Живопись иконы является великолепным примером местной афонской иконописной школы.

---

<sup>38</sup> Одним из официальных поводов было нелегальное проживание «иностранцев граждан» на Святой Горе.

<sup>39</sup> *Талалай М.* Русский Афон ... С. 54—60; *Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. С. 161—165.

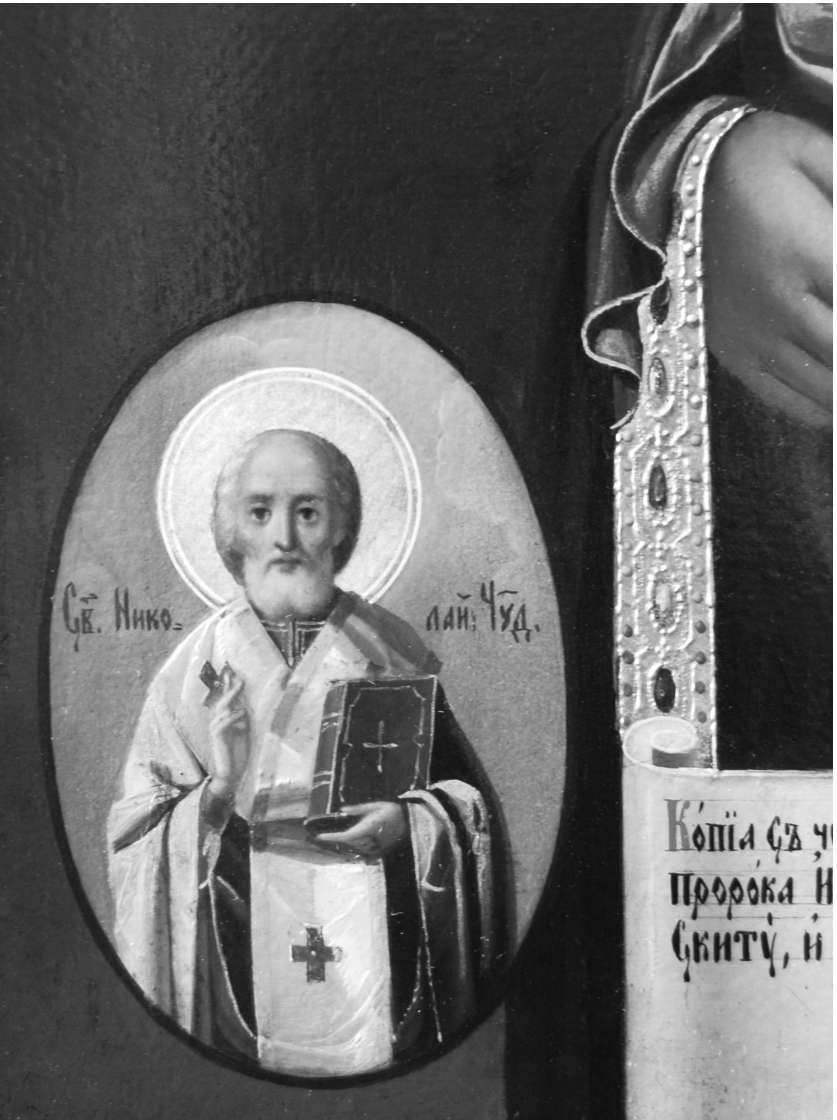


Оубр. Престубль Кѣи  
Іс.

Масконтельмнцы.

Копія съ удѣлковой иконы Печерской, Масконтельмнцы находившаяся въ святой  
Проема Или на святой Мозонской горѣ, написана и иконостасна въ ономъ  
Свѣту, и послыалася въ Благодареніе братаѣ Свѣтронѣ Андреевичѣ отъ  
всѣхъ манаха Рендранта. 1898 г.



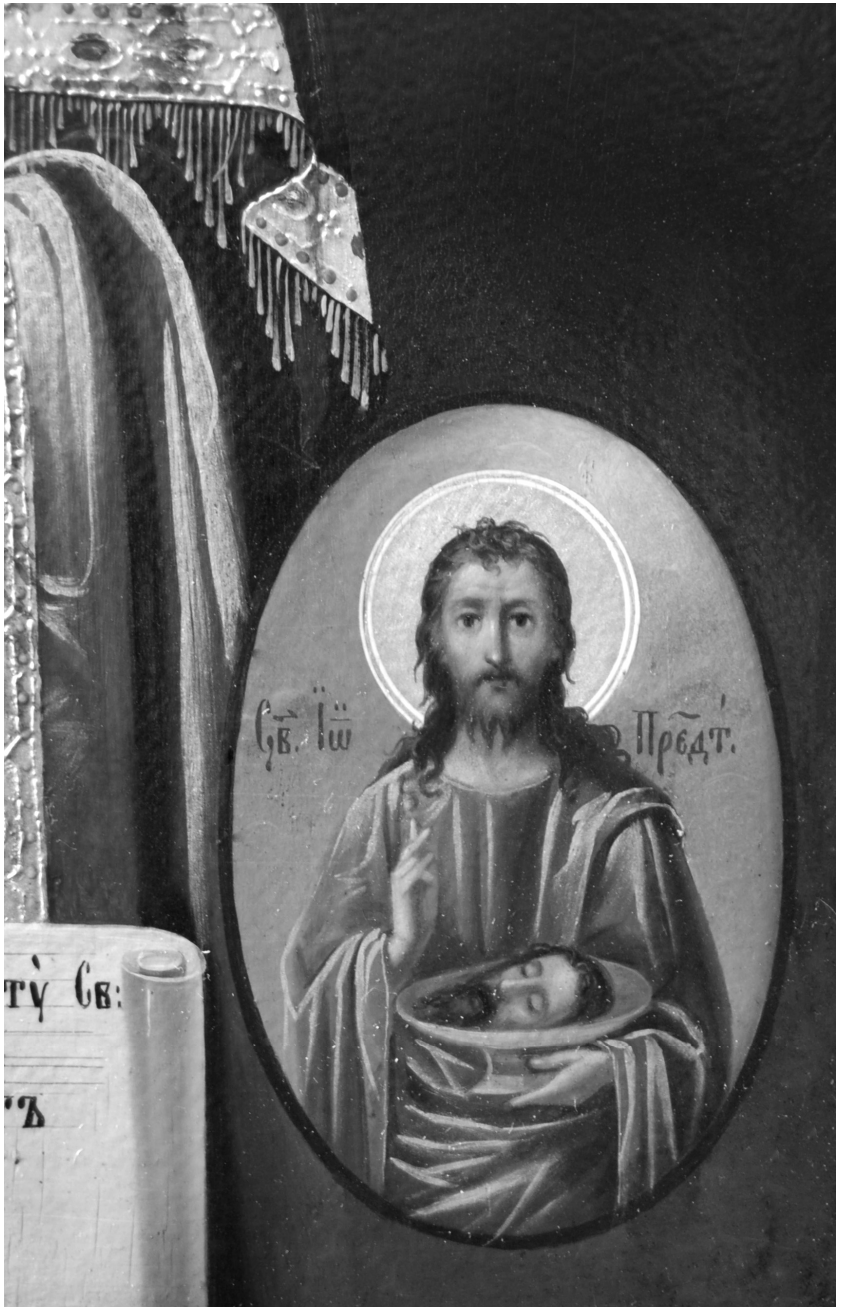


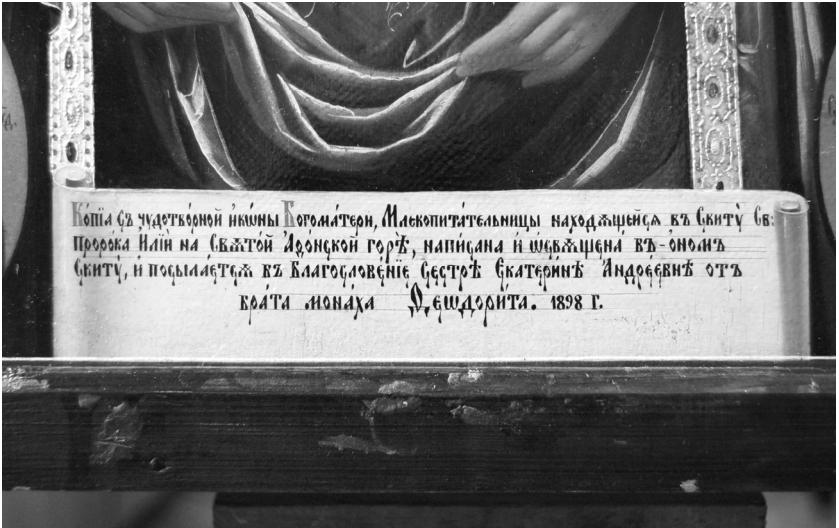
Св. Нико-

лаи: Чуд.

Копіа съ ч  
Пророка И  
Свиту, и









## SUMMARY

The State Hermitage museum acquired beautiful icon The Virgin Galaktotrophusa in 2008. Icon comes from the private collection in Perm'. The owner collection, Mr. Igor Gulyaev, said what he bought icon from the family which lived in Stavropol' and according tradition it was send from the Mount Athos in the end of XIXth century. From iconographic point of view the new Hermitage's icon is replica of the miracle-working icon of The Virgin which kept in the Serbian cell «Типикарница» on the Mount Athos. There is also another famous icon with similar iconography, which is housed at The Prophet Elijah Skete (former Russian Skete). According the donator's inscription on face of the Hermitage's icon, it was made in 1898 by icon-artist in Elijah Skete and it is an exactly copy from Skete's miracle-working Virgin icon. Inscription also said what it was send by monk Theodorit to his sister, who lived in Russia. During the icon's study in the Hermitage museum was found secret container in the wood panel of icon, which have a holy relics. The painting of icon is excellent quality and has specific art style which is typical for work-shop of The Prophet Elijah Skete.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гора Афон, скит Святого Ильи, икона-реликварий, «Богоматерь Млекопитательница», Государственный Эрмитаж, монах Феодорит, коллекция Игоря Гуляева в Перми, Ставрополь, поствизантийская живопись, чудотворные иконы, местночтимые иконы.

## KEYWORDS

The Mount Athos, The Prophet Elijah Skete, icon-reliquary, The Virgin Galaktotrophusa, The State Hermitage museum, monk Theodorit, Igor Gulyaev collection, Perm', Stavropol', Post-byzantine painting, miracle-working icons, local venerated icons.

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Антонин, архимандрит (Капустин)*. Заметки поклонника Святой Горы. М., 2013.

Афонские древности : каталог выставки из фондов Эрмитажа. СПб., 1992.

*Быкова М. А.* Икона «Богоматерь Блаженное чрево» (Хабаровская) из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Искусство Христианского мира. М., 2001. Вып. 5. С. 179—184.

*Верецагин Е. М.* Максим Грек и Паисий Величковский о неисправности славяно-русских церковных книг // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства», Москва, 1—4 октября 2006. М., 2008. С. 301—314.

*Гаврюшина Л. К.* Святой Савва Сербский и Афон: взгляд из сербского и русского Средневековья // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства», Москва, 1—4 октября 2006. М., 2008. С. 222—229.

*Герд Л. А.* Русский Афон 1878—1914 гг. : очерки церковно-политической истории. М., 2010.

*Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. СПб., 1914. Т. 1.

*Кондаков Н. П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902.

*Лазарев В. Н.* Этюды по иконографии Богоматери // *Лазарев В. Н.* Византийская живопись : [сб. статей]. М., 1971. С. 275—329.

*Маханько М. А.* Легенды о «греческом» происхождении русских древностей в XVII в.: икона Богоматерь Хабаровская (Барловская) в Благовещенском соборе Московского Кремля // Каптеревские чтения : сб. статей. М., 2011. Вып. 9. С. 84—111.

Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в фотографиях из альбома Великого князя Константина Константиновича Романова. 1867—1872 / автор-сост. Г. И. Вздорнов. М., 2003.

Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. (Репринт 8-го изд. М., 1895). М., 2008.

*Поселянин Е.* Богоматерь : Полное иллюстрированное описание Ея земной жизни и посвященных Ея имени чудотворных икон. (Репринт). Киев, 1994.

Путеводитель по Святой Афонской Горе и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. СПб., 1903.

Путешествие иеромонаха Аникиты по Святым местам Востока в 1834—1836 годах. М., 2009.

Религиозный лубок второй половины XVIII—начала XX века из собрания Русского музея / сост. Ю. Ходько. Palace Editions, 2012.

Русский Общежительный скит Святого Пророка Ильи на Святой Афонской Горе. Одесса, 1913.

Русский скит на Афоне Новая Фиваида. М., 2013.

*Сергей, протоирей (Четвериков).* Молдавский старец Паисий Величковский, его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Paris, 1988.

*Снегирева С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы. (Репринт 2-го доп. изд. СПб., 1898). Ярославль, 1994.

*Талалай М.* Русский Афон : Путеводитель в исторических очерках. М., 2003.

*Феннелл Н. И.* Русский Ильинский скит // Материалы междунар. науч.-богослов. конф. «Россия — Афон: тысячелетие духовного единства», Москва, 1—4 октября 2006. М., 2008. С. 185—193.

Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. М., 2011.

Щенникова Л. А. Иконы-пядницы и иконы-таблетки придворной церкви // Благовещенский собор Московского Кремля : материалы и исслед. М., 1999. С. 122—153.

Ägypten Schätze aus Dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil : Katalog zur Ausstellung herausgegeben vom Gustav-Lübcke-Museum der Stadt Hamm und dem Museum für Spätantike und Byzantinische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz. Wiesbaden, 1996.

*Atalla N. S. Coptic Art. Cairo.*

Vol. 1 : Wall-paintings.

Vol. 2 : Sculpture. Architecture.

*Atalla N. S. Coptic Icons. Cairo, 1998. Pt. 2.*

Athos : Monastic Life on The Holy Mountain : [exhibition catalogue] / Helsinki City Art Museum, Art Museum Tennis Palace. Maahenki Ltd, 2006.

*Benchev I., Hausteijn-Bartsch E. Muttergottesiconen : Museen der Stadt Recklinghausen. Recklinghausen, 2000.*

*Bolman E. S. The enigmatic Coptic Galaktotrophousa and the cult of the Virgin Mary in Egypt // Images of the Mother of God : Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. by M. Vassilaki. London, 2004. P. 13—22.*

Byzantium : Faith and Power (1261—1557) : [exhibition catalogue] / ed. by H. C. Evans. New York ; New Haven ; London, 2004.

*Cutler A. The Cult of the Galaktotrophousa in Byzantium and Italy // Cutler A. Byzantium, Italy and the North : Papers on cultural relations. London, 2000. P. 164—189.*

*Di Dario Guida. M. P. Icone di Calabria e alter icone meridionali. Messina, 1992.*

Hinterglasikonen im Ikonen-Museum Recklinghausen : Bestandskatalog. Recklinghausen, 2000.

*Jääskinen A. Arasteltu kuvateema idässä, suosittu lännessä : Maidolla ruokkiva Jumalanäiti // Minun Bysantinikaukana ja lähellä. Jyväskylä, 2005. P. 113—115.*

Jan Morsink Ikonen : Catalogue 2003. Amsterdam, 2003.

Jan Morsink Ikonen — 25 Years : Catalogue 2002. Amsterdam, 2002.

*Lazović M. Icones d'une collection privée. Genève, 1974.*

*Mathews T. F., Muller N. Isis and Mary in early icons // Images of the Mother of God : Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. by M. Vassilaki. London, 2004. P. 3—11.*

*Mirkovic L. Die nährende Gottesmutter (Galaktotrophousa) // Atti del V Congresso Internazionale di studi bizantini. Roma, 1940. T. 2. P. 297—304.*

*Morsink S. The Power of Icons : Russian and Greek Icons 15<sup>th</sup>—19<sup>th</sup> Century : The Morsink Collection. Amsterdam ; Ghem, 2006.*

*Παλαστρατον Ντ. Χαρτινες Εικονες. Athens, 1986.*

- Russian Art : catalogue Sotheby's auction. New York, 2 November 2009.
- Sirota I. B.* Die Ikonographie der Gottesmutter in der Russischen Orthodoxen Kirche. Würzburg, 1992.
- Theocharides P. L.* Monasteries and Sketes of the Holy Mountain : A Photographic record from 1870. Thessaloniki, 1996. (Photography on Mount Athos 4).
- Totev E.* Estampes de la Renaissance Bulgare. Sofia-Presse, 1978.

## REFERENCES

- Afonskie drevnosti : katalog vistavki iz fondov Ermitazha. St. Petersburg, 1992.
- Ägypten Schätze aus Dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil : Katalog zur Ausstellung herausgegeben vom Gustav-Lübcke-Museum der Stadt Hamm und dem Museum für Spätantike und Byzantinische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz. Wiesbaden, 1996.
- Antonin, arximandrit (Kapustin).* Zametki poklonnika Svyatoj Gori. Moscow, 2013.
- Atalla N. S.* Coptic Art. Cairo.
- Vol. 1 : Wall-paintings.
- Vol. 2 : Sculpture. Architecture.
- Atalla N. S.* Coptic Icons. Cairo, 1998. Pt. 2.
- Athos : Monastic Life on The Holy Mountain : [exhibition catalogue]. Helsinki City Art Museum, Art Museum Tennis Palace. Maahenki Ltd, 2006.
- Benchev I., Haustejn-Bartsch E.* Muttergottesiconen : Museen der Stadt Recklinghausen. Recklinghausen, 2000.
- Bikova M. A.* Ikona «Bogomater' Blazhennoe chrevo» (Xabarovskaya) iz sobraniya Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika // Iskusstvo Xristianskogo mira. Moscow, 2001. Vip. 5. P. 179—184.
- Bolman E. S.* The enigmatic Coptic Galaktotrophousa and the cult of the Virgin Mary in Egypt // Images of the Mother of God : Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. by M. Vassilaki. London, 2004. P. 13—22.
- Byzantium : Faith and Power (1261—1557) : [exhibition catalogue] / ed. by H. C. Evans. New York ; New Haven ; London, 2004.
- Cutler A.* The Cult of the Galaktotrophousa in Byzantium and Italy // *Cutler A.* Byzantium, Italy and the North : Papers on cultural relations. London, 2000. P. 164—189.
- Di Dario Guida M. P.* Icone di Calabria e alter icone meridionali. Messina, 1992.
- Dmitrievsky A. A.* Russkie na Afone : Ocherk zhizn' I deyatel'nosti igumena russkago Panteleymonovskago monastyrya svyaschenno-arkhimandrita Makariya (Sushkina). St. Petersburg, 1895.
- Fennell N.* The Russians on Athos. Oxford ; Bern ; Berlin ; Bruxelles ; Frankfurt am Main ; New York ; Wien, 2001.

*Fennell N.* Russkij Il'inskij skit // Materiali mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii «Rossiya — Afon: tisyacheletie duxovnogo edinstva», Moscow, 1—4 octyabrya 2006. Moscow, 2008. P. 185—193.

*Fennell N., Troickij P., Talalaj M.* Il'inskij skit na Afone. Moscow, 2011.

*Gavryuschina L. K.* Svyatoj Savva Serbskij i Afon: vzglyad iz serbskogo i russkogo Srednevekov'ya // Materiali mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii «Rossiya — Afon: tisyacheletie duxovnogo edinstva», Moscow, 1—4 octyabrya 2006. Moscow, 2008. P. 222—229.

*Gerd L. A.* Russkij Afon 1878—1914 gg. : ocherki zterkovno-politicheskoi istorii. Moscow, 2010.

Hinterglasikonen im Ikonen-Museum Recklinghausen : Bestandskatalog. Recklinghausen, 2000.

*Jääskinen A.* Arasteltu kuvateema idässä, suosittu lännessä : Maidolla ruokkiva Jumalanäiti // Minun Bysantinikaukana ja lähellä. Jyväskylä, 2005. P. 113—115.

Jan Morsink Ikonen : Catalogue 2003. Amsterdam, 2003.

Jan Morsink Ikonen — 25 Years : Catalogue 2002. Amsterdam, 2002.

*Kondakov N. P.* Ikonografiya Bogomateri. St. Petersburg, 1914. T. 1.

*Kondakov N. P.* Pamyatniki xristianskogo iskusstva na Afone. St. Petersburg, 1902.

*Lazarev V. N.* Etudi po ikonografii Bogomateri // *Lazarev V. N.* Vizantijskaya zhivopis' : [sbornik statej]. Moscow, 1971. P. 275—329.

*Lazović M.* Icones d'une collection privée. Genève, 1974.

*Mathews T. F., Muller N.* Isis and Mary in early icons // Images of the Mother of God : Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. by M. Vassilaki. London, 2004. P. 3—11.

*Maxan'ko M. A.* Legendi o «grecheskom» proisxozhdenii russkix drevnostej v XVII v.: ikona Bogomater' Xabarovskaya (Barlovskaya) v Blagoveschenskom sobore Moskovskogo Kremlya // Kapterevskie chteniya : sbornik statej. Moscow, 2011. Vip. 9. P. 84—111.

*Mirkovic L.* Die nährende Gottesmutter (Galaktotrophusa) // Atti del V Congresso Internazionale di studi bizantini. Roma, 1940. T. 2. P. 297—304.

Monastyri i Skiti Svyatoj Gori Afon v fotografijax iz al'boma Velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha Romanova. 1867—1872 / author-sost. G. I. Vzdornov. Moscow, 2003.

*Morsink S.* The Power of Icons : Russian and Greek Icons 15<sup>th</sup>—19<sup>th</sup> Century : The Morsink Collection. Amsterdam ; Ghem, 2006.

*Muravyev A. N.* Pis'ma s Vostoka. St. Petersburg, 1851. T. 1—2.

*Παλαστρατος Ντ. Χαρτινες Εικονες.* Athens, 1986.

Pis'ma Svyatogortsja k druž'jam svoim o Svyatoj Gore Afonskoj (reprint 8th ed. Moscow, 1895). Moscow, 2008.

*Poselyanin E.* Bogomater' : Polnoe illustrirovannoe opisanie Eya zemnoj zhizni i posvyaschennix Eya imeni chudotvornix icon (reprint). Kiev, 1994.



Putevoditel' po Svyatoj Afonskoj Gore i ukazatel' ee svyatin' i prochix dostopamyatnostej. St. Petersburg, 1903.

Puteschestvie ieromonaxa Anikiti po Svyatim mestam Vostoka v 1834—1836 godax. Moscow, 2009.

Religioznij lubok vtoroj polovini XVIII—nachala XX veka iz sobraniya Russkogo muzeya / ed. by Yu. Xod'ko. Palace Editions, 2012.

Russkij Obschezhitel'nij skit Svyatogo Proroka Il'i na Svyatoj Afonskoj Gore. Odessa, 1913.

Russkij skit na Afone Novaya Fivaida. Moscow, 2013.

Russian Art. Sotheby's. New York 2 November 2009.

*Sergy, protoierej (Chetverikov)*. Moldavskij starets Paisij Velichkovskij, ego zhizn', uchenie i vliyanie na pravoslavnoe monashestvo. Paris, 1988.

*Sirota I. B.* Die Ikonographie der Gottesmutter in der Russischen Orthodoxen Kirche. Würzburg, 1992.

*Snessoreva S.* Zemnaya zhizn' Presvyatoj Bogorodici (reprint. St. Petersburg, 1898<sup>2</sup>). Yaroslavl', 1994.

*Schennikova L. A.* Ikoni-pyatnici i iconi-tabletki pridvornoj cerkvi // Blagoveschenskij sobor Moskovskogo Kremlya : materialy i issledovaniya. Moscow, 1999. P. 122—153.

*Talalaj M.* Russkij Afon : Putevoditel' v istoricheskix ocherkax. Moscow, 2003.

*Theocharides P. L.* Monasteries and Sketes of the Holy Montain : A Photographic record from 1870. Thessaloniki, 1996. (Photography on Mount Athos 4).

*Totev E.* Estampes de la Renaissance Bulgare. Sofia-Press, 1978.

*Vereschagin E. M.* Maksim Grek i Paisij Velichkovskij o neispravnosti slavyano-russkix cerkovnix knjig // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii «Rossiya — Afon: tisyacheletie duxovnogo edinstva», Moscow, 1—4 octyabrya 2006. Moscow, 2008. P. 301—314.



III



---

Е. В. АНТОНЕЦ

## МЕРОВИНГСКОЕ ПИСЬМО И НОВЫЙ РИМСКИЙ КУРСИВ (НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)<sup>1</sup>

Как известно, термином «меровингское письмо» обозначают письмо дворцовой канцелярии меровингских королей, которым выполнены королевские дипломы (самый ранний датирован 625 г.) и частные грамоты. В более широком смысле этот термин употребляют также в отношении характерных для франкской Галлии VI—VIII вв. форм полуунциала, который применялся главным образом в книгах<sup>2</sup>.

Предмет нашего сообщения составляет меровингское письмо в узком смысле, т. е. меровингский канцелярский курсив. Его заслуженно считают одним из самых трудночитаемых средневековых видов письма<sup>3</sup>. Нет сомнений в том, что меровингский курсив сложился на основе нового римского курсива, который широко использовался в поздней Античности как в канцеляриях, так и (в более каллиграфическом варианте) в книгописании.

В то же время зрительно меровингский курсив значительно отличается от римского курсивного письма. Если новый римский курсив предстает

---

<sup>1</sup> Приношу свою искреннюю признательность Владимиру Ивановичу Мажуге за ценные советы, замечания и помощь в работе над этой статьей.

<sup>2</sup> *Bischoff B. Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. 4. Aufl. Berlin, 2009. S. 140—141.* Меровингское письмо перестало использоваться в Германии с середины IX в., а в Галлии — с X в. Современное состояние исследования меровингского письма изложено в статье: *Veziñ J. Un demi-siècle de recherches et de découvertes dans le domaine de l'écriture mérovingienne // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 2004. Bd. 50. S. 247—275.*

<sup>3</sup> *Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века : руководство к изучению латинской палеографии. Изд. 3-е, доп. М., 1987. С. 131.*

как изящный, гармоничный, ровный и строгий, то меровингский курсив выглядит, по выразительной характеристике О. А. Добиаш-Рождественской, «безобразным» и «варварским», а буквы его — «прихотливыми, неровными, дрожащими, <...> сплетающимися в неразрешимые лигатуры, отсылающими вверх и вниз бесконечные петли и ноги, которые цепляются за соседние строки и увеличивают путаницу»<sup>4</sup>.

В настоящей заметке мы попытаемся рассмотреть, в чем состоит отличие этих двух генетически связанных между собой типов письма: какие черты римского курсива наследуются меровингским курсивом, какие трансформируются, какие исчезают.

Новый римский курсив явился первым минускульным латинским письмом Античности и поэтому иначе называется минускульным курсивом. Его формирование началось в III в. н. э. на почве старого (маюскульного) римского курсива, но известен он преимущественно из Равеннских грамот, датируемых V—VII вв. н. э., а также из документов, найденных в Дюра-Европосе<sup>5</sup>.

Равеннские папирусные грамоты представляют собой корпус документов, происходящих из архива Равенны и хранящихся в настоящее время в Ватиканской библиотеке, Национальной библиотеке Франции, Британской библиотеке (Лондон), в Национальной библиотеке в Вене и в других библиотеках мира. Корпус охватывает приблизительно шесть десятков грамот и фрагментов, относящихся ко времени с 455 до 700 г. Тексты и воспроизведения Равеннских грамот с транскрипцией, переводом и обширным комментарием были опубликованы шведским ученым Ян-Улофом Чедером в фундаментальном трехтомном издании «Документальные папирусы Италии 455—700 гг.»<sup>6</sup>.

Меровингские королевские документы неоднократно издавались. Первое их научное издание было осуществлено Жаном Мабильоном. В V книге своего труда *De re diplomatica* Мабильон привел образцы 14 дипломов, снабдив их транскрипцией, историческим и палеографическим описанием, еще несколько документов воспроизведены в приложении<sup>7</sup>. Несмотря на то что издание Мабильона содержит прорисованные, а не фотографические изображения документов, оно до сих пор не утратило своей научной ценности. В XIX в. вышел еще ряд изданий меровингских грамот<sup>8</sup>.

---

<sup>4</sup> Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века ... С. 127.

<sup>5</sup> Обзор известных в настоящее время памятников римского курсивного письма и проблем его изучения см.: *Robertis T. de La scrittura romana // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 2004. Bd. 50. S. 221—246. См. также: *Антонец Е. В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009. С. 280—319.

<sup>6</sup> *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. I : Papyri I—28. Lund, 1955 : III : Tafeln. Lund, 1954.

<sup>7</sup> *Mabillon J.* De re diplomatica libri VI. Parisiis, 1681 (2 ed. 1709); Supplementum. 1704.

<sup>8</sup> *Tardif L.-J.* Fac-simile de chartes et diplômes mérovingiens et carlovingiens, sur papyrus et sur parchemin, compris dans l'Inventaire des monuments historiques. Paris,

В фотографическом виде (но не в оригинальном, а уменьшенном размере) меровингские хартии были опубликованы Шарлем Самараном и Филиппом Лоэ в 1908 г.

Новую эру в палеографической науке открыла публикация много- томной серии *Chartae Latinae Antiquiores* (ChLA), содержащей факсимильные издания всех латинских документов Европы до 800 г. В настоящее время силами ведущих специалистов по палеографии, юрис- пруденции, филологии, истории, дипломатики, топографии и антропологии издано 49 томов<sup>10</sup>. Древнейшим документам, хранящимся во француз- ских собраниях, посвящены 13—19-й тома ChLA: в 13-м и 14-м томах представлены меровингские королевские и частные грамоты, в 15-м и 16-м — каролингские грамоты. Все эти документы хранятся в Националь- ном архиве (*Archives nationales*), куда они поступили из монастыря Сен- Дени. Тома 17—19 содержат различные документы из Национальной би- блиотеки (*Bibliothèque nationale*) и некоторых других собраний Франции. Подробный обзор документов, изданных в 13—19-м томах ChLA, анализ их содержания, исторического фона, оформления и письма выполнен Дэвидом Гэнцем и Вальтером Гоффартом<sup>11</sup>.

Меровингские грамоты<sup>12</sup>, занимающие 13-й и 14-й тома ChLA, изданы Гартмутом Атсмой и Жаном Везеном. Это новейшее издание представ- ляет документы в фотографиях высокого качества и в оригинальном формате. Всего в обоих томах собрано 46 документов, из них подав- ляющее большинство составляют королевские грамоты (38 документов), а остальные 8 документов являются частными (ChLA 563; 564; 569; 571;

---

1866. (*Archives de l'Empire. Inventaires et documents publiés... sous la direction de M. le Marquis de Laborde*). Подробную библиографию см.: ChLA. P. XIII. P. 2—3; ChLA. P. XIV. P. 87—88.

<sup>9</sup> *Lauer Ph., Samaran Ch. Les diplômes originaux des Mérovingiens : Fac-similés phototypiques avec notices et transcriptions / préface par M. Prou. Paris, 1908.*

<sup>10</sup> Первая часть этой серии, основанная Альбертом Брукнером и Робером Маришалем (ChLA) и содержащая все папирусные и пергаменные документы до 800 г., полностью закончена. Вторая часть (ChLA<sup>2</sup>), публикуемая под руководством Гульельмо Кавалло и Джованни Николаи, будет содержать все хранящиеся в архивах и библиотеках Европы латинские документы IX в. и по плану займет 50 томов. Уже вышли в свет т. 50—82, т. 88—92, посвященные собраниям Италии, а также т. 100—106, охватившие часть фондов Санкт-Галленского аббатства в Швейцарии.

<sup>11</sup> *Ganz D., Goffart W. Charters Earlier than 800 from French Collections // Speculum. 1990. Vol. 65. P. 906—932.*

<sup>12</sup> Как известно, Меровинги — первая династия французских королей, правившая с конца V до середины VIII в. Первым историческим представителем этой династии был Хлодион (427—447), последним — Хильдерик III (743—751). См.: *Малов В. Н. Меровинги // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 150—158.*

580; 582; 592; 594). Все документы — оригиналы, кроме двух (ChLA 592; 594), представляющих собой копии. Каждый документ в ChLA снабжен транскрипцией, комментарием и библиографией.

Что касается текстов меровингских королевских дипломов, то они издавались начиная с XVII в. Тексты некоторых дипломов были опубликованы Ж. Мабильоном, затем вышли издания Луи-Жоржа Брекиньи и Жана-Мари Пардессю<sup>13</sup>. В 1872 г. Карл Пертц опубликовал тексты меровингских грамот в серии *Monumenta Germaniae Historica* (MGH)<sup>14</sup>. Последнее критическое издание меровингских документов подготовлено Карлрихардом Брюлем, Тео Кёльцером, Мартиной Гартманн и Андреей Штильдорф<sup>15</sup> и вышло в 2001 г. (также в MGH).

Сохранившиеся 38 меровингских королевских дипломов относятся к периоду, охватывающему около 130 лет от Хлотаря II (584—629) до Хильперика II (670—721)<sup>16</sup>. Все эти документы происходят из аббатства Сен-Дени, служившего усыпальницей меровингских королей. Дошедшие до нас хартии составляют лишь малую толику от тысяч документов, выходивших из дворцовой канцелярии меровингов<sup>17</sup>. Памятниками нового римского курсива мы также обязаны главным образом архиву одного города — Равенны, единственного города Италии, в котором древнейшие грамоты V—VII вв. не подверглись уничтожению в последующие века и дожили до наших дней<sup>18</sup>. Таким образом, ставя задачу сопоставить

---

<sup>13</sup> *Diplomata, chartae, epistolae et alia documenta ad res Francicas spectantia* / ed. L. G. O. F. de Bréquigny et F. J. G. de La Porte du Theil. Parisiis, 1791. Vol. 1—3; *Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-Francicas spectantia prius collecta a L. G. O. F. de Bréquigny et F. J. G. de la Porte du Theil, nunc nova ratione ordinata plurimumque aucta* / ed. J.-M. Pardessus. Lutetiae Parisiorum, 1843—1849. Vol. 1—2.

<sup>14</sup> *Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica. Diplomata maiorum domus e stirpe Arnulforum. Diplomata spuria* / ed. K. A. F. Pertz. Hannoverae, 1872. (*Monumenta Germaniae Historica. Diplomata*; t. 1).

<sup>15</sup> *Die Urkunden der Merowinger*: 2 Bde. / Hrsg. C. Brühl (†), Th. Kölzer, M. Hartmann, A. Stieldorf. Hannover, 2001.

<sup>16</sup> Сохранилось два документа (ChLA 550; 552) Хлотаря II (584—629); два документа (ChLA 551; 554) Дагоберта I (629—639); четыре документа (ChLA 555; 556; 558; 559) Хлодвига II (633—657); три документа (ChLA 553; 561; 562) Хлотаря III (657—673); пять документов (ChLA 565; 566; 567; 568; 570) Теодориха III (675—691); пять документов (ChLA 572; 573; 574; 575; 576) Хлодвига III (670—676); девять документов (ChLA 577; 578; 579; 581; 583; 584; 585; 586; 587) Хильдеберта III (678—711); пять документов (ChLA 588; 589; 590; 591; 593) Хильперика II (670—721) и два королевских неидентифицированных документа.

<sup>17</sup> *Ganz D., Goffart W. Charters Earlier than 800 from French Collections*. P. 912.

<sup>18</sup> Исключительная судьба Равенны определялась, в частности, тем, что она была столичным городом, главным центром судопроизводства в позднеантичной



римский и меровингский курсивы, мы должны осознавать, что в нашем распоряжении имеются столь скудные остатки некогда богатейшего фонда документов, что все наши выводы неизбежно будут иметь относительный характер.

Королевские грамоты содержат главным образом подтверждение прав собственности или акты дарения. В текстуальном отношении меровингские грамоты многое унаследовали от римских документов эпохи поздней Античности. В частности, начальная форма приветствия в дательном падеже *viris industribus* (*v. inl.*) и заключительное прощание *bene valete* воспроизводят соответствующие формулы позднеримских *leges*. Фундаментальные исследования преемственности языка и стиля римских и ранне-средневековых грамот, а также функционирования канцелярий принадлежат Петеру Классену<sup>19</sup>.



Писчим материалом для 17 из 46 сохранившихся грамот меровингской эпохи служит папирус, для остальных 29 — пергамен. Самый поздний датированный королевский документ на папирусе — хартия Хлотаря III (*ChLA* 562, около 659—673 гг.). С середины VII в. королевские канцелярии перестали употреблять папирус, а для написания частных грамот он использовался до конца VII в. (*ChLA* 563, около 691 г.; *ChLA* 569, около 690 г.).

Переходя к анализу письма, отметим, что каллиграфы, создавшие меровингский курсив, по-видимому, некогда усвоили приблизительно тот вариант нового римского курсива, который мы знаем из Равеннских грамот. Об этом говорят многие факты. Здесь мы позволим себе ограничиться лишь одним примером. Так, направление росчерка, которым

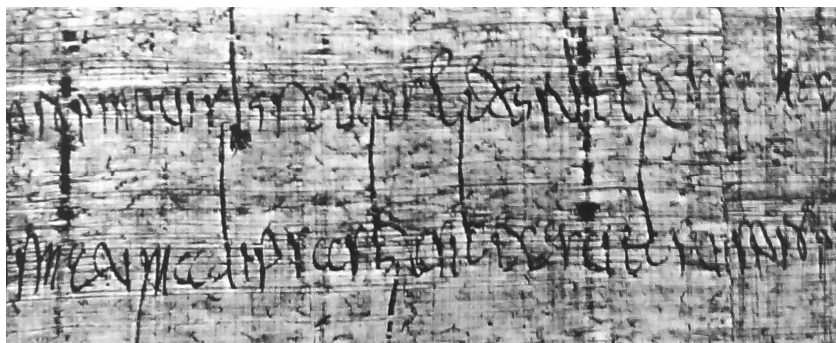
---

и раннесредневековой Италии, а затем осталась в стороне от главных вооруженных конфликтов Средневековья.

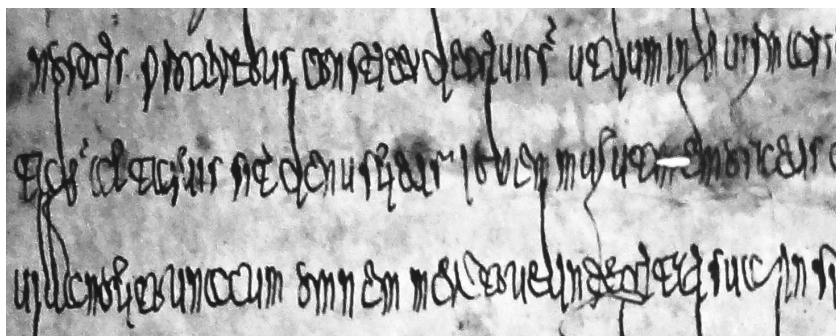
<sup>19</sup> *Classen P.*: 1) *Kaiserreskript und Königsurkunden : Diplomatische Studien zum römisch-germanischen Kontinuitätsproblem // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde.* 1955. Bd. 1. S. 1—87; 1956. Bd. 2. S. 1—115; 2) *Spätromische Grundlagen mittelalterlichen Kanzleien // Ausgewählte Aufsätze von Peter Classen / Hrsg. J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1983. (Vorträge und Forschungen ; 28). S. 67—84 ; 3) Fortleben und Wandel spätromischen Urkundenwesens im frühen Mittelalter // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. P. Classen. Sigmaringen, 1977. (Vorträge und Forschungen ; 23). S. 13—54. Из 38 королевских документов 16 представляют собой судебные решения (*placita*). В отличие от грамот, для *placita* не сохранилось римского образца. Полюбовные соглашения не были характерны для сферы официального судопроизводства в поздней Римской империи, документы же выдавались частным лицам большей частью в качестве копий судебных протоколов. См.: *Мажуга В. И.* *Растум* как полюбовное соглашение и его роль в истории римского обязательственного права // *Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси / под общ. ред. И. Я. Фроянова.* СПб., 2004.*

снабжаются верхние выносные букв, а также вертикаль буквы I совершенно идентичны в Равеннских грамотах:  и во всех памятниках меровингского курсива:  (ChLA 578).

Письмо, которое сохранили дошедшие меровингские грамоты, весьма неоднородно. Мы обладаем крайне ограниченным материалом для сравнения, но даже этот материал показывает многообразие почерков, обусловленное временем написания, употребляемым писчим материалом и сферой применения. В частности, письмо ранних сохранившихся дипломов более широкое и свободное, чем письмо более поздних:



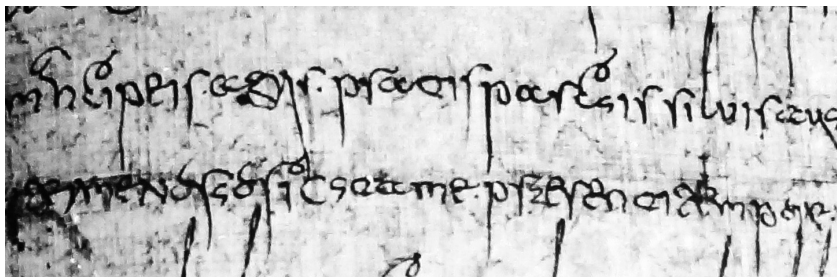
ChLA 550 (Paris, Archives nationales, K 1, n. 4).  
Грамота Хлотаря II. 584–629 гг. Папирус



ChLA 575 (Paris, Archives nationales, K 3, n. 6).  
Грамота Хлодвига III. 1 ноября 691 г. Пергамен

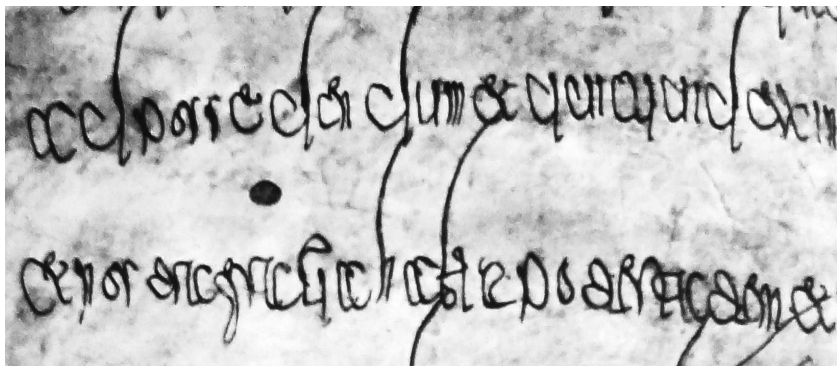
В папирусных грамотах буквы обычно имеют более прямые верхние выносные, а в пергаменных документах, как правило, проявляется ярко выраженный изгиб выносных, сопровождающийся наклоном вправо.

Частные документы не только дольше королевских сохраняют традицию использования папируса в качестве писчего материала, но и отличаются от королевских внешним обликом письма. Восемь частных документов написаны широким и даже почти круглым письмом, в то время как все королевские дипломы показывают письмо подчеркнуто удлиненное:

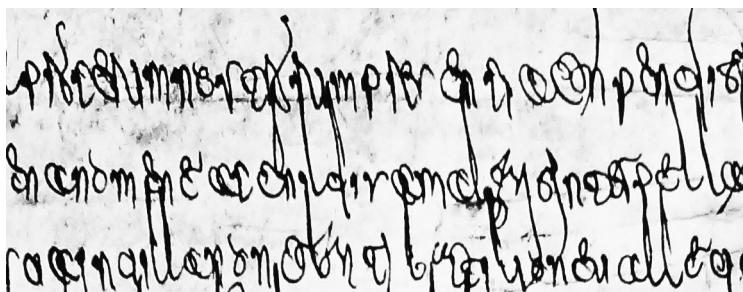


ChLA 569 (Paris, Archives nationales, K 3, n. 1<sup>2</sup>).  
Завещание. Вторая половина VII в. Папирус

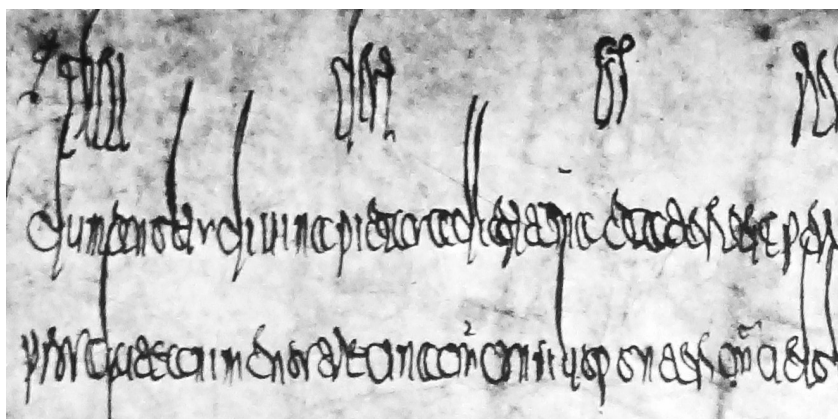
Кроме того, в самих королевских канцеляриях мы сталкиваемся с разными почерками и стилями. Например, три документа Теодориха III, созданные в разных его резиденциях, имеют различный вид:



ChLA 566 (Paris, Archives nationales, K 2, n. 12).  
Грамота Теодориха III. 12 сентября 677 г., Mâlay-le-Petit. Пергамен



ChLA 567 (Paris, Archives nationales, K 2, n. 13).  
Грамота Теодориха III. 30 июня 679 г., Palais de Luzarches. Пергамен








ChLA 570 (Paris, Archives nationales, K 3, n. 2).  
Грамота Теодориха III. 30 октября 688 г., Compiègne. Пергамен



Не претендуя на исчерпывающую полноту анализа, отметим некоторые черты различия письма меровингских королевских документов и памятников нового римского курсива. Как представляется, правомерность сопоставления этих двух видов письма определяется их генетической связью, одинаковой сферой применения (канцелярии высшего ранга), а также тем, что оба типа письма представляют собой результат творческой деятельности определенных каллиграфических школ. Выявление графических отличий между меровингским и римским курсивом, возможно, поможет лучше определить и основные тенденции этих школ.











Рассмотрим написания отдельных букв. Учитывая обзорный характер настоящей работы, основное внимание мы уделяем форме буквы и не всегда рассматриваем ее дукт и динамику написания. Следует заметить, что дукт одной и той же буквы нередко бывает различным у разных писцов. Представляется, что динамика письма во многом индивидуальна и требует отдельного изучения.



В целом значительная часть букв меровингского письма воспроизводит дукт и формы римского курсива. Можно выделить три направления изменений в написании букв, отличающих меровингский курсив от римского.



(1) Для некоторых букв различия сводятся к тому, что в меровингском письме к римской по существу форме буквы добавлены некоторые «декоративные» детали, благодаря которым и создается внешнее своеобразие письма. Практически не изменили своей формы буквы I (выступающая в коротком и длинном написании), O, L, минускульные H, R, M и N, а также B, C, D, P, Q.


Например, «рожки» буквы O  (ChLA 578), обычно называемые характерной приметой меровингского письма, имеют корни в римском курсиве, где написание  легко позволяло связывать букву O с двумя соседними буквами, например в написании:  (COP), которому в меровингском курсиве соответствует  (ChLA 578). В меровингском письме «рожки» увеличены и загнуты, в результате чего буква получает «дрожащие» очертания:  (ChLA 558).



Буква R имела в новом римском курсиве широкое написание . В меровингском письме дукт буквы сохранен , но ее сужение, продиктованное общей тенденцией письма, подчеркнуло излом плеча и приблизило ее форму к минускульной.

Показательно развитие формы буквы С. В античном капитальном письме она выводилась в два приема: ; в старом римском курсиве эта буква писалась либо одним движением:  (папирус), либо в два штриха:  (помпейская табличка),  (папирус). Написание в два движения, повторяющее дукт капитальной буквы, на протяжении многих веков сохраняется в унциале и в римском минускуле, а также в новом римском курсиве:  . Двухчастная структура буквы С позволила ей участвовать в лигатурах римского курсива, например: ЕС . На этом фоне понятно, что меровингская форма буквы С , которая считается одной из главных примет этого типа письма, несомненно, объясняется римским происхождением и отличается от формы римского курсива лишь более массивной верхней частью, преобразованной в завиток, который может иметь разнообразные конфигурации:  (ChLA 578),  (ChLA 588).




Буква В, полностью сохраняя римскую минускульную форму, отличается в меровингском письме дополнительным штрихом, который позволяет соединять ее со следующей буквой:  (ChLA 578). В ранних памятниках нового римского курсива буква В имеет дугу слева, унаследованную от старого курсива. Такая В соединялась с последующими буквами, но новая форма с дугой справа не вступает в соединения в римских грамотах: . Снабдив букву В соединительным штрихом, меровингские каллиграфы принесли новшество в римский курсив.



Буква D в меровингском письме предстает в римском минускульном виде , однако ее вертикаль не только поднимается вверх, но и значительно опускается вниз под строку: . Это — одна из черт, которые







придают всей строке «ломаный» характер и создают внешний причудливый облик письма. Римским наследием является то, что буква D не соединяется в меровингском письме с последующими буквами. Очень древнее, фиксируемое в дошедших памятниках I в. н. э. и нередко встречающееся в Равеннских грамотах, соединение  (DI), в котором D сохраняет форму старого маюскульного курсива, в меровингском письме не представлено.


По-видимому, исключительно декоративными причинами объясняются отличия в написании букв P и Q в римском и меровингском курсиве. С точки зрения дукта написания, как правило, идентичны, но нижняя выносная обеих букв в римском письме была весьма явно выражена: , а почти во всех дошедших меровингских грамотах она лишь слегка спускается под строку: . Укорачивание выносной сопровождается увеличением округлого корпуса буквы, который оказывается намного более массивным по сравнению с другими буквами, имеющими округлые элементы. Кроме того, корпусу букв P и Q нередко придается замысловатая «мятая» форма. Все это служит созданию эффекта извилистости линий письма.

(2) Некоторые буквы меровингского курсива отличаются от римских не только наличием внешних «декоративных» элементов, но и тем, что они либо получают, помимо обычных римских написаний, новые формы, либо утрачивают некоторые начертания, распространенные в римском курсиве.











Буква U в римском курсиве имеет форму , которая в меровингском письме выглядит так же: . Загнутость первой вертикали внутри буквы является одной из деталей, составляющих общий характер «вычурного» письма. Однако в меровингских грамотах возникает новое, сокращенное, написание буквы U на строке: , которое обычно употребляется в окончаниях (например, -bus) или внутри служебных частей речи

(например, в слове *sum*). Возможно, такая форма могла возникнуть из обычного для нового римского курсива сокращенного надстрочного написания буквы U после Q:  (*quo*) или перед M: .



Внешне буква A в меровингском письме  повторяет римскую курсивную форму:  (*AM*), хотя с точки зрения дукта римская A выводится одним движением «пера» (т. е. без отрыва его от поверхности листа), а меровингская — обычно двумя. В римском курсиве отличие буквы A от U заключается в том, что буква U упирается в строку и не соединяется с последующей буквой, в то время как буква A заканчивается плавным закруглением, направленным вверх, и всегда вступает в соединение со следующей буквой. Например, сочетание UN выглядит как , а сочетание AN как . Эту черту наследует меровингское письмо. Но в нем возникает еще одна деталь, позволяющая уменьшить внешнее сходство A и U, а именно добавляется заметное закругление наверху второй вертикали, в результате чего буква получает вид *ic*. Эта открытая форма является показательной приметой меровингского письма в целом. В то же время в некоторых дипломах встречается закрытая форма:  (ChLA 560, 657—688 гг.),  (ChLA 563). Итак, в ситуации внешней близости букв A и U мы наблюдаем в меровингском курсиве целенаправленное движение к тому, чтобы придать букве более индивидуальный и узнаваемый облик, чем в римском курсиве.






Римская курсивная буква T образует весьма прихотливые конфигурации. Ее самостоятельная, полная, форма  состоит из слегка наклонной вертикали с закруглением внизу и извилистой «шляпки», которая почти смыкается с вертикалью слева и затем размашистым росчерком уходит вверх. Эта форма встречается в тех случаях, когда буква T пишется изолированно от других букв или открывает лигатуру. Именно она заимствуется










меровингским письмом:  (ChLA 563),  (ChLA 560; 567),  (ChLA 558). Однако в римское начертание вносятся изменения: из-за того, что буква вытягивается, ее верхняя перекладина теряет гибкость, присущую широкой римской букве. В результате буква получает менее изменчивое и легче узнаваемое очертание. Украшением буквы иногда служит вторая дополнительная горизонталь с росчерком. В начале лигатур римская Т может исполняться одним движением:  (TAS), что наследуется меровингским курсивом:  (ChLA 558),  (TE) (ChLA 563). Беглое написание в одно движение, распространенное в римском курсиве в лигатурах (например,  TI;  TS), в меровингском письме встречается весьма редко:  (ChLA 591; 590). Уже в самых ранних дипломах вместо такого редуцированного исполнения буквы Т в лигатурах мы находим полное написание:  (ChLA 560). Прочие римские редуцированные формы буквы Т в меровингском курсиве практически не представлены.





(3) Некоторые буквы (E, S, F, G) в меровингском письме, наряду со старыми римскими курсивными написаниями получают новые минускульные формы.


Римская курсивная буква E предстает в нескольких вариантах в зависимости от ее соединений с окружающими буквами. Основная форма  состоит из маленького округлого штриха внизу и длинной верхней петли, выводимой отдельным движением и заканчивающейся соединительной линией, направленной к последующей букве. В меровингском курсиве сохраняется эта двухчастная структура буквы E. Но из-за того, что буква вытянулась, изменилось соотношение между двумя ее частями: нижняя часть стала больше, а верхняя — меньше  (ChLA 558), в результате чего получилась минускульная форма. В римских лигатурах буква E может


распадается на два элемента: нижний наклонный штрих, переходящий в последующую букву, и верхнюю петельку, например:  (ET). Аналогичную форму мы находим и в меровингских документах:  (ChLA 560),  (ChLA 560). Редуцированная форма буквы E, обычная в римских лигатурах, например:  (EM),  (EN), в меровингском курсиве встречается относительно редко.

Буква S в древнейших меровингских документах  (ChLA 552, 625 г.) полностью повторяет написание римской курсивной S в виде плавной галочки: . В то же время весьма рано встречается «закрытое», минускульное написание буквы S, где вертикаль не выходит за нижнюю границу строки:  (ChLA 557, 658—678 гг.),  (ChLA 578). Обе формы сосуществуют в дошедших до нас меровингских грамотах.

Так же как и буква S, буква F в меровингском курсиве воспроизводит римскую курсивную форму . Однако в силу общей тенденции к вытягиванию письма буква получает сжатую, закрытую форму с высоко поднятой над строкой петлей и четко обозначенной нижней выносной:  (ChLA 558). Буква F соединяется с последующими I, U, но благодаря возвышающейся петле легко узнаваема. Наряду с этой формой в употребление постепенно входит минускульная форма  (ChLA 563), для написания которой требуется большее число движений.

В римском курсиве буква G имеет форму  или  (в лигатурах). В меровингских грамотах встречается беглое написание:  (ChLA 564). Однако в большинстве документов полукружие буквы замкнуто, а буква начертывается несколькими движениями:  (ChLA 560; 563; 654). Оба

написания нередко сосуществуют в пределах одного документа, особенно когда дело касается частных грамот (ChLA 564). В королевских грамотах верхняя часть буквы представляет собой маленький круг, а нижняя — вытянутый изогнутый овал, спускающийся под строку:  (ChLA 558; 566).

В частных грамотах буква может быть маленькой и круглой, без явно выраженной выносной:  (ChLA 564).



Итак, мы приходим к выводу, что с точки зрения техники исполнения отдельных букв меровингское письмо усложнилось по сравнению с новым римским курсивом. Если в римском курсиве господствовала свободная линия и для написания буквы по возможности использовалось минимальное число движений, то меровингский писец вынужден тратить больше усилий на выведение извивающихся вертикальных элементов, завитков, росчерков и неровных окончаний.





Однако главное изменение начертания букв — их выпрямление и сжатие — носило не только декоративный характер и влекло за собой не только зрительный эффект. За счет вытягивания буквы изменялось пропорциональное соотношение между ее элементами, в результате чего некоторые буквы (например, E, S) получили новые формы, более устойчивые, чем в римском курсиве. Формы букв в меровингском курсиве постепенно приближаются к будущим минускульным, а главная тенденция письма сводится к устранению разных вариантов написания буквы и к унификации форм.




Создается впечатление, что меровингский курсив дворцовой канцелярии формировался вполне целенаправленно по некоторым заданным каллиграфическим стандартам. Усложнение техники привело к тому, что неповторимый вид меровингского письма сам по себе позволял безошибочно определить принадлежность документа, написанного этим письмом, к высшей инстанции государственной власти. Сложность техники, по-видимому, служила также важным препятствием для подделок.


Обратимся к лигатурам. В мерovingском письме происходит постепенное сокращение лигатур с редуцированными элементами, которые были чрезвычайно распространены в новом римском курсиве.

Рассмотрим лигатуры из двух букв. В римском курсиве почти обязательны лигатуры с энклитическим I, а именно RI, FI, TI, EI, GI, LI и др.<sup>20</sup>

Римская лигатура RI  в мерovingском курсиве встречается и с энклитическим вторым элементом, но предпочтительнее оказывается написание RI с полностью выведенной буквой I, причем украшенной заметным росчерком:  (ChLA 588).

Лигатура римского курсива FI  с энклитическим I воспроизводится почти во всех мерovingских документах:  (ChLA 558), , но рядом с ней существует и написание  (ChLA 563), где второй элемент выполнен полностью.







Беглое написание лигатуры TI  для Равеннских грамот почти обязательно. В мерovingских дипломах оно несколько модифицировано так, что второй элемент четко выражен:  (ChLA 590). Однако обычно в соединении TI мерovingские писцы обе буквы выполняют полностью:  (ChLA 558).





Также и лигатура EI в римском курсиве нередко содержит редуцированный элемент I: , а в мерovingском курсиве — чаще полный:



 (ChLA 590).


---







<sup>20</sup> Лигатуру можно называть энклитической, если вторая буква изменяет свою форму и зависит от первой, и проклитической, если основной модификации подвергается первая буква, примыкая ко второй. См.: *Loew E. A. The Beneventan Script: A History of the South Italian Minuscule. Oxford, 1914 (Repr. 1999). P. 141.*

Отметим, что постепенная трансформация римских лигатур с энклитическим I отличает мерovingское письмо, например, от беневетанского, в котором эти лигатуры сохранились, составили одну из наиболее ярких стилистических особенностей и являются обязательными: FI , RI , TI  (  ), GI  и LI  <sup>21</sup>.

Обычны для нового римского курсива лигатуры с проклитическим E, например EP . Лигатура EP с редуцированным E встречается и в мерovingских документах:  CER (ChLA 591). Однако более частая форма этой лигатуры  REP (ChLA 590) содержит определеннее выраженную букву E. Кроме того, нередко встречаются и полные написания буквы E в этой лигатуре:  (ChLA 554).



Лигатура ES, которая в римском курсиве содержит редуцированную E , в мерovingском письме нередко демонстрирует полную форму буквы E:  (ChLA 554).




Регулярно употребляются в мерovingском письме, главным образом, лигатуры с проклитической A (AM, AN, AR, AT, AD), а также лигатура ET  (ChLA 563) и лигатуры с проклитической T (TR, TE).





Например, римской AP  соответствует мерovingская лигатура  (ChLA 564). Также обычны для мерovingского курсива лигатуры AN  (ChLA 590), AU  (ChLA 564). Сохраняется устойчивая римская лигатура AE  —  (ChLA 566).


---



<sup>21</sup> *Loew E. A. The Beneventan Script ... Passim.*

В то же время сочетание AD мы находим в меровингских дипломах как с редуцированным первым элементом:  (ChLA 590), так и с выписанным полностью:  (ChLA 566).



Лигатура AS  и более сложная TAS  в римском курсиве содержала редуцированную А; в меровингском письме она встречается как в кратком, так и в полном написании:  (ChLA 566).

Проклитическая Т, чрезвычайно распространенная в римском письме , в меровингском курсиве употребляется в лигатурах TR  (ChLA 566) и TE  (ChLA 564). В то же время в этих сочетаниях буква Т нередко встречается в полном написании:  (ChLA 558).



Буква Р в редуцированном виде выступает в меровингском письме, например, в лигатуре SP , т. е. там, где ее нетрудно распознать.







Обращает на себя внимание лигатура EP, которая в римском курсиве состояла из двух редуцированных букв , а в меровингском письме в этой лигатуре предпочтительнее употребляется Е редуцированная, а Р — полная:  (ChLA 590). На этом примере мы наблюдаем стремление избежать использования двух редуцированных элементов в одной лигатуре.

Перейдем к лигатурам из трех букв. Сложные лигатуры, содержащие два или три редуцированных элемента, почти полностью устранены в меровингском курсиве, что знаменовало приближение курсива к минускулу. Вместо редуцированных букв в таких лигатурах буквы часто пишутся полностью.



Например, лигатура ERI в римском курсиве имеет два редуцированных элемента: , а в мерovingском — один или ни одного:  (ChLA 563),



 (ChLA 564),  (ChLA 558),  (ChLA 578).



В лигатуре ARI в римском письме две редуцированные буквы: , в мерovingском — одна:  (ChLA 558).


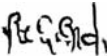
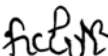
Особенностью римской курсивной буквы Т является ее способность при соединении с другими буквами разделяться на две части. При этом вертикаль соединяется с предыдущей буквой, уходя влево и вытекая из заключительного элемента предшествующей буквы, а горизонталь буквы Т переходит в следующую букву:  (RTUN). Таким образом, Т «растворяется» между соседними буквами. Особенно интересна лигатура  ETTE(S). Этот принцип соединения буквы Т исчезает в мерovingском курсиве. Так, римская лигатура  АТI преобразована в  (ChLA 558) и также встречается в полном написании:  (ChLA 564). В тех случаях, когда буква Т выполняется бегло, ее форма выглядит более определенно, чем в римском курсиве, и воспроизводит написание проклитической Т в лигатурах TR, TE, TI:  (ChLA 570).



Приведем еще несколько избранных примеров «раскрытия» обычных римских лигатур в мерovingском курсиве.




Слитному римскому написанию EATI  в мерovingском письме противостоит развернутое EATUS:  (ChLA 558).

Сочетание букв АТЕ в римском курсиве пишется в лигатуре: , в мерovingском в более полном виде:  (ChLA 566).

Сочетание букв REET в римском курсиве находим в лигатуре с редуцированной T: , в меровингском — полностью выписаны все буквы:  (ChLA 558).

Обычное для римского письма написание ACI  нередко находим в меровингских документах в полном исполнении:  faciendi (ChLA 563),  facire (ChLA 564).

Соединение RP в новом римском курсиве содержит редуцированную букву P , в меровингском письме P часто пишется полностью:  (ChLA 578).

В лигатуре ECES  в римском письме редуцированы буквы E и C, в меровингском находим очевидно выраженную E:  (ChLA 578), а также полное написание этих двух букв:  (ChLA 564).

Итак, те лигатуры нового римского курсива, которые могли вызывать затруднения для чтения, в меровингском письме подвергаются серьезному упрощению. Это упрощение происходит в направлении сохранения индивидуальной формы буквы, что способствует более быстрому ее распознаванию. В меровингских лигатурах мы наблюдаем распространенные тенденции допускать одну редуцированную букву и постепенно искоренять соединения, в которых присутствуют две и более редуцированные буквы.

Таким образом, основное различие между меровингским и римским курсивом наблюдается в двух планах.

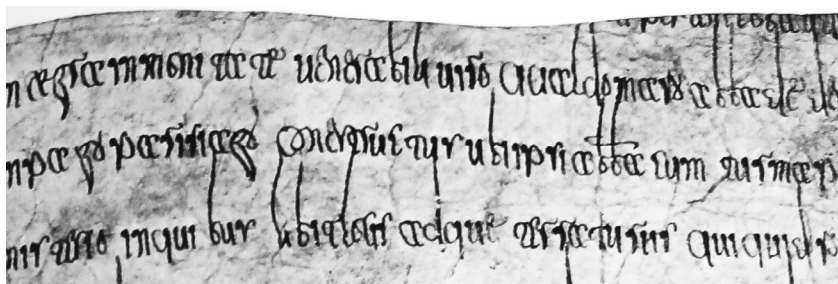
С одной стороны, техника написания букв в меровингском курсиве значительно сложнее, чем в римском. Стремление придать письму неповторимый внешний облик повлекло за собой необходимость тратить



много движений руки на начертание изгибов линий, узких и «дрожащих» букв, на добавление завитков, дополнительных штрихов и росчерков.

С другой стороны, в меровингском курсиве постепенно происходит вытеснение вариантов написания одной и той же буквы, наблюдается тенденция к унификации форм букв, а в лигатурах явно выражено движение к устранению редуцированных элементов. В этом отношении меровингский курсив представляет собой значительный шаг к упрощению римского курсива и приближению его к минускулу<sup>22</sup>.

Самые поздние меровингские дипломы практически лишены лигатур, содержат разделения на слова и демонстрируют аккуратное минускульное письмо:



ChLA 583. (Paris, Archives nationales, K 3, n. 12<sup>3</sup>).  
Грамота Хильдеберта III. 694–711 гг. Пергамен

---

<sup>22</sup> Примечательно, что в беневентанском письме, основу которого тоже составил новый римский курсив, техника написания букв также усложнена по сравнению с римским курсивом и на начертание одной буквы писец расходует несколько движений пера, но римские лигатуры, в отличие от меровингского письма, наоборот, сохранены и составляют главную примету этого типа письма. См.: *Loew E. A. The Beneventan Script ...* P. 131—132.

## РЕЗЮМЕ

В статье проводится сопоставление нового римского курсива и мерovingского канцелярского курсива. Мерovingское письмо, имеющее в своей основе римский курсив, значительно изменило как формы отдельных букв, так и построение связанных написаний (лигатур). Техника написания букв в мерovingском курсиве значительно сложнее, чем в римском, так как главным графическим принципом мерovingского письма становится замысловатость форм. В то же время в мерovingском курсиве постепенно происходит вытеснение вариантов написания одной и той же буквы, наблюдается тенденция к унификации форм букв, вместо энклитических и проклитических элементов в лигатурах явно выражено движение к использованию букв в виде их полных нередуцированных форм. В этом отношении мерovingский курсив представляет собой значительный шаг к упорядочению римского курсива и приближению его к минускулу.

## SUMMARY

In the present paper the Merovingian official cursive is compared with the New Roman cursive. The forms of letters employed in the Merovingian cursive descend from the parent stock, the New Roman cursive. New shapes and varieties found in the Merovingian hand show, first, the development into book minuscule forms and, secondly, the technique departed most widely from cursive methods. Whereas the Roman cursive forms were fashioned on the principle of minimum effort, the Merovingian letters are formed with a great number of strokes. The reduced elements in proclitic and enclitic ligatures, which were characteristic in the New Roman cursive, disappear gradually from the Merovingian official cursive. Instead of the proclitic and enclitic elements of ligatures, the Merovingian cursive has a tendency to employ letters in their full forms. We may conclude, that the Merovingian official cursive was a step towards the modification of the cursive writing into the book minuscule.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новый римский курсив, мерovingский курсив, лигатуры.

## KEYWORDS

New Roman cursive, Merovingian official cursive, ligatures.

## БИБЛИОГРАФИЯ

## REFERENCES

*Антонетц Е. В.* Введение в римскую палеографию. М., 2009 (*Antonetz E. V.* *Vvedeijnje v rimskuju paleografiju.* Moskva, 2009).

*Добиаш-Рождественская О. А.* История письма в средние века : руководство к изучению латинской палеографии. Изд. 3-е, доп. М., 1987 (*Dobias-Rojdestvenskaja O. A.* Istoria pis'ma d srednie veka : rukovodstvo k izucheniju latinskoj paleografii. Izd. 3rd, dop. Moskva, 1987).

*Мажуга В. И.* Pactum как полюбовное соглашение и его роль в истории римского обязательственного права // Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси / под общ. ред. И. Я. Фроянова. СПб., 2004 (*Mazhuga V. I.* Pactum kak poljubovnoe soglaszenie i ego rol' v istorii rimskogo objazatel'stvennogo prava // Sudebnik Ivana III : Stanovlenie samoderzhavnogo gosudarstva na Rusi / red. I. Ja. Frojanov. St. Peterburg, 2004. P. 343—367).

*Малов В. Н.* Меровинги // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 150—158 (*Malov V. N.* Merovingi // Voprosy istorii. № 6. 2000. P. 150—158).

*Bischoff B.* Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. 4. Aufl. Berlin, 2009.

Chartae Latinae Antiquiores : Facsimile-edition of the Latin charters prior to the Ninth Century / ed. by A. Bruckner and R. Marichal. Part I—XLIX. Olten, Lausanne ; Dietikon, Zürich, 1954—1998.

Chartae Latinae Antiquiores : Facsimile-edition of the Latin charters prior to the Ninth Century / ed. by A. Bruckner and R. Marichal. Part XIII. France I, published by Hartmut Atsma, Jean Vesin. Dietikon, Zürich, 1981.

Chartae Latinae Antiquiores : Facsimile-edition of the Latin charters prior to the Ninth Century / ed. by A. Bruckner and R. Marichal. Part XIV. France II, published by Hartmut Atsma, Jean Vesin. Dietikon, Zürich, 1982.

*Classen P.* Fortleben und Wandel spätrömischen Urkundenwesens im frühen Mittelalter // Recht und Schrift im Mittelalter / Hrsg. P. Classen. Sigmaringen, 1977. (Vorträge und Forschungen ; 23). S. 13—54.

*Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunden: Diplomatische Studien zum römisch-germanischen Kontinuitätsproblem // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1955. Bd. 1. S. 1—87 ; 1956. Bd. 2. S. 1—115.

*Classen P.* Spätrömische Grundlagen mittelalterlichen Kanzlein // Ausgewählte Aufsätze von Peter Classen / Hrsg. J. Fleckenstein. Sigmaringen, 1983. (Vorträge und Forschungen ; 28). S. 67—84.

Die Urkunden der Merowinger / Hrsg. C. Brühl (†), Th. Kölzer, M. Hartmann, A. Stieldorf : 2 Bde. Hannover, 2001.

Diplomata, chartae, epistolae et alia documenta ad res Francicas spectantia / ed. L. G. O. F. de Bréquigny et F. J. G. de La Porte du Theil. Parisiis, 1791. Vol. 1—3.

Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-Francicas spectantia prius collecta a L. G. O. F. de Bréquigny et F. J. G. de la Porte du

Theil, nunc nova ratione ordinata plurimumque aucta / ed. J.-M. Pardessus. Lutetiae Parisiorum, 1843—1849. Vol. 1—2.

Diplomata regum Francorum e stirpe Merovingica. Diplomata maiorum domus e stirpe Arnulforum. Diplomata spuria / ed. K. A. F. Pertz. Hannoverae, 1872. (Monumenta Germaniae Historica. Diplomata ; t. 1).

*Ganz D., Goffart W.* Charters Earlier than 800 from French Collections // *Speculum*. 1990. Vol. 65. P. 906—932.

*Lauer Ph., Samaran Ch.* Les diplômes originaux des Mérovingiens : Fac-similés phototypiques avec notices et transcriptions / préface par M. Prou. Paris, 1908.

*Loew E. A.* The Beneventan Script : A History of the South Italian Minuscule. Oxford, 1914 (Repr. 1999).

*Mabillon J.* De re diplomatica libri VI. Parisiis, 1681 (2 ed. 1709); Supplementum. 1704.

*Robertis T.* de La scrittura romana // *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*. 2004. Bd. 50. S. 221—246.

*Tardif L.-J.* Fac-simile de chartes et diplômes mérovingiens et carlovingiens, sur papyrus et sur parchemin, compris dans l'Inventaire des monuments historiques. Paris, 1866. (Archives de l'Empire. Inventaires et documents publiés... sous la direction de M. le Marquis de Laborde).

*Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700. I : Papyri 1—28. Lund, 1955 ; III : Tafeln. Lund, 1954.

*Vezin J.* Un demi-siècle de recherches et de découvertes dans le domaine de l'écriture mérovingienne // *Archiv für Diplomatik*. 2004. Bd. 50. S. 247—275.

---

Д. Б. КРЮКОВА

## НИЖНЕНЕМЕЦКАЯ ПСАЛТИРЬ ИЗ ГАЛЬБЕРШТАДТА В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ РНБ (Ф. 955. Оп. 2. № 46)

В 1946 г. фонды РНБ<sup>1</sup>полнила коллекция латинских и немецких манускриптов XII—XV вв., насчитывающая 95 единиц хранения<sup>2</sup>. Большая часть коллекции — 77 рукописей — происходит из собрания гимназии при кафедральном соборе Гальберштадта<sup>3</sup>. В годы Второй мировой войны фонды библиотеки гальберштадтской гимназии были рассеяны. Помимо РНБ, часть рукописных материалов из гальберштадтского собрания сосредоточена в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ: они составляют «Коллекцию документов Густава Шмидта» (Ф. 40).

---

<sup>1</sup> В 1932—1992 гг. — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

<sup>2</sup> См.: *Vagonyté Ž.* Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg : Bericht über eine Bibliotheksreise // «Durst nach Erkenntnis...» : Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa : Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium / hrsg. von Heike Müns und Matthias Weber. München, 2007. (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa ; 29). S. 181—195 ; *Rogatschewski A.* Deutsche mittelalterliche Handschriften in den St. Petersburger Handschriftensammlungen (bis zur Mitte des 16. Jh. s.) : Erschließungsprobleme und Forschungsperspektiven // *Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas* / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012. S. 107—122.

<sup>3</sup> См.: *Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E.* Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // *Manuscripta germanica ...* S. 123—157.

Сведения о местонахождении основной части рукописного собрания отсутствуют по сей день<sup>4</sup>.

Поскольку в течение долгого времени гальберштадтские рукописи оставались вне поля зрения исследователей, проблема всестороннего изучения сохранившихся материалов встала особенно остро. Существующие описания относятся еще к предвоенному времени и представлены в каталоге Густава Шмидта<sup>5</sup>, бывшего директора соборной гимназии. Более подробные сведения содержатся в неопубликованной описи Ганса Вальтера<sup>6</sup>. Последние годы отмечены появлением ряда публикаций, посвященных различным аспектам исследования рукописного наследия из Гальберштадта. Заслуга по изучению и систематизации московской «Коллекции документов Густава Шмидта» принадлежит Е. Р. Сквайрс и Н. А. Ганиной<sup>7</sup>. Анализ некоторых гальберштадтских манускриптов, ныне хранящихся в РНБ, проводится также в рамках совместной работы Н. А. Бондарко, М. Г. Логутовой и зарубежных специалистов<sup>8</sup>.

В центре внимания предлагаемой статьи находится нижненемецкая Псалтирь XV в., принадлежащая к числу гальберштадтских рукописей в собрании РНБ (Ф. 955. Оп. 2. № 46)<sup>9</sup>. На сегодняшний день не существует специальных исследований этой рукописи; известны лишь два кратких описания, выполненные Густавом Шмидтом и Гансом Вальтером. В 2013 г. впервые был опубликован фрагмент Псалтири, содержащий текст псалмов 54 и 55, и представлены предварительные результаты лингвистического анализа

---

<sup>4</sup> См.: Сквайрс Е. Р. «Коллекция документов Густава Шмидта» в собрании Московского университета // Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета : каталог ; материалы и исслед. М., 2008. С. 11—22.

<sup>5</sup> Schmidt G. Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt : Oster-Programm 1878. Halberstadt, 1878. S. 37.

<sup>6</sup> Описания Вальтера доступны на сайте проекта *Deutsche Texte des Mittelalters*. URL: [http://dtm.bbaw.de/HSA/Halberstadt\\_700349110000.html](http://dtm.bbaw.de/HSA/Halberstadt_700349110000.html)

<sup>7</sup> См.: Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А. Немецкие средневековые рукописи ...

<sup>8</sup> См.: Manuscripta germanica ... ; Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken / hrsg. von R. Bentzinger, A. Breith, C. Squires, I. Velikodnaja. Erfurt, 2012 ; Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken. Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossow-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Bd. 2 / hrsg. von N. Ganina, K. Klein, C. Squires, Jü. Wolf. Erfurt, 2014.

<sup>9</sup> См. неопубликованную опись фонда, составленную М. Г. Логутовой: ОР РНБ. Ф. 955. Оп. 2 (Собрание латинских рукописей) : опись фонда. Оп. № 1269 / сост. М. Г. Логутова. СПб., 2004.

нижненемецкого текста<sup>10</sup>. Целью настоящей статьи является освещение общих археографических особенностей рукописи и подробное изложение состава списка с последующим выводом относительно его функционального назначения.

### Описание

Переплет XV в.: обложка свиной кожи с клапаном. На деревянном корешке сохранилась бумажная этикетка с указанием прежнего шифра гимназической библиотеки *M 36*.

Рукопись выполнена на бумаге и содержит 242 листа, размер листа 214 × 144 мм, размер текста 160 × 90—100 мм. Бумага разлинована вертикальными и горизонтальными линиями, определяющими границы текста. Анализ филиграней позволяет датировать рукопись 1437—1439 гг.<sup>11</sup> Текст на латинском и средненижненемецком языке написан коричневыми чернилами, располагается на обеих сторонах всех листов, без пропусков. Письмо одного почерка в один столбец (рис. 1). Исправления и пометки встречаются крайне редко. В колонтитулах проставлена нумерация текстов рукой XV в. (i—clxx). Каждый текст начинается красным инициалом, внутри которого отчетливо виден репрезентант. Красными чернилами выделены также заглавные буквы в стихах, благодаря чему в сплошной последовательности текста легко разграничиваются латинские и немецкие стихи. Частично сохранились кожаные закладки (6 шт.), приклеенные к краям листов; кроме того, отчетливо видны следы утраченных закладок.

Текст рукописи содержит кустоды с красным прочеркиванием и рубрики, выписанные красными чернилами. Содержание рубрик довольно однообразно: как правило, это стандартные литургические аккламации. Чаше всего встречается контрагированная литургическая формула *Ā, ĀN (Amen)*. Значительное количество текстов сопровождается рубрики *Llaud/Laudes (лауды), Ps dauid (псалом Давида)*.

Текст рукописи сопровождается маргинальными глоссами преимущественно на латинском языке. Все без исключения латинские глоссы представляют собой антифоны — краткие стихи, завершающие литургическое исполнение псалма или библейской песни (рис. 2). На общем фоне выделяются две немецкие глоссы. В отличие от латинских маргиналий,

---

<sup>10</sup> Крюкова Д. Б. Нижненемецкая Псалтирь XV в. из Гальберштадта (РНБ, Ф. 955 оп. 2 № 46): предварительные наблюдения над языком памятника // *Материалы семнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII»*. СПб., 2013. С. 469—482.

<sup>11</sup> См.: Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E. *Mittelniederdeutsche geistliche Prosa ...* S. 123—157.

выполняющих явную вспомогательную функцию, немецкие пометы являются собственными комментариями глоссатора и заслуживают отдельного рассмотрения.

### Структура и содержание

Основную часть рукописного сборника занимает полная двуязычная версия Псалтири, включающая латинский оригинал и его подстрочный перевод (л. 1<sup>r</sup>—206<sup>v</sup>). Последовательность стихов сплошная без пропусков. Нумерация текстов в целом совпадает с нумерацией псалмов, однако псалом 118 разбит на 11 частей, так что псалму 119 соответствует уже текст с номером 129 (начало л. 178<sup>v</sup>). В составе текста 158 объединены сразу три псалма: 148—150 (л. 204<sup>v</sup>—206<sup>v</sup>).

Помимо Псалтири, рукопись содержит обширный литургический материал. Он занимает 30 листов (л. 206<sup>v</sup>—236<sup>v</sup>) и включает в себя следующие тексты:

- 1) библейские песни — кантики: семь ветхозаветных (л. 206<sup>v</sup>—223<sup>v</sup>) и три новозаветных (л. 225<sup>v</sup>—228<sup>r</sup>);
- 2) гимн *Te Deum* (л. 223<sup>v</sup>—225<sup>v</sup>);
- 3) символ веры Афанасия Александрийского (л. 228<sup>r</sup>—232<sup>r</sup>);
- 4) краткое славословие (л. 232<sup>r</sup>);
- 5) литания всем святым (*Litania Sanctorum*, л. 232<sup>r</sup>—235<sup>r</sup>) (рис. 3, 4);
- 6) молитвы (л. 235<sup>r</sup>—236<sup>v</sup>).

Все перечисленные тексты представлены на латинском языке без перевода.

Последние листы рукописи (л. 236<sup>v</sup>—240<sup>f</sup>) занимает оглавление, содержащее номера текстов с указанием начальных слов (рис. 5).

Таким образом, функциональное назначение рассматриваемого сборника не вызывает сомнений: рукопись безусловно имеет богослужебный характер и предназначена для внутрицерковного использования. Вопрос об устойчивости представленного в рукописи состава текстов требует специального рассмотрения и выходит за рамки настоящей статьи.

Включение кантик, молитвенного и гимнографического материала в состав списков Псалтири — как латинских, так и двуязычных — не является редкостью ввиду обязательного литургического использования этой библейской книги. Подобные списки были широко распространены в Средневековье, и содержание таких дополнений могло варьироваться. Чаще всего текст Псалтири сопровождается библейскими песнями, структурно схожими с псалмами<sup>12</sup>.

Более точное определение функции рукописи в литургической практике возможно благодаря некоторым косвенным признакам. Обратив внимание

---

<sup>12</sup> Подробнее см.: *Schöndorf K.* Die Tradition der deutschen Psalmenübersetzung. Köln, 1967.



на закладки, нетрудно проследить закономерность в отделении определенных групп псалмов. Следы первой закладки видны на четвертом листе, с которого начинается текст пятого псалма. Следующей закладкой на л. 29 отмечен псалом 26, затем псалом 38 и т. д. Таким образом, закладками отделяются либо группы по 12 псалмов, либо отдельные псалмы, как, например, псалом 5; 42; 64 и т. д. Принимая во внимание тот факт, что псалмы составляли основу молитвенных часов в богослужении суточного круга, объяснение такому разделению текста рукописи следует искать в чинопоследовании суточного круга.

Согласно римскому чину богослужения<sup>13</sup>, Псалтирь выпеваается по очереди на службах в течение недели. Суточный круг включает восемь служб: утренняя (ноктурны), лауды, первый, третий, шестой и девятый часы, вечерня и комплеторий. Помимо фиксированных молитв и гимна, структура каждой службы предполагает определенную для каждого дня недели группу псалмов. Так, на лаудах в будние дни выпеваается по 12 псалмов, в воскресенье и праздники — 18: обязательными являются псалмы 1—20 без четвертого и пятого. Пятый псалом поется в будни на лауды, поэтому и в исследуемой рукописи отмечен отдельной закладкой. На третий, шестой и девятый часы поются три отдела из псалма 118, разбитого в исследуемой рукописи на несколько текстов.

Другим обязательным структурным компонентом в составе службы является библейская песнь. Ветхозаветные кантики исполняются в лауды и распределены по дням недели. В воскресенье и праздники поется песнь трех отроков (Дан 3:57—88, 56), в понедельник — песнь пророка Исаяи (Ис 12:1), во вторник — песнь Езекии (Ис 38:10—20), в среду — песнь Анны (1 Сам 2:1—10), в четверг — песнь Моисея *Cantemus Domino* (Исх 15:1—19), в пятницу — песнь Аввакума (Авв 3:2—19), в субботу — песнь Моисея *Audite caeli* (Втор 32:1—43). В лауды же поется новозаветная песнь Захарии (Лк 1:68—79) с антифоном. Прочие новозаветные кантики исполняются в составе вечерних служб: Песнь Богородицы (Лк 1:46—55) поют в вечерню, песнь Симеона (Лк 2:29—32) — в комплетории.

Кроме того, в порядок служб входят символ веры Афанасия Александрийского, исполняемый, например, в воскресной службе первого часа, а также молитвы с *Kyrie eleison*, образующие коллекту — заключительную часть каждой службы. В исследуемой рукописи эти молитвы следуют сразу

---

<sup>13</sup> Окончательное оформление римский чин богослужения получил к концу VIII в.; определяющую роль в этом процессе сыграли положения монастырского богослужения, зафиксированные в уставе св. Бенедикта Нурсийского (подробнее см.: *Скабалланович М.* Толковый типикон. Киев, 1910. Вып. 1; *Jaspert B.* Studien zum Mönchtum. Hildesheim, 1982; *Jaspert B.* Bibliographie der Regula Benedicti 1930—1980: Ausgaben und Übersetzungen. Hildesheim, 1983).

после литании всем святым. Сама же литания в чинопоследование суточного круга не входила, однако могла использоваться для частной молитвы. Список святых, упоминаемых в литании, не являлся строго фиксированным; он мог варьироваться в зависимости от региона и включать имена местных святых, позволяя тем самым локализовать рукопись. В исследуемом списке зафиксированы имена св. Бернварда и Годехарда, епископов из Хильдесхайма (Нижняя Саксония), что вполне соответствует диалектной атрибуции текста<sup>14</sup>.

Таким образом, не остается сомнений в том, что исследуемый список предназначался для ежедневного использования в монастырском богослужении недельного круга. Тем не менее необходимо сделать акцент на одной из упомянутых ранее особенностей, которая, вероятно, поможет уточнить адресата рукописи. Текст манускрипта содержит две маргинальные глоссы на нижненемецком языке, сопровождающие псалмы 74 и 75:

Л. 110 об.: *desse salme les dynem apostel* («этот псалом читай своему апостолу»).

Л. 111 об.: *dessen salme \_prek eyner \_ele na* («этот псалом говори душе») (рис. 6).

Как представляется, глоссы обнаруживают знакомство переписчика со святоотеческими толкованиями Псалтири, а именно с толкованием Афанасия Великого. В комментарии к псалму 74 Афанасий отмечает, что «в этом псалме появляется лицо апостолов, которые советуют людям прекратить нечестие»<sup>15</sup>, а в комментарии к псалму 75, который по содержанию схож с предыдущим и описывает Суд Божий, указывает, что «Иудея и Израиль есть душа, познавшая Бога; кроме того, душа — это мир и церковь»<sup>16</sup>. Известно, что толкования Афанасия на Псалтирь сохранились в catenaх, широко распространенных в Средневековье<sup>17</sup>. Можно предположить, что знакомый со святоотеческой традицией переписчик-монах изготовил рукописный сборник основных богослужебных текстов, необходимых для ежедневной литургии часов, сопроводив их подстрочным переводом и пометами, для брата-мирянина, живущего при монастыре. Такой гипотезе не противоречит наличие нижненемецкого перевода:

---

<sup>14</sup> Ряд графико-фонетических особенностей позволяет считать переписчика носителем остфальского диалекта нижненемецкого языка, подробнее см.: *Крюкова Д. Б.* Нижненемецкая Псалтирь XV в. ... С. 469—482.

<sup>15</sup> *Migne J.-P.* *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Paris, 1857. Т. 27. Р. 338: «In hoc psalmo persona apostolorum inducitur cohortans homines ut impietatis finem faciant».

<sup>16</sup> *Ibid.* Р. 342: «Notus in Judaea Deus, in Israel magnum nomen ejus. Judaeam hic et Israel vocat animam quae Deum novit: ipsa namquae est vera Judaea et verus Israel».

<sup>17</sup> Подробнее см.: *Lietzmann H.* *Catenen : Teilungen über ihre Geschichte und handschriftliche Überlieferung.* Freiburg, 1897.

мирянин мог не владеть латынью, и для понимания состава службы и текстов, пропеваемых во время богослужения, ему был необходим перевод на родной язык. Будучи результатом анализа структуры списка, это предположение безусловно требует дальнейшей проверки на основании более детального исследования текста в лингвистическом и переводоведческом аспектах.

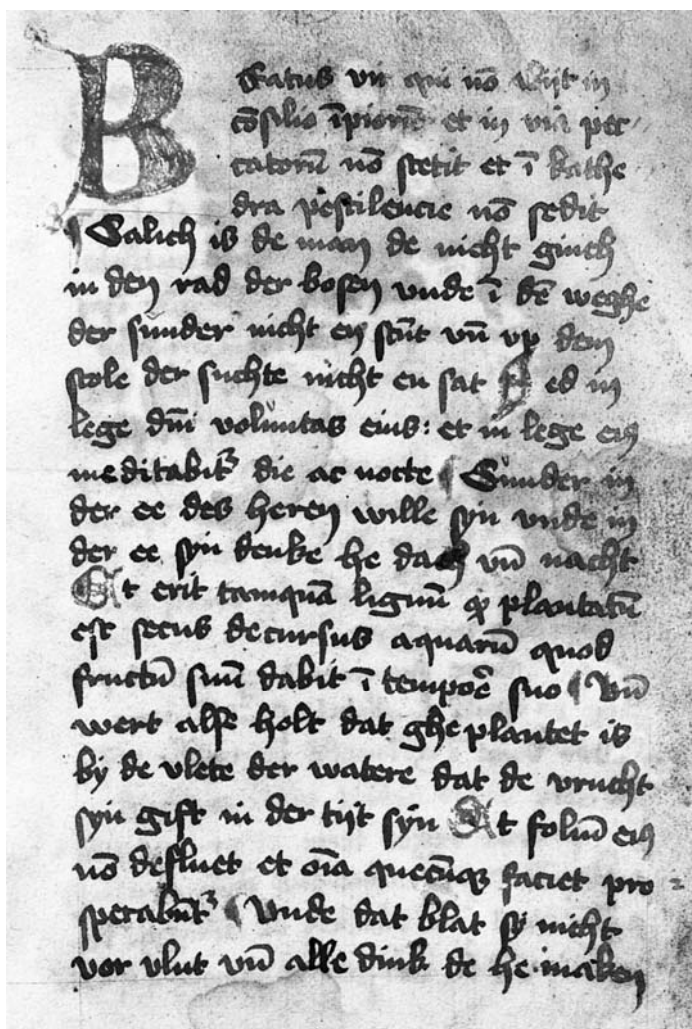


Рис. 1. Псалом 1. Л. 1<sup>г</sup>

In pte se alpe que ouen vires in do-  
 tid des antilates dyu de here i de tome  
 pu de drouet se vu vor fluit se dat vnr  
**F**ructu cord de tra pdes et pme cor  
 a filijs homy De vrucht er vay erde  
 vor domestu vu dat paly or va dey byn  
 dery de lude **Q**u declinaverit in te  
 mala cogitauerit consilia que no potie-  
 rit stabilire **W**ante se negedy i di  
 de hostet se be dacht rade de nicht  
 mochtay san **Q**u ponet cob dorpu  
 i reliquis tuis paralis vultu cordy  
 wante du pte se to rugge i dey  
 gillich domy dyu derydesu dat ant-  
 lat er **G**ualtere due i vute tua  
 cantabim et psallim vutes tuas  
**E**t hanc dci hoc i doghet dyu wy  
 singhet vu loue de doghede dyu an-  
 seli enarrat gloria dei **G**ualtere due  
**Laud** Indubius est dñs fortitudinis et  
 precupit se virtute aevia aevia aevia  
**G**loria et hanc coronasti honor et be-  
 nedictio pcedenti sup tronu vincti i spula  
 pauloru **A** Deus miserere nri et bene-  
**Laud** pognant dñs pmeto fortitudie docone vntu  
 tuis pdes postea aevia p dñs regunt

Рис. 2. Маргинальная глосса на латинском языке (антифон). Л. 29<sup>v</sup>

dan hebben de scholen gay i dat vnr  
 ewighe **D** et est fides catholica qua  
 nisi quisque fideliter firmiterque credi  
 derit saluus esse no poterit **D**yt is  
 de loue der ontfone dey et ne sy dat  
 iowelle truweliken vnr scerliken vnr  
 loue salich wesey mecht ne mach he  
 loria pñ et filio et spiritui sñ  
 ore dey vader vnr sone vnr hulghē  
 gaste **I**ent erat i principio et unē  
 et semp et i secula seculorū amen  
**A**lho was i deme ambogme vnr in  
 vnr vimer vnr i de werlt der werlde  
 dat seke dmer  
 ynclayson **I**scleyson **I**pe  
 andi nob **A**luator mundi adiuua  
 nob **A**ucta maria **O**  
**A**ucte michael ora pro nobis  
**A**ucte gabriel ora pro nobis  
**A**ucte raphael ora pro nobis  
**A**mnēs sancti angeli et archangeli  
 orate pro nobis  
**A**ucte iohannes baptista oray nob

Рис. 3. Литания всем святым. Л. 232<sup>f</sup>



Рис. 4. Литания всем святым. Л. 232<sup>v</sup>—233<sup>r</sup>

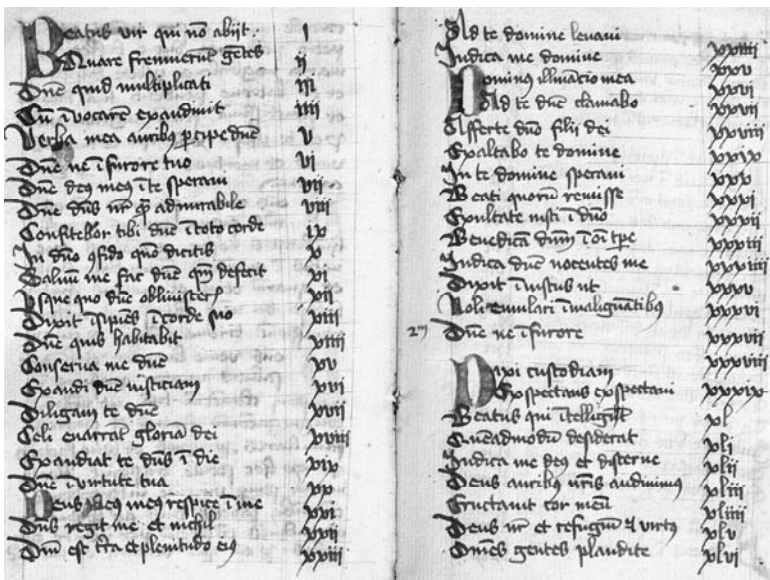


Рис. 5. Оглавление. Л. 236<sup>v</sup>—237<sup>r</sup>

confitebor tibi et aias pauperu tuoru  
 ne obliuiscaris tunc **N**icht gif dey  
 deroy de seley de be leuey dy vnde de  
 seley der armey dyn macht vor ghet t  
 de eide **R** epice t tepamca tuu quia  
 repleti sunt qui obpanati sunt terre domi  
 tiquitatu **S**e t onkude dyn wete vor  
 vullet sunt de vor dusteret sunt der oide  
 thusey des losheyt **E** auentat spul  
 facty qfius pauper et tops laudabit  
 nome tuu **N**icht werde afghe cart  
 di otuodighe wordoy vor storet de arue  
 vnde de vnsulphighe scholey louey dey  
 namey dyn **X**urge deus iudica cau  
 sam tuam memor esto **S**perondu tuoru  
 cord que ab tpuete sunt tota die  
**S**ta vp god richte de pale dyn decht  
 wes der au verthinghe dyn der de woy  
 dumey sint alleyn dach **E** obliuisc  
 ris voce tuncoru tuoru supbia cord  
 qui te oberut ascendit som **N**icht  
 vor ghet der saine vnde dyn de hanc  
 et de dy hatey vp sacht tunc **M**libon  
 vngay hereditatis tue die **E**t t vor  
**C**onfitebor tibi deo confitebor et  
 in vocabing nome tuu **W**y  
 bichtoy willey dy god wy bichte  
 vnde willey an ropen dey name dyn  
**A**rrabing mirabilia tua cu accip

Dass selme lei dyne apostel

Рис. 6. Маргинальная глосса на нижненемецком языке к псалму 74. Л. 110<sup>v</sup>

## РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рукописной нижненемецкой Псалтири XV в. (ОР РНБ. Ф. 955. Оп. 2. № 46), прежде принадлежавшей библиотеке соборной гимназии Гальберштадта. Рукопись содержит полный латинский текст Псалтири с переводом на средненижненемецкий язык, а также литургический материал. Анализ структуры списка позволяет сделать вывод о функциональном назначении исследуемой рукописи и определить предполагаемого адресата.

## КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Средненижненемецкий язык, латинский язык, Псалтирь, средневековый библейский перевод, литургия часов.

## KEYWORDS

Middle Low German, Latin; Psalter, medieval vernacular Bible translations, the Liturgy of the Hours.

## AUSBLICK

Im Bestand der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg befindet sich eine aus der Bibliothek des Domgymnasiums in Halberstadt stammende Handschriftensammlung. Sie umfasst 77 lateinische und deutschsprachige Codices von 12. bis 15. Jahrhundert. Nach 1945 war diese Sammlung nicht mehr zugänglich. Heutzutage werden die Erforschung wieder aufgenommen: die Publikationsserie ist z. B. der sogenannten «Dokumentensammlung Gustav Schmidt» der Lomonossov-Universität Moskau gewidmet. Der vorliegende Artikel soll auch ein Beitrag zur Erforschung des Halberstädter Handschriftenbestands geleistet werden. Die Rede wird von einer Psalterübersetzung in Cod. Fond 955. Op. 2. № 46 (olim Halberstadt, M 36). Ich beschränke meine Untersuchung auf die Struktur des Codex ebenso wie den Inhalt. Im Mittelpunkt steht hierbei die Frage nach seiner Gebrauchsfunktion.

Die Handschrift, die um 1437—1439 entstanden sein muss, besteht aus zwei Teilen. Der erste Teil umfasst 206 Blätter und stellt die komplette lateinisch-niederdeutsche Übersetzung der Psalter dar. Auf den Blättern befinden sich mehrere Anmerkungen in lateinisch; nur zwei sind volkssprachlich. Lateinische Marginalien sind sämtliche Antiphonen, die vor und nach den Psalmenversen gesungen werden. Als wesentliches Kennzeichen ist auch die Lederbandzeichen auf den Rändern angeführt worden: damit wird die Abgrenzung der Psalmengruppen oder einzelnen Psalmen vorgenommen.

Der andere Teil enthält ein umfassendes liturgisches Material und beginnt mit Cantica. Danach folgen auch Hymnus *Te Deum*, Athanasianische Glaubensbekenntnis, die trinitarische Doxologie, Litaneien an alle Heiligen und Gebeten.



Auf den letzten Blättern des Codex befindet sich ein Index mit den Nummern ebenso wie Anfangswörter von allen Texten.

Die Analyse zeigt, dass grundlegende Funktion dieses Codex offensichtlich liturgisch ist. Die Handschrift ist eigens bestimmt für das Stundegebet in monastischen Gemeinschaften. Diese Erklärung widerspricht der Anwesenheit der niederdeutschsprachigen Version nicht. Man darf vermuten, dass Übersetzer die Handschrift mit dem eigenen Kommentar zu Psalmen angefertigt hat, um den notwendigen Psalmentext dem wenig oder gar nicht lateinkundige Rezipienten zugänglich machen. Zur Überprüfung der schon gewonnenen Untersuchungsergebnisse soll jedoch die linguistische und übersetzungsmethodische Analyse dienen.

## БИБЛИОГРАФИЯ

*Крюкова Д. Б.* Нижненемецкая Псалтирь XV в. из Гальберштадта (РНБ, Ф. 955 оп. 2 № 46): предварительные наблюдения над языком памятника // *Материалы семнадцатых чтений памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII»*. СПб., 2013. С. 469—482.

ОР РНБ. Ф. 955. Оп. 2 (Собрание латинских рукописей) : опись фонда. Оп. № 1269 / сост. М. Г. Логутова. СПб., 2004.

*Скабалланович М.* Толковый типикон. Киев, 1910. Вып. 1.

*Сквайрс Е. Р.* «Коллекция документов Густава Шмидта» в собрании Московского университета // *Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А.* Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета : каталог ; материалы и исслед. М., 2008. С. 11—22.

*Сквайрс Е. Р., Ганина Н. А.* Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета : каталог ; материалы и исслед. М., 2008.

*Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E.* Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // *Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas* / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012. S. 123—157.

Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken / hrsg. von R. Bentzinger, A. Breith, C. Squires, I. Velikodnaja. Erfurt, 2012.

Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken : Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonosow-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers

Michail Lomonossov. Bd. 2 / hrsg. von N. Ganina, K. Klein, C. Squires, Jü. Wolf. Erfurt, 2014.

*Jaspert B.* Studien zum Mönchtum. Hildesheim, 1982.

*Jaspert B.* Bibliographie der Regula Benedicti 1930—1980 : Ausgaben und Übersetzungen. Hildesheim, 1983.

*Lietzmann H.* Catenen : Teilungen über ihre Geschichte und handschriftliche Überlieferung. Freiburg, 1897.

Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012.

*Migne J.-P.* Patrologia cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857. T. 27.

*Rogatschewski A.* Deutsche mittelalterliche Handschriften in den St. Petersburger Handschriftensammlungen (bis zur Mitte des 16. Jh. s.). Erschließungsprobleme und Forschungsperspektiven // Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012. S. 107—122.

*Schmidt G.* Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt : Oster-Programm 1878. Halberstadt, 1878.

*Schöndorf K.* Die Tradition der deutschen Psalmenübersetzung. Köln, 1967.

*Vagonytė Ž.* Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg. Bericht über eine Bibliotheksreise // «Durst nach Erkenntnis...» : Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa : Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium / hrsg. von H. Müns und M. Weber. München, 2007. (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa ; 29). S. 181—195.

## REFERENCES

*Bondarko N., Logutova M., Lyakhovitskiy E.* Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg // Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012. S. 123—157.

Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken aus Halberstadt in russischen Bibliotheken / hrsg. von R. Bentzinger, A. Breith, C. Squires, I. Velikodnaja. Erfurt, 2012.

Deutsch-russische Arbeitsgespräche zu mittelalterlichen Handschriften und Drucken in russischen Bibliotheken : Beiträge zur Tagung des deutsch-russischen Arbeitskreises vom 14. bis 16. September 2011 an der Lomonossov-Universität Moskau aus Anlass des 300. Geburtstages des Universitätsgründers Michail Lomonossov. Bd. 2 / hrsg. von N. Ganina, K. Klein, C. Squires, Jü. Wolf. Erfurt, 2014.

*Jaspert B.* Studien zum Mönchtum. Hildesheim, 1982.

*Jaspert B.* Bibliographie der Regula Benedicti 1930—1980 : Ausgaben und Übersetzungen. Hildesheim, 1983.

*Kryukova D. B.* Nižnenemetskaja Psaltir' XV v. iz Galbershtadta (RNB, F. 955 op. 2 nr 46): predvaritelnyje nabljudenija nad jazykom pamjatnika // Materialy semnadtsatych čtenij pamjati I. M. Tronskogo «Indoevropskoje jazykoznanije i klassičeskaja i klassičeskaja filologija — XVII». SPb., 2013. S. 469—482.

*Lietzmann H.* Catenen : Teilungen über ihre Geschichte und handschriftliche Überlieferung. Freiburg, 1897.

Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012.

*Migne J.-P.* Patrologia cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857. T. 27.

*Rogatschewski A.* Deutsche mittelalterliche Handschriften in den St. Petersburg Handschriftensammlungen (bis zur Mitte des 16. Jh. s.). Erschließungsprobleme und Forschungsperspektiven // Manuscripta germanica : Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hrsg. von A. Breith, Ch. Glaßner, K. Klein, M. Schubert, Jü. Wolf. Stuttgart, 2012. S. 107—122.

*Schmidt G.* Königliches Dom-Gymnasium zu Halberstadt : Oster-Programm 1878. Halberstadt, 1878.

*Schöndorf K.* Die Tradition der deutschen Psalmenübersetzung. Köln, 1967.

*Skaballanovič M.* Tolkovyj tipikon. Kiew, 1910. Vyp. 1.

*Squires E. R.* «Kolleksija dokumentov Gustava Shmidta» v sobraniji Moskovskogo universiteta // *Squires E. R., Ganina N. A.* Nemetskije srednevekove rukopisi i staropečatnye fragmenty v «Kolleksiji dokumentov Gustava Shmidta» iz sobranija Naučnoj biblioteki Moskovskogo universiteta : katalog ; materialy i issleda. M., 2008. S. 11—22.

*Squires E. R., Ganina N. A.* Nemetskije srednevekove rukopisi i staropečatnye fragmenty v «Kolleksiji dokumentov Gustava Shmidta» iz sobranija Naučnoj biblioteki Moskovskogo universiteta : katalog ; materialy i issled. M., 2008.

*Vagonytė Ž.* Mittelalterliche deutsche Handschriften in St. Petersburg. Bericht über eine Bibliotheksreise // «Durst nach Erkenntnis...» : Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa : Zwei Jahrzehnte Immanuel-Kant-Stipendium / hrsg. von H. Müns und M. Weber. München, 2007. (Schriften des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa ; 29). S. 181—195.

---

**СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ Т. XXXIV  
«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ  
ДИСЦИПЛИНЫ»**

Андреева Н. С., Фонд имени Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург)

Антонец Е. В., Московский государственный университет имени  
М. В. Ломоносова

Базарова Т. А., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Крюкова Д. Б., Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-  
Петербург)

Левшина Е. С., Институт русской литературы РАН (Пушкинский  
Дом, Санкт-Петербург)

Пятницкий Ю. А., Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Родин Н. В., Санкт-Петербургский институт истории РАН

Селин А. А., Санкт-Петербургский филиал Национального исследо-  
вательского университета «Высшая школа экономики»

Сергеев А. В., Институт промышленной безопасности, охраны труда  
и социального партнерства (Санкт-Петербург)

Степанова Е. В., Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Фомина Ю. Б., Санкт-Петербургский институт истории РАН

---

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
БАН	— Библиотека Российской академии наук
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ	— Журнал Министерства юстиции
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН
ЛОИИ	— Ленинградское отделение института истории (в наст. время — Санкт-Петербургский институт истории РАН)
ОР	— Отдел рукописей
РАН	— Российская академия наук
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РНБ	— Российская национальная библиотека

СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (в наст. время — Российский государственный архив древних актов)
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ChLA	— Chartae Latinae Antiquiores
MGH	— Monumenta Germaniae Historica

---

## СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии .....	5
--------------------------------	---

### I

А. В. Сергеев. Князья Ярославские во второй трети XVI в.: историко-генеалогическое исследование .....	9
А. А. Селин, Ю. Б. Фомина. Архив Посольского стола Новгородской приказной палаты XVII в.: история, современное состояние и пути исследования .....	62
Т. А. Базарова. Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711—1714 гг.: история создания и перспективы изучения .....	78
Н. С. Андреева. Прибалтийские реформы начала XX в. в историографии .....	94
Н. В. Родин. К изучению источников по истории воинских захоронений Первой мировой войны (на примере Петрограда).....	112

### II

Е. В. Степанова. Печати византийских светских и церковных объединений.....	127
Е. С. Левшина. Сведения об институте адельфата в сербских актах конца XIV—начала XV в.....	154
Ю. А. Пятницкий. Список иконы «Богоматерь Млекопитательница» из скита Святого Ильи на Святом Афоне в коллекции Государственного Эрмитажа.....	165

### III

Е. В. Антоненц. Меровингское письмо и новый римский курсив (некоторые наблюдения) .....	193
Д. Б. Крюкова. Нижненемецкая Псалтирь из Гальберштадта в рукописном собрании РНБ (Ф. 955. Оп. 1. № 46).....	217
Список авторов статей т. XXXIV «Вспомогательные историче- ские дисциплины» .....	232
Список сокращений .....	233



---

## CONTENTS

From the Editorial Board .....	5
--------------------------------	---

### I

Sergeev A. V. Yaroslavskie Princes in a second third of the 16 <sup>th</sup> century: historical and genealogical research .....	9
Selin A. A., Fomina Yu. B. The archive of the Ambassador Department, of Novgorod Governor's Chamber, of the 17 <sup>th</sup> century: history, modern situation and the ways of the research .....	62
Bazarova T. A. Stateinye spiski of Russian Ambassadors at the Sublime Porte of 1711—1714: history and prospects of study .....	78
Andreeva N. S. Baltic reforms at the beginning of the 20 <sup>th</sup> century in the historiography .....	94
Rodin N. V. Studying of the sources of World War I military burials history (based on Petrograd materials) .....	112

### II

Stepanova E. V. Seals of the Byzantine secular and church communities .....	127
Levshina E. S. Information about the institution of adelphatein Serbian acts of the late 14 <sup>th</sup> —beginning of the 15 <sup>th</sup> century .....	154
Pyatnitsky Yu. A. The Hermitage museum's copy of the miracle icon The Virgin Galaktotrophusa from the Prophet Elijah Skete at the Mount Athos .....	165

### III

Antonetz E. V. Some observations on the Merovingian official cursive and the new Roman cursive (some notes).....	193
Kryukova D. B. Middle Low German Psalter from Halberstadt in the National Library of Russia (F. 955. Op. 2. Nr 46).....	217
The List of authors .....	232
The List of abbreviations .....	233

*Научное издание*

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Том XXXIV

Утверждено к печати  
Санкт-Петербургским институтом истории  
Российской академии наук

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ  
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью  
и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Компьютерная верстка *Е. М. Криворучко*  
Художественное оформление *А. П. Бакланова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор  
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги, 95 3150 — литература  
по истории и историческим наукам

Подписано в печать 29.12.2014  
Формат 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Уч.-изд. л. 13,2. Печ. л. 15,0.  
Тираж 500 экз. Заказ 3452.

Первая Академическая типография «Наука»  
199034, С.-Петербург, В. О., 9-я линия, 12/28

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»  
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н  
Телефон/факс: (812) 230-97-87  
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)  
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)  
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)  
<http://www.dbulanin.ru>

